

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал

Человек. Культура. Образование

Research and Instruction Journal

Human. Culture. Education

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 1 (51) 2024

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Томск, Россия);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Санкт-Петербург, Россия);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, доцент, Председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Сыктывкар, Россия);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Якутск, Россия);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета им. Доржи Банзарова (Улан-Удэ, Россия);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета (Архангельск, Россия);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Забулионите Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Зюев Николай Федосеевич, доктор философских наук, доцент, независимый исследователь (Сыктывкар, Россия);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамента философии и социальной критики (Каунас, Литва);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, Министерство социальных отношений, замминистра (Челябинск, Россия);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Санкт-Петербург, Россия);

Лю Лэи, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мангоне Эмилиана, доктор социологии, профессор социологии, культуры и коммуникации университета Салерно (Салерно, Италия);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор Экономического университета им. Г. В. Плеханова (Минск, Республика Беларусь);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, директор Института художественного образования (Санкт-Петербург, Россия);

Скотт Тое, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Сыктывкар, Россия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» — Санкт-Петербург (Санкт-Петербург, Россия);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);

Шабаев Юрий Петрович, доктор исторических наук, ст. научный сотрудник, заведующий сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар, Россия);

Шадрина Ирина Михайловна, доктор педагогических наук, доцент, ректор Мурманского арктического государственного университета (Россия, Мурманск);

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры рекламы, связей с общественностью и социально-гуманитарных проблем Российского государственного университета физической культуры, спорта, молодежи и туризма (Москва, Россия);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогики Забайкальского государственного университета; заместитель директора по науке Школы педагогики, профессор Департамента педагогики и психологии развития Дальневосточного федерального университета (Чита, Россия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Марина Михайловна Пашкова, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, руководитель издательского центра Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.

E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», 2024

Peer-reviewed research and instruction journal “Human. Culture. Education”
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrskiy prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Russian Christian Humanitarian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department of Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Igor L. Zhrebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of St. Petersburg University; Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Nikolai F. Zyuzev, Doctor of Philosophical Sciences (Russia, Syktyvkar);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Ministry of Social Affairs, Deputy Minister (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Professor Professor of the Department of Theory and History of Culture of St-Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Emiliana Mangone, Doctor of Sociology, Associate Professor, University of Salerno (Italy, Salerno);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of Economics University named after G. V. Plekhanov (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor of Herzen State Pedagogical University, Director of the Institute of Fine Arts Education (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Nord University; Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Public Administration, Saint Petersburg School of Social Sciences and Area Studies, Higher School of Economics (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Irina M. Shadrina, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Murmansk Arctic State University (Russia, Murmansk);

Ekaterina N. Shapinskaia, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Advertising, Public Relations and Social and Humanitarian Problems of the Russian State University of Physical Culture, Sports, Youth and Tourism (Moscow, Russia);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Pedagogy Department, Transbaikalian State University; Deputy Director for Science of the School of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Far Eastern Federal University (Russia, Chita).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Marina M. Pashkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department of the Institute of Foreign Languages,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Забулионите А. К. И. Культура как целостность в исследовательских программах российской культурологии.....	10
---	----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Агрба А. А., Агрба Л. А. Коммуникативный портрет политика (на примере телевизионных интервью Владислава Ардзинба).....	22
Забулионите А. К. И., Цзян Тао. Направление «шинуазри» в китайской поп-музыке и его роль в межкультурной и внутрикультурной коммуникации.....	43
Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Идеология цифровизации и современный предпринимательский университет.....	57

Материалы, публикуемые в рамках XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года

Белов А. В. Бесприютный «Императорский театр»: деятельность московской труппы (бывшей «вольной» труппы М. Медокса) в 1806–1811 гг.	77
Ван Юйжун. Традиции и новации в китайской портретной живописи середины династии Цин (1661–1796).....	88
Волкова Т. Ф., Дронова Т. И. Книжники из усть-цилемского старообрядческого рода Бабиковых.....	102
Кимеева Т. И. Традиционная игра в контексте современной культуры: по материалам экспедиции 2023 г. к бачатским телеутам.....	116
Разова Е. Л. Онтологические формы бытия человека. Концепт «Дом».....	128
Шапинская Е. Н. Советский миф в пространстве культурных коммуникаций.....	149

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Орбодоева Л. М., Самбуева В. Б., Тараскина Я. В. Обучение адаптации текста в процессе внутриязыкового и межъязыкового перевода.....	165
--	-----

CONTENTS

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Zabulionite A. K. I. Culture as a Wholeness in Research Programs of Russian Culturology.....	10
--	----

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Agrba A. A., Agrba L. A. Communication Portrait of a Politician (Analysis of Vladislav Ardzinba’s Television Interviews).....	22
Zabulionite A. K. I., Jiang Tao. Chinoiserie Trend in Chinese Pop Music and Its Role in Inter-Civilizational and Intra-Cultural Communication.....	43
Maltsev K. G., Maltseva A. V. The Ideology of Digitalization and the Modern Entrepreneurial University.....	57

Materials Published Within the Framework of the XVI International Scientific Conference “Semiosis and Culture: Strategies and Practices of Intercultural Dialogue”, November 29–30, 2023

Belov A. V. “Imperial Theater”: the Activities of the Moscow Troupe (the Former “Free” Corpses of M. Medox) in 1806–1811.....	77
YuRong Wang. Traditions and Innovations in Chinese Portraiture of the Mid-Qing Dynasty (1661–1796).....	88
Volkova T. F., Dronova T. I. Scribes from the Ust-Tsilma Old Believer Family of the Babikovs.....	102
Kimeeva T. I. Traditional Game in the Context of Modern Culture: Based on Materials from the 2023 Expedition to the Bachat Teleuts.....	116
Razava A. L. Ontological Forms of Human Existence. “Home” Concept.....	128
Shapinskaya E. N. Soviet Myth in the Space of Cultural Communications.....	149

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Orbodoeva L. M., Sambueva V. B., Taraskina Ja. V. Text Adaptation Teaching in the Process of Intra- and Interlanguage Translation.....	165
--	-----

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Article

UDC 168.522; 124.4

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-10>

Culture as a Wholeness in Research Programs of Russian Culturology

Audra-Kristina I. Zabulionite

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University;
St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
k.zabulionite@holism-culture.org; zkristi@mail.ru

Abstract. *One of the fundamental problems of modern science of culture is the constitution of the unique wholeness of culture in conceptual form. The classical research programs of Russian culturology (mechanicism and organicism) offer different concepts and logical models of the wholeness. Of particular interest in the formation of culturological discourses of non-European cultures and civilizations is organicism, which is aimed at expressing the qualitative certainty of the phenomena being studied. However, its introduction into culturology is associated with considerable difficulties in developing a conceptual apparatus. Prospects for solving this problem are seen not only in turning to the philosophical phenomenology of E. Husserl and the idea of regional ontologies, but also in the formation of a third research program that involves rethinking the discipline of culturology and the algorithm of culturological cognition.*

Keywords: *typology of cultures, regional ontologies, phenomenology, disciplinary of culturology, research program*

For citation: Zabulionite A.-K. I. Culture as a Wholeness in Research Programs of Russian Culturology. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 1: 10–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-10>

Культура как целостность в исследовательских программах российской культурологии

Аудра Кристина Иосифовна Забулионите

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия, k.zabulionite@holism-culture.org; zkristi@mail.ru

Аннотация. *В 2021 году прошла интересная и весьма напряженная полемика о состоянии дисциплинарности российской культурологии, полный текст которой был опубликован на страницах журнала «Человек. Культура. Образование» (2022, № 4 и 2023, № 1–3). В центре дискуссии был поставлен вопрос о том, как конституируется понятие «культура» — базовое понятие науки о культурах. Конституирование в понятийной форме уникальной целостности культуры является одной из фундаментальных проблем современной науки о культуре. Классические научно-исследовательские программы российской культурологии (механицизм и органицизм) исходят из разных онтологических постулатов: культура как системная целостность и культура как органическая целостность. Соответственно, они предлагают разные концепты и логические модели целостности. Как показала эта полемика, некоторые весьма основательные вопросы этих научно-исследовательских программ, а также вопрос их дополнительности и ныне остаются непроясненными. В статье раскрываются философские предпосылки этих двух научно-исследовательских программ, обсуждается их познавательный потенциал, выявляются рамки легитимации. Особый интерес в формировании культурологических дискурсов неевропейских культур и цивилизаций представляет научно-исследовательская программа органицизма, имеющая установку на выражение качественной определенности изучаемых явлений. Однако ее внедрение в культурологию связано с немалыми трудностями разработки понятийного аппарата. Перспектива решения этой проблемы видится не только в обращении к философской феноменологии Э. Гуссерля и идее региональных онтологий, но также в формировании третьей феноменологической научно-исследовательской программы, предполагающей переосмысление дисциплинарности культурологии и алгоритма культурологического познания. Феноменологическая научная программа, вводя идею региональных онтологий, открывает возможность формирования культурологических дискурсов уникальных цивили-*

лизаций: дискурсов китаеведения, арабистики, индологии, африканистики и других неевропейских культур и цивилизаций, в том числе и этнокультур.

Ключевые слова: типология культур, региональные онтологии, феноменология, дисциплинарность культурологии, научно-исследовательская программа

Для цитирования: Забулионите А. К. И. Культура как целостность в исследовательских программах российской культурологии // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 10–21. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-10>

1. Concepts and logical models of cultural wholeness. In 2021, an interesting and very intense polemic took place on the state of disciplinarity in Russian culturology. This discussion was dedicated to the memory of Prof. Yu. N. Solonin, who initiated a debate on the systematicity and wholeness two decades ago, at the time of the formation of Russian culturology as an independent field of scientific research and university discipline. That is, the question was raised as to how the concept of “culture” — i. e. the basic concept of the science of cultures — is constituted. In this discussion on the material of culturology the competition of two research programs, known since the end of the 18th century, was updated. From the controversy of the 1990s to the present day, Russian culturology in its development is largely determined by the competition between these two scientific programs, which proceed from different ontological postulates: culture as a systemic wholeness and culture as an organic wholeness. However, the polemic of 2021 showed that some of the very fundamental issues of these research programs remain unclear. As a consequence, the issue of complementarity of competing programs was wrongly interpreted as a search for convergence, and judgments were made aimed to reduce competition [1, p. 178–181; 2, p. 170–176]. These kinds of attitudes expressed in the discussion served as an impetus to turn once again to the question of how a research program defines the conceptual apparatus of a particular concept, the architectonics of the disciplinarity of culturology and the very algorithm of culturological cognition.

There is no immediate reality in science. The way in which reality is incorporated into the scientific discourse is determined by the way the subject matter is constituted. According to these ontological postulates, different concepts and different logical models of theories of wholeness are being developed.

The systemic approach which was forming in the rationalist tradition has been widely applied in various fields of natural science for several centuries and today has a well-developed conceptual apparatus. It was very easily transferred to culturology and adapted to a new subject area. In the knowledge of cultures systemic (or systemic-synergistic) approach is based on the understanding of the general systemic organization of all cultures and civilizations: the basic concept of culturology — “culture” — is expressed as a systemic wholeness (type-system). This approach proposes a formational structuring of World History: history is divided into stages that all civilizations and cultures pass through in their historical development. However, adapted for cultural research, this approach also reveals its weaknesses: although at the postulate level, this approach asserts the uniqueness of cultures/civilizations, the conceptual apparatus of the systemic approach is not sensitive to the unique parameters of pictures of the world that are qualitatively different from each other. The logical model of wholeness, or the typological taxon of culture, built as a type-system and is a rationally constructed concept that is universal for all cultures. Its universality is based on the fundamental premise of the system approach: the mind is the same in all people and in all cultures a person acts as a reasonable being, therefore, culture has a rational organization. Such a universal type-system sets a rigid logical framework for reality and cognition. Insensitive to qualitative characteristics, to the uniqueness of cultures/civilizations, this approach in the 20th century was recognized as not working in the cognition of non-European cultures and civilizations. Oriental studies today abandon the formational structuring of the universum of cultures and give clear preference to the civilizational one, which was proposed in the scientific program of organicism.

With the beginning of the formation of Russian culturology in the 1990s, the necessity for the formation of cultural discourses of non-European cultures had been also realized. At the initiative of Yu. N. Solonin and E. A. Torchinov, one of the first in the country departments of philosophy and cultures of the East was opened at the Faculty of Philosophy of St. Petersburg University, which took a course on the formation of cultural discourses of Chinese studies, Indology and Arabic studies [3, p. 61]. Yu. N. Solonin associated the prospect of formation of cultural discourses of non-European cultures with the actualization of organicism, which he called the “Goethean line” in culturology. This scientific program focused on the expression of the uniqueness of each culture. This is evidently traced from the Herder’s idea of the intrinsic worth of all cultures to the life philosophy of O. Spengler, who introduced many proto-

types of cultures as independent principles. It should be noted that at the basis of human activity, the philosophy of life proceeded not from reason, but from the will, from the volitional impulse in human activity. Despite the fact that the ideas of classical organicism and philosophy of life had been attracting the attention of culturologists, however, the process of formation of culturological discourses of non-European cultures has not been completed yet. It should be noted that the difficulties in introducing organicism were observed not only in Oriental studies. If we talk about the introduction of the scientific program of organicism into the scientific practice of cultural research, then even nowadays in this area of knowledge it is significantly behind the systemic approaches.

The conceptual apparatus and methodology of this scientific program still remain less developed today compared to the quantitative-systemic one. Nevertheless, the scientific program of organicism, with its initial focus on qualitative certainty (qualitativity), is now attracting more and more interest in culturological discourses, focused on the study of the uniqueness of cultures and civilizations. The scientific program of organicism offers a civilizational approach and structuring of the universe of cultures and World History on the basis of a typological taxon, which is thought of as an indivisible monad, identical to itself during external changes in historical development and expressing the organic integrity and qualitative certainty of culture /civilization. In the program of organicism, it is important to emphasize that the type cannot be a general concept, because it has the intention to express the uniqueness of each culture/civilization, which develops according to its own internal logic.

Speaking of the development of the conceptual apparatus of organicism in relation to the knowledge of cultures, it is worth noting the idea of the German romantics of the cultural definiteness of being and the next important step made in the philosophy of life of O. Spengler, who introduces the idea of cultural pluralism and, turning to the Goethean idea of typology, offers meaningfully different prototypes of cultures (Apolonian soul, Faustian soul, etc.). The unique prefiguration of culture is exactly the type that expresses the existential metaphysical level of culture, the immaterial organization of its soul. The Orientalists call this level “the experience of the beyond, the experience of the transcendence”. However, Spengler’s prefigurations of cultures have not had a significant impact on the practice of culturalogical research. The reason why Spengler’s very productive idea of introducing pluralism — a multitude of unique prefigurations — was not used in the practice of culturalogical research, we see, first of all, in the fact that these unique “prefigurations” turned out

to be undeveloped. The lack of development of a substantive prefiguration of the soul of culture, which in this scientific program is a way of constructing the objectivity, i.e. the wholeness of a unique culture, has created difficulties for its implementation in the practice of culturalological studies. Spengler also had another unresolved question: while postulating the cultural certainty of being (or a discontinuous metaphysical structure), he did not provide a philosophical justification for this idea.

2. Type of culture as a regional ontology. Therefore, we are faced with the question: on what basis can we assert a discontinuous metaphysical structure, or in other words, justify the ruptures and qualitative differences of being? It seems that we can find such a justification for a discontinuous metaphysical structure (the idea of the cultural certainty of being and the presence of multiple independent principles) in the philosophy of M. Heidegger, who rooted the source of being in Dasein (being-here), and proposed an existential concept of time and true historiography [4, p. 376]. Heidegger's concept of existential time, that proceeds from Dasein, or being-here, is fundamentally different from the concept of time in both the systemic approaches and their understanding of historicism and from O. Spengler's concept of time and historicism.

Discussing the prospects for further development of the metaphysics of culture, we have drawn attention to E. Husserl's theory of objectivity, which deals with the conceptual constitution of regional ontologies on the basis of quasi-region by introducing eidetic concepts [5]. Regional ontology allows to conceptually express the unique prefiguration of the soul of a culture, expressed by its own eidetic concepts. Metaphysical reconstructions of the beingness horizons of unique cultures in their own eidetic concepts — such a system of fundamental eidetic concepts describing the intangible dimension of culture (or the type of a given particular culture) serves as a semantic coordinate system for the interpretation of more specific events and phenomena of this particular culture in research. That is, by attracting the Husserl's theory of objectivity, we acquire a foundation on which it is possible to build research of any unique culture, including building culturalological discourses of Oriental studies, African studies, and models of the world of ethnoculture. For in each case, the researcher will operate systems of concepts that correspond to the unique world pictures of specific civilizations/cultures.

However, by expressing eidetic concepts of metaphysical horizons of unique cultures (regional ontologies), their introduction into culturalological research does not end. The involvement of philosophical ideas

of phenomenology and deep ontology entails the necessity of rethinking the disciplinarity of the science of culture.

Turning to the ideas of E. Husserl and M. Heidegger for the further development of the “Goethean line” in culturology, we will pay special attention to the fact that in the first third of the 20th century there was a turn in philosophical knowledge: it was thanks to the phenomenological school of E. Husserl, the works of M. Heidegger and other representatives of deep ontology that the first attempts to put the ontology and gnoseology of *human existence*, mainly in its existential-anthropological dimension at the center of philosophical constructions were presented. It is not just about the anthropological principle as a methodological approach, but about fundamental philosophical categories, about the possibility of a fundamentally different paradigm of philosophical knowledge. Yu.V. Perov presented this situation quite clearly back in the 1990s when he reflected on social philosophy. His arguments deserve to be cited *in extenso*: “The limits of today’s discussions on these topics (about the place of social philosophy within philosophical knowledge — A. K. Z.) are determined by our possibility (or rather: impossibility) to present another type of scientific knowledge, essentially different from the New European one, in which modern sociology is integrated, as well as other types and forms of philosophizing. Most philosophical doctrines from antiquity to the present day, in the constitution of their own ‘metaphysics’ and ‘ontology’, ‘gnoseology’ and ‘methodology’, in the treatment of reality and its cognition, proceeded from ‘nature’ as ‘reality par excellence’, ‘reality in preference’. The reality of society and social cognition were interpreted as a special case, as an optional ‘superstructure’. This was also the place of social philosophy in the classical (in this and only in this sense ‘naturalistic’) philosophical paradigm, in which the fundamental philosophical categories were oriented mainly to the ‘model’ of reality in the form of ‘nature’ and its cognition. It is important to see that we are talking about fundamental philosophical categories, and not only about the well-known natural science-oriented methodological ‘ideal of scientificity’. The dualism of ‘sciences of nature’ and ‘sciences of spirit’ formed in the last century turned out to be a temporary compromise primarily because of its obvious ‘methodology’” [6, p. 144]. The situation changed in the 20th century, when the first attempts were made to put the ontology and gnoseology of human existence at the center of philosophical constructions. This made possible the existence of a “sociocentric” and “historiocentric” philosophy, the basis of which is socio-historical reality, and nature is a special case. “In this approach, the primary and universal, and

partly 'only' 'ontological' reality is the process of social-historical life of mankind, and all other existing and possible 'realities': 'social', 'anthropological', 'cultural', 'psychological' (as it was once proposed by N. A. Berdyaev, although in a different context and with different purposes) and even 'natural' reality, as it appears in relation to the 'historical' one, are only analytically isolated and existing within it and on its basis" [6, p. 144].

Orientation to the philosophical paradigm, centered on the ontology and gnoseology of human existence, changes the whole situation in the science of culture. It not only creates a special methodological situation in the science of culture, but also affects the principles of disciplinary organization. It is important to emphasize: in cultural science the orientation to one or another paradigm of philosophical knowledge determines different principles of organization of the architectonics of disciplinarity of cultural science. Thus, it is not just a question of different methodological principles of cognition offered by alternative scientific programs, but precisely about the emergence of a new — phenomenological scientific program — as the third research program of cultural studies.

3. Alternative scientific programs: architectonics of disciplinarity and algorithms of cognition. Why do we have the right to talk about a new research program, in view of the fact that while turning to the ideas philosophical phenomenology we are developing the "Goethean line", that is, the ideas of organicism and philosophy of life? The fact is that both the concepts of the "Goethean line", and the mechanicism, with all their different attitudes in understanding reality, in cognition, proceed from pre-Kantian ontology. While the philosophical phenomenology of E. Husserl and its further development in the existentialism of M. Heidegger, in the philosophical hermeneutics of G. Gadamer, relate to the transcendental tradition of philosophy, which is reflected in the peculiarities in the formation of the architectonics of the disciplinary structure of culturology, built on "regional ontology".

If we pay attention to the architectonics of disciplinarity of culturology in the mechanistic scientific program — to the systemic (system-synergetic) approach in culturology, which in the most developed form was presented in the works of M. S. Kagan, then theoretical culturology is at the center of disciplinarity. The basic concept of culturology — the wholeness of culture — is constructed as a systemic wholeness. Moreover, the type-system is a logical model of wholeness, universal for all cultures, and serves as a basis for structuring the universum of cultures and World History as a stadial, formational, ascending development of

humanity. M. S. Kagan, proceeding from the ontological postulate of the systemic organization of culture, believed that the theoretical construct — the system of culture — is a certain internally differentiated wholeness, which he was building by the hypothetico-deductive method. The condition of hypothesis verifiability is connected with another condition — with the possibility to unfold deductively the hypothesis to empirically verifiable statements being compared with observed facts and phenomena. Therefore, in his article “Classification and Systematization” M. S. Kagan emphasized that the work of a systematician should be complemented by the work of a classifier, who deals with the immediate empirical reality and uses the method of induction in cognition [7, p. 10]. M. S. Kagan consistently adheres to this logic in his subsequent works. In “Introduction to the History of World Culture” the scholar not only continues to develop his theoretical construct, but also shows how it works in the cultural material. He models history as an ascending development of parallel cultures. All cultures are based on the same regularities. United into one whole, they form a “system”, which in the most general form is a basic concept, a logical model expressing the wholeness of culture (type-system). It is the basis of different cultural-historical types. Turning to individual cultures, M. S. Kagan demonstrates how historical material illustrates the truth of his theoretical construct, how the “system” works in a concrete material. The principle of correlation between the empirical and theoretical levels of knowledge is already defined in the “Philosophy of Culture” as an illustration of a rationally constructed construct with the help of facts [8, p. 330]. The principle of correlation between empirical and theoretical levels of cognition is already defined in the “Philosophy of Culture” as an illustration of a rationally constructed construct by facts [8, p. 330]. The same motive is carried out in the “Introduction to the History of World Culture”, where “the author refers to the specific material of history of culture only insofar as it is necessary to prove the heuristic value of the justified concept” [9, p. 8]. In M. S. Kagan’s works, the systemic approach received not only a detailed representation, but also a well-considered, well-founded disciplinarity, which is based on a theoretical construct.

The scientific research program of organicism, the “Goethean line”, with all the differences in the construction of the basic concept — culture, also thought that the basis of disciplinarity should be theoretical culturalology. Of course, the basic concept (culture is an organic wholeness) in the qualitative scientific program is constituted in a fundamentally different way than in the systemic approaches developed in the rationalist

tradition and oriented on the model of physics. Classical organicism was formed on the natural philosophy of J. W. Goethe. In his philosophy of life, O. Spengler's understanding of the being of culture proceeded not from reason: Spengler turned to the will, to the impulse of life. However, his philosophy of culture retained many biological analogies, which are evident, for example, in his concept of historicism. Both classical organicism and O. Spengler's philosophy belonged to the pre-Kantian tradition of philosophy.

As opposed to the "Goethean line," the phenomenological tradition of philosophy represented a variation of the transcendental tradition of philosophy. At the center of this paradigm of philosophy are the constructions of ontology and gnoseology of *human existence*. The rationale for the discontinuous metaphysical structure in this program is based on Dasein and the existential concept of time. In the phenomenological research program of culturology, not only the entire system of concepts is rethought, but also the structure of disciplinarity, which is based not on theoretical culturology (as in the case of the two classical ones), but on the metaphysics of culture. Regional ontology expressing in eidetic concepts the metaphysical (being) horizon of a unique culture is not an abstract theoretical construct. Thus, the unique, individualized and characteristic only for this civilization system of eidetic notions acts as an individualized common denominator in the research of those or other phenomena of this particular culture. And the control of all hermeneutic procedures in cultural research is carried out from the metaphysical level. It is the point of account for revealing meanings in specific studies: events, artifacts, phenomena, fragments of this culture. That is, cognition is a hermeneutic comprehension of the meaning of a fragment of culture in the semantic horizon of the wholeness of culture. In addition, the procedure of hermeneutic interpretation of the fragment from the perspective of the wholeness of the metaphysical horizon of a particular culture ensures the verifiability and justification of specific scientific research in this scientific program.

The phenomenological scientific program, while introducing the idea of regional ontologies, opens the possibility of forming culturological discourses of unique civilizations: discourses of Chinese studies, Arabistics, Indology, African studies and other non-European cultures and civilizations. However, the introduction of the idea of regional ontologies raises the question of the unity of the science of cultures. Consequently, a phenomenological scientific program in culturology is required to clarify the question of the unity of the science of cultures. This question, which

at first glance may seem rather tricky, is not really a serious problem. In his theory of objectivity, E. Husserl provides a clear explanation of how regional ontologies and quasi-region relate. E. Husserl explains: the quasi-region is initially empty and as such it does not reflect the ontological organization of a unique culture/civilization. Regional ontologies are not inferred from formal ontology [10, p. 61–62]. The individualization of the quasi-region implies the creation of a unique system of eidetic concepts that express the world picture of a particular unique culture. Thus, the quasi-region is thought of as a certain common logic of construction of the subject sphere of science, in our case, culturalogical discourse. Or in other words, the science of culture combines the culturalogical discourses of unique cultures, built according to the unified logic of objectivity formation.

4. Conclusion. There is no immediate reality in science. In order to reach understanding how reality is included in the culturological discourse, it is necessary to see that alternative research programs are oriented to different paradigms of philosophy, which set different contents of fundamental concepts (time, space, motion, causality, etc.), perceived by scientific programs and theoretical knowledge in a ready-made form. From their point of view, not only the objectivity of culturology is fundamentally differently constituted, but the architectonics of disciplinarity and the algorithm of culturological cognition are constructed in a fundamentally different way.

References

1. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 1 / A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Human. Culture. Education*. 2022. No 4. Pp. 145–183. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2022-4-145>. (In Russ.)
2. Relevance of Yu. N. Solonin and M. S. Kagan Polemics. Fundamentals of Russian Culturology (dedicated to the 80th Anniversary of Professor Yu. N. Solonin). The Roundtable Discussion Proceedings in the Framework of the Third Saint Petersburg International Culture-Studies Symposium (November 20, 2021). Part 3. A. K. I. Zabulionite (academic ed.), I. B. Ardashkin, V. N. Badmaev and others. *Human. Culture. Education*. 2023. No 2. Pp. 152–188. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2023-2-152>. (In Russ.)

3. Solonin, K. Yu., Tumanyan, T. G. Traditions of studying the philosophy and cultures of the East at St. Petersburg University. *Etnosotsium*. 2015. No 7 (85). P. 61.
4. Heidegger M. *Being and Time*. Translated from German. St. Petersburg, 2002. 451 p. [s. n.].
5. Zabulionite A. K. I. Typological Systematics in the Science of Culture: Foundations and Prospects. *Bulletin of Tomsk State University. Culturology and Art history*. 2021. No 43. Pp. 40–54. DOI: 10.17223/22220836/43/3. (In Russ.)
6. Perov Yu. V. *Historicity and Historical Reality*. St. Petersburg, 2000. 144 p.
7. *Types in Culture. Methodological Problems of Classification, Systematization and Typology in Socio-Historical and Anthropological Sciences* / Kleyn L. S. (ed.). Leningrad: Leningrad State University, 1979.
8. Kagan M. S. *Philosophy of Culture*. St. Petersburg: Petropolis, 1996. 415 p.
9. Kagan M. S. *Introduction to the History of World Culture*. St. Petersburg: Petropolis, 2003. Vol. 1. 383 p.
10. Husserl E. *Ideas for Pure Phenomenology and Phenomenological Philosophy. Book One: General Introduction to Pure Phenomenology*. Moscow, 2009. 498 p.

Сведения об авторе

Забулионите Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48); доцент Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9)

Information about author

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophy, Professor of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, Moika River embankment, St. Petersburg, 91186, Russia); Associate Professor at St. Petersburg State University (7–9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.01.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	12.02.2024

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 070

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-22>

Коммуникативный портрет политика (на примере телевизионных интервью Владислава Ардзинба)

Амина Алексеевна Агрба¹, Лана Алексеевна Агрба²

¹МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия,

a.agrba@my.mgimo.ru, ORCID ID:0000-0003-2676-1636

²Абхазский государственный университет, Сухум, Абхазия,

lagrba@mail.ru ORCID: 0000-0002-4951-6214

Аннотация. В статье рассматриваются коммуникативные аспекты языковой личности первого президента Абхазии Владислава Григорьевича Ардзинба (14.05.1945 — 04.03.2010), нашедшие отражение в телевизионных интервью. Для анализа коммуникативной специфики, эстетических и риторических особенностей в арсенале политика авторы обращаются с позиций интегративного подхода к наиболее информативному с точки зрения фиксации уникальных поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций публичных деятелей жанру. Целью исследования является выявление отдельных коммуникативно обусловленных качеств политика, отражающих его идейно-мировоззренческие и нравственные характеристики как на индивидуально-личностном, так и этнонациональном уровнях, чтобы понять особенности, сделавшие его прецедентной фигурой в новейшей истории Абхазии. Задачи исследования — рассмотреть

уникальные коммуникативно-риторические компоненты идиостиля политика, отраженные в публичной речевой деятельности сквозь призму лингвокультурных особенностей; определить коммуникативную специфику, содействующую достижению мотивационно-прагматических целей; проанализировать авторскую манеру репрезентации и организации текста. В работе также предпринята попытка выделить основные этнокультурные поведенческие модели, свойственные национальному лидеру. Материалом исследования послужили видеозаписи интервью политика различным средствам массовой информации в самый сложный для Абхазии период — с 1989 по 1999 год. С применением соответствующей методологии в рамках лингвополитической персонологии на основе интерпретационного анализа рассмотрены вербальные и невербальные особенности идиостиля Ардзинба. В результате исследования установлены и систематизированы контекстно обусловленные коммуникативные компоненты, нашедшие отражение в формате телевизионных интервью, проанализированы ядерные характеристики языковой личности политика в коммуникации, а также определены национально обусловленные аспекты, определяющие этнонациональную специфику поведения рассматриваемой фигуры. Актуальным, на наш взгляд, представляется дальнейший анализ коммуникативно-риторических проявлений политика.

Ключевые слова: Ардзинба, политическое интервью, медиапроявления, коммуникативно-риторические особенности, идиостиль политика, этносознание, имидж, национально обусловленные компоненты, национальное самосознание политика

Для цитирования: Агрба А. А., Агрба Л. А. Коммуникативный портрет политика (на примере телевизионных интервью Владислава Ардзинба) // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 22–43. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-22>

Communication Portrait of a Politician (Analysis of Vladislav Ardzinba's Television Interviews)

Amina A. Agrba¹, Lana A. Agrba²

¹ Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia,
a.agrba@my.mgimo.ru, ORCID ID:0000-0003-2676-1636

² Abkhazian State University, Sukhum, Republic of Abkhazia,
lagrba@mail.ru ORCID: 0000-0002-4951-6214

Abstract. *The article considers communicative aspects reflected in his political interviews of the first President of Abkhazia Vladislav G. Ardzinba. We address to them in order to understand the features that made him a precedent figure, a true people's leader. The purpose of the research is to identify certain communicative qualities of a politician that reflected his ideological and moral values at individual and ethnical levels. The aim of the research is to consider the unique*

communicative style reflected in Ardzinba's public speeches. The source of research material is based on video recordings of interviews to various mass media agencies during the most difficult historical period for modern Abkhazia from 1989 to 1999. Applying the appropriate methodology within the framework of lingua-political personology based on interpretive analysis, we will address to the main communicative and rhetorical components of the politician's idiostyle. The research identified and systematized the factors that determine the specifics of the communicative behavior of Ardzinba, including his preferences in the selection and organization of linguistic and rhetorical means of his political speech. Further analysis of the politician's communicative and rhetorical manifestations seems to be relevant.

Keywords: Vladislav G. Ardzinba, political TV interview, communicative and rhetorical features, idiostyle of politics, presentation, image, ethnically conditioned communicative components, specifics of national identity of a politician

For citation: Agrba A. A., Agrba L. A. Communication Portrait of a Politician (Analysis of Vladislav Ardzinba's Television Interviews). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 1: 22–43. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-22>

Введение. Ключевым компонентом в сфере деятельности политика является публичная речь. Она влияет на создание «определённого коммуникативного образа, языкового “лица” политика, так как это не только хороший способ заявить о себе, но и сделать выступления своей “визитной карточкой”, своеобразным “фирменным знаком”» [1, с. 57–73].

Появление в медиапространстве (выступления, обращения, интервью) — неотъемлемая часть имиджа политика, который складывается из определяющих поведение языковой личности комплекса вербальных и невербальных проявлений, а также коммуникативно-риторических свойств. Эти инструменты воздействия отражают свойства, которые «манифестируются определенным набором языковых средств» [2, с. 21], определяя идиостиль политика, «раскрывая такие особенности оратора, как уровень его культуры и эрудиция» [3, с. 121–125]. Компоненты идиостиля в коммуникации и речетворчестве составляют ядерные характеристики языковой личности политического лидера, делая его не просто узнаваемой фигурой благодаря своему уникальному коммуникативно-языковому почерку, но и вызывая определенные эмоции населения.

Коммуникативно-риторическая деятельность каждого политика уникальна ещё и тем, что она представляет собой сочетание индивидуально-личностных и этнонациональных компонентов речевой культуры. «Речь оратора содержит элементы, свойственные

национальности и культуре, представителем которых он является» [4, с. 358], а его коммуникативное поведение определяется «совокупностью норм и традиций общения определенной лингвокультурной общности» [5, с. 23].

Учитывая это, необходимо помнить, что именно этнокультурная составляющая личности обуславливает выбор коммуникативно-риторических средств, авторскую манеру репрезентации и организации текста, а также наполняет её определенным ценностным содержанием. Параметры национального кода, лежащие в основе построения речи политика и его риторической манеры, воссоздают характерные признаки национальной коммуникативной культуры и особенности поведения. Таким образом, политический лидер является носителем индивидуальных и коллективных этнокультурных речеповеденческих характеристик, а также институциональной личностью, выражающей чаяния и надежды целевой аудитории.

С целью исследовать коммуникативную специфику, эстетические и риторические особенности в арсенале первого президента Абхазии Владислава Ардзинба, обратимся с позиций интегративного подхода к жанру политического интервью. Этот жанр интервью является наиболее информативным с точки зрения фиксации уникальных поведенческих, эмоциональных и когнитивных реакций, так как отличается высокой степенью спонтанности коммуникации, диалогичностью, эмоциональностью, выразительностью и т. д., способствуя максимальному проявлению личностных качеств политика.

Владислав Григорьевич Ардзинба был одним из лучших ораторов своего времени. Речи его не были протокольно-этикетными, он не стремился к изысканности и риторическим «красотам» — ораторский стиль политика был всецело функциональным, порой даже прагматичным, простым. Однако противиться обаянию Владислава Ардзинба во время публичных появлений было невозможно. Его уникальная манера общения с народом строилась на виртуозном использовании близких этнокультурному сознанию людей ценностей и смыслов, при помощи которых политик не только располагал к себе, но и влиял на эмоции и интенции граждан. Подтверждением этому служит любое интервью, заявление, выступление политика, которое характеризуется выверенным, грамотным, логичным использованием соответствующих ситуации и целям коммуникации языка и стиля общения с народом. «Хеттолог, проникший в тай-

ны древних цивилизаций Малой Азии, обладающий несомненными ораторскими способностями, и даром убеждения, и лидерскими качествами вместе с внешними данными, он неизменно вызывал к себе симпатии и доверие окружающих его людей» [6, с. 5].

При всей сложности и противоречивости своей натуры, а может быть, именно в силу этого В. Г. Ардзинба высоко ценил открытость, простоту и естественность в общении. Политик и сам был доступен, умел говорить с обществом, давая разъяснения, публично обсуждая проблемы, апеллируя к мнению большинства, и при этом он всегда имел собственную точку зрения, которую открыто высказывал. Таков был особенный стиль Владислава Ардзинба.

Коммуникативно-риторические компоненты идиостиля Ардзинба в формате телевизионных интервью. Ознакомившись с материалами телевизионных интервью В. Г. Ардзинба, мы можем выделить ряд характерных особенностей, а именно: убедительность, достоверность, логичность изложения материала, эксплицитную оценочность, аксиологичность, ироничность и т. д. Эти элементы идиостиля политика стали предметом отдельного научного анализа [7, с. 106–124]. В предлагаемом исследовании интересна коммуникативная специфика, отражавшая мотивационно-прагматические цели В. Г. Ардзинба, а также национально обусловленные особенности его речевого поведения.

В рамках медиадискурса нами выделены как наиболее характерные для политика следующие ключевые коммуникативно-риторические компоненты идиостиля:

Открытость. Появление на телеэкранах молодого абхазского политика Владислава Ардзинба на трибуне Съезда Верховного Совета СССР 2 июня 1989 года стало настоящей сенсацией и привлекло к его фигуре большое внимание. Сам В. Г. Ардзинба вспоминал, что в последний момент, «когда я уже был готов заявить протест и сложить полномочия, вдруг объявили, что мне предоставляется слово» [8, с. 57].

Эту речь, ставшей прецедентной, потом назвали «абхазским» информационным прорывом. Считается, что именно она открыла глаза миллионам людей на настоящую историю Абхазии, «на драматическую судьбу малочисленного абхазского народа, на долю которого выпало множество тяжелых испытаний» [9, с. 5–6].

Будучи Председателем Верховного Совета Республики Абхазия, В. Г. Ардзинба выходил в эфир с прямыми обращениями к народу. Молодой политик с открытым взглядом, трезвой оценкой событий,

не скрывающий проблем и готовый не только честно о них говорить, но и решать их, стал чрезвычайно популярным в народе. В своих выступлениях он демонстрировал близость с народом, старался быть объективным и максимально близким к людям в тот момент, когда Абхазия ждала сильного лидера, готового повести за собой в критической ситуации неопределенности после развала СССР. По мнению И. Бондаренко, когда оратор описывает проблему и предлагает алгоритм её решения, он становится ближе к аудитории, которая «будет пытаться с помощью предложенных методов решить возникшую проблему и найти из неё достойный выход» [10, с. 12].

Образ политика, не боявшегося камер, прямо выражавшего своё «я», личную позицию и оценку происходящих событий, готового открыто обсуждать наболевшие проблемы и чётко понимавшего, что политике нужна транспарентность, шёл в разрез с коммуникативной парадигмой советского времени. Комфортно расположившись напротив интервьюера, часто откинувшись в удобном кресле, Ардзинба, свободно жестикулируя и глядя собеседнику прямо в глаза, выбирал тот стиль общения, который был максимально уместен, и это передавалось через экраны телевизоров, удивляя людей, привыкших видеть политиков за высокой кафедрой или в президиуме. «Академический учёный Ардзинба резко отличался от представителей партсовноменклатуры, обременённых прежними стереотипами мышления, старыми представлениями и предрассудками, свойственными командно-административной системе...» [6, с. 5].

Помимо прочего, формат интервью позволял политику обращаться к внешней аудитории. Ардзинба понимал, что мировое сообщество и международные организации лишены достоверной информации о военном вторжении Грузии в Абхазию и единственный способ преодоления информационной изоляции в условиях войны и блокады — это донесение правды о ситуации в Абхазии через СМИ, а значит, регулярное и честное общение с журналистами. Он поддерживал переговоры с представителями различных международных организаций, известными парламентариями и специалистами в области конфликтологии, представителями дипломатических и гуманитарных миссий, всеми, кто был заинтересован в проблемах Абхазии, и тем самым добивался привлечения международного внимания к ситуации в стране. «Я думаю, что очень важны печать, телевидение, все же, несмотря на то мощное лобби, огромные силы, огромный потенциал, который есть у наших оппонентов, им

не удалось скрыть от мировой общественности то варварство, которое совершается в Абхазии...» [11, с. 112].

При помощи аргументированного убеждения Ардзинба добивался объективности восприятия ситуации в Абхазии, и именно интервью стали инструментом разоблачения противника в глазах массовой аудитории, а открытость — эффективным оружием против политических оппонентов [12, с. 66].

Таким образом, информационная активность Ардзинба, частое медиаобщение с народом в формате интервью было воспринято с большим воодушевлением и настраивало общество на кооперативный лад, добавляя значимости фигуре политика. Образ политика сразу стал близким, понятным, легкоузнаваемым, так как он представлял собой народный идеал — открытый, честный, справедливый.

Диалогичность. Говорят, что для политического лидера владения искусством выступления недостаточно, требуется также высокое мастерство публичного диалога. Немецкий политолог Ф. Браун отмечал, что политика есть акт публичных дискуссий, и тот, кто доминирует в политических прениях, выигрывает в политическом весе, влиянии, власти, а в этом Ардзинба был особенно силен. Политик считал, что любое решение, затрагивающее судьбу всего общества, должно широко обсуждаться, поэтому не сторонился, как он сам говорил, «цивилизованной полемики».

О востребованности диалога как формы речевого воздействия в политическом дискурсе сказано немало. Его основная цель — продемонстрировать, что политик умеет разговаривать с народом на простом и понятном ему языке, доступно объясняя трудные для понимания идеи [13, с. 58–67]. О. Н. Паршина считает интервью «информационно-интерпретационным диалогом», подчеркивая, что в политических диалогах на первый план выносятся не содержательно-фактуальная информация, а содержательно-концептуальная, помогающая раскрыть авторское понимание отношений между явлениями, фактами и скрытыми смыслами [14, с. 33]. Вовлеченность Ардзинба в диалог с собственным народом, готовность разделить с ним его надежды стало важным политическим инструментом воздействия. На наш взгляд, именно умение устанавливать доверительный диалог, налаживать обратную связь с самыми широкими пластами населения, активно интересующимися политической жизнью, помогло политику, заручившись поддержкой граждан, смело идти к поставленной цели. «Мудрость и

заслуга Владислава Григорьевича в том, что он вышел на простых людей, на народ, на тех, кого называют «крестьянскими детьми», на тех, кому кроме сохранения самоидентичности нашего народа и создания независимого абхазского государства ничего не было нужно. Они поверили ему, а он верил им, и именно это привело наш народ к победе» [15, с. 18–19].

По сути, Ардзинба не просто вступил в диалог с собственным народом, но призвал людей к активному участию в политической жизни страны, т. е. предложил людям разделить меру ответственности за судьбу народа, таким образом консолидировав как своих сторонников, так и противников вокруг общей идеи обретения независимости. В сравнительно долгом по протяженности жанре телевизионного интервью, в отсутствие жесткой протокольной и тематической привязанности у политика была возможность спокойно прояснить свою позицию, а вопросно-ответная структура помогла аргументированно убедить массы в правильности предпринимаемых шагов.

Тактика «прямого диалога» с народом сыграла исключительную роль в кризисной ситуации накануне и особенно во время войны 1992–1993 гг. «...Одно только появление Владислава Григорьевича на экране абхазского телевидения, его харизматическая личность, его уверенный голос и мудрые слова вселяли непоколебимую надежду и веру в скорую победу» [16, с. 126].

Коллеги вспоминали, что даже в самые критические моменты именно Владислав Ардзинба умел найти правильные слова, внушая народу веру в собственные силы и неизбежное торжество справедливости.

Кроме того, специфика телевизионных интервью в условиях военного времени определялась тем, что они имели массового зрителя, который не просто пытался уловить и усвоить каждое обращенное к нему слово, но и корректировал свои мысли, настроения и побуждения в соответствии с тем, что слышал из уст главнокомандующего. В сложившихся обстоятельствах такой формат позволял анонсировать, прояснить, утверждать позицию государства по важнейшим для народа вопросам. Как механизм речевого взаимодействия с массами, телеинтервью выступало в качестве основного, если не единственного официального рупора, который помогал своевременно информировать о ситуации в стране и убеждать в правильности его действий. Согласно А. Грабельникову, интервью серьезного политического деятеля «может играть роль офици-

ального политического документа» [15, с. 219]. Таким документом были для Абхазии в военное время телеобращения Ардзинба.

Итак, идиостиль Ардзинба реализовывался в основном в диалогически структурированном дискурсе — политику удавалось поддерживать атмосферу открытого диалога с народом, весьма благотворно влиявшую на настроение в обществе. Коммуникативная стратегия, базировавшаяся на прямом доверительном диалоге между властью и народом, стала для В. Г. Ардзинба тем базисом, который не только определил способ его работы, реагирования, принятия решений, но и обусловил соответствующий вектор развития государства и его институтов в самое сложное для современной Абхазии время.

Кооперативность и адаптивность. Дружеский стиль общения на равных — это то, что выгодно выделяло политика, не оставляя равнодушными ни сторонников, ни противников. «Его всегда внимательно слушали. Даже те, кто страстно ненавидел его речи и мысли. Но основу его успешности определял симбиоз: сплав железной воли и обаяния, харизмы и логики, эрудиции и ораторского таланта» [17, с. 40].

Посредством медиавыступлений, в которых В. Г. Ардзинба имел возможность проявить свои лучшие качества политика и дипломата, он поддерживал контакт, добивался расположения и поддержки даже у своих рьяных оппонентов. Речь политика неизменно сопровождалась открытой жестикуляцией, подвижной мимикой, сосредоточенным вдумчивым слушанием. Доброжелательный коммуникативно-риторический стиль, определявший его лингвокультурную принадлежность, стал яркой приметой рассматриваемой нами языковой личности.

В относительно спонтанном жанре телевизионных интервью В. Г. Ардзинба чувствовал себя абсолютно комфортно — демонстрировал гибкость, быстро адаптировался к изменениям, переключениям собеседника, сохранял спокойствие и самообладание. Ему всегда удавалось «расположить к себе коммуникативного партнёра, используя его слабости, но не вызывая у него синдрома фрустрации» [18, с. 23–24]. Показательно в этой связи интервью-беседа с журналистом грузинского телевидения, записанное в 1999 г., где В. Г. Ардзинба в свойственной ему деликатной манере, мужественно отбиваясь от агрессивных выпадов интервьюера, настойчиво отстаивал интересы своего государства. Лишь изредка, не вступая в конфронтацию, но и не уклоняясь от ответов, Ардзинба отра-

жал провокационные вопросы журналиста репликами типа: «*вы не совсем верно трактуете*», «*это не совсем так*», «*не совсем точная оценка того, что происходило*», «*в вопросе вашем совершенно неверная трактовка*», «*не надо вот так передергивать*», «*я думаю, вы неправильно всё понимаете*» и т. д. В интервью он подробно разъясняет свою позицию, используя сдержанно-корректную тональность и релевантную ситуации коммуникативную стратегию. Своей доброжелательностью, аргументированным и кооперативным стилем беседы политик сгладил все острые углы. Примечательна реакция журналиста в конце интервью: «*Владислав Григорьевич, я знаю, что наше нынешнее интервью — это беседа, в общем-то. Практически инициатива пошла от Вас. И государственному телевидению Грузии, первому каналу остается только поблагодарить Вас за предоставленную нам возможность побеседовать с Вами*» [16, с. 386].

Таким образом, политик часто занимает достаточно сдержанную позицию, спокойно выслушивает собеседника, а затем стремительно переходит в роль оратора, настойчиво и вместе с тем деликатно отстаивая свои убеждения. В своих интервью Ардзинба проявляет терпение, корректность и дипломатичность, демонстрируя лучшие черты оратора-абхаза. Доброжелательность, самоконтроль, естественность, политика, целевая установка на кооперацию и выбор соответствующих контексту стратегий и тактик общения, а также адекватная ситуации коммуникативная модель поведения вкупе с грамотной речью всегда обеспечивали ему внимание.

Эксплицитная оценочность, эмоциональность, эмпатия.

По мнению специалистов, политика — это пространство оценок, где важно мнение, точка зрения, взгляд на вещи [19, с. 136–141]. Оценочность — основополагающая черта политической коммуникации как таковой. Жанр телевизионного интервью позволял политику свободно выражать мнение в соответствии с собственной точкой зрения на события, и Ардзинба открыто характеризовал как действия оппонентов, так и свои собственные шаги, охотно давал интервью, в которых имел возможность уточнить позиции, обосновать предпринятые правительством шаги, выразить своё отношение к происходившим событиям. В рамках аудиовизуального диалогического коммуникативного формата политику, знающему, как применять уместные тактики и стратегии воздействия, «легче донести свою позицию, попутно создавая предпосылки для изменения оценок, трансформации образа ситуации, корректировки модели мира адресата» [20, с. 106].

Прецедентной стала телевизионная версия интервью президента на борту самолёта, записанная в самый разгар войны в Абхазии журналистом Р. Хашиг в сентябре 1992 г. Зрителей поразила степень открытости президента, не побоявшегося продемонстрировать уязвимость своего положения и вместе с тем решительность и хладнокровие лидера, готового взять на себя ответственность за судьбу народа: «...тогда могло бы продолжиться кровопролитие, поэтому решили сделать уступку, пойти на такой шаг, чтобы можно было решать проблему поэтапно» [16, с. 25].

В конце интервью, уже на абхазском языке обращаясь к представителям своего народа, Ардзинба произносит: «Мы здесь все народы объединились, и я считаю это очень важным. Братья, да приму я на себя ваши беды (абх. *шэхацкы сцеит* — реплика выражает особое почтение при обращении к аудитории и может быть переведена как «да положу голову вместо вас»), хочу вам сказать: не падайте духом. За свободу издревле надо было бороться. И мы боремся, но думаем вперёд, верим, есть надежда, и обязательно будет так, как мы хотим» (пер. наш. — А. Л., А. А.) [16, с. 31]. В этой короткой фразе скрыто большое содержание — в ней и вера, и призыв, и утешение, и отеческая любовь, и почтение, и жертвенность, и человеколюбие. Она несёт в себе основы народной мудрости и полностью отвечает этноколлективным устремлениям.

Таким образом, стиль аргументации Ардзинба характеризуется открытостью и эксплицитной оценочностью. Он близко воспринимал реакцию окружающих и не стеснялся эмоционально реагировать на несправедливость. Вообще, политик обладал тем, что сегодня принято называть эмоциональным интеллектом — чуткостью к боли другого, человеколюбием, эмпатией, что было очень важно для моральной поддержки людей, находившихся в отчаянном положении.

Убедительность. В телевизионных интервью-беседах Ардзинба имел возможность демонстрировать богатый арсенал риторических средств убеждения и влияния, которыми он владел. Этот жанр позволял политику не только выразить своё мировосприятие, свою концепцию действительности, но и подтолкнуть людей к политически правильным выводам, ведь в силу своей диалогичности политическая речь в подобном формате направлена «не столько на самовыражение, сколько на воздействие» [21, с. 61].

Во время своих появлений на публике Ардзинба практически не позволял себе читать с листа, поэтому речь политика при пол-

ном соблюдении речевого этикета и соответствующих лингвисторических средств отличалась кажущейся спонтанностью и легкостью, что делало любое его выступление живым, интересным, эмоциональным, а главное — убедительным. Ему удавалось воздействовать на массы именно аргументированностью доводов. Судя по тому, насколько продуманными, взвешенными, сбалансированными были тексты его интервью, можно сказать, что для Ардзинба политический текст был инструментом борьбы, «направленным на решение конкретных политических задач» [22, с. 190].

Журналистов поражало то, как сдержанно и спокойно, но при этом грамотно и аргументированно лидер маленькой Абхазии, противостоявшей в сотни раз превосходившей её по вооружению и ресурсам силе, излагал свои мысли в отстаивании позиции своей страны. Значимость высказывания политика придавали твердая доказательная база, основанная на фактах, логичность изложения материала, четкая аргументированность. Общеизвестно, что «политический текст должен привлекать внимание аудитории, предлагать видение ситуации, убеждать аудиторию в правильности поставленных проблем, подсказывать решение и мобилизовывать аудиторию на поддержку» [23, с. 16]. Из этого следует, что «правильное использование аргументационных ресурсов способно придать определённый смысл политической силе» [24, с. 75], соответственно, политик, владеющий ими, может воздействовать на формирование новых политических предпочтений и мотивировать массы к политическим действиям, выстраивать соответствующий идеологический фундамент.

Из вышесказанного следует, что Ардзинба использовал жанр интервью как ключевой инструмент политической коммуникации, при помощи которого он ненавязчиво проводил очень важную разъяснительную, агитационную, идеологическую работу по реализации идеи строительства абхазской государственности. Представляется, что умение влиять на мнение народа убедительностью доводов — основная характерная коммуникативно-целевая, интенциональная особенность, повсеместно прослеживаемая в его интервью. Настойчивое, аргументированное убеждение — присущий политическому компоненту стиля.

Этнокультурные имиджевые проявления. Медиаобраз политического лидера Абхазии формировался во многом благодаря средствам массовой информации. Ардзинба являлся олицетворением государства, народа, своего лингвокультурного сообщества и

в определённом смысле соответствовал некоему собирательному репрезентативному образу представителя абхазского народа. Поэтому в ходе международных встреч Ардзинба не только пытался доносить миру правду о ситуации в стране, но и использовал интервью как презентативно-имиджевый инструмент ознакомления с Абхазией и абхазами. «Будучи в Женеве¹, мы имеем возможность широко информировать мировую общественность, что такое Абхазия, каковы её требования, какие вопросы она выдвигает. Кроме того, это создает определенное впечатление о наших представителях. А через них — впечатление о руководстве Абхазии, о её народе» [16, с. 108].

В определенный период времени Ардзинба существенно влиял на идеологию и культуру своего народа, формируя новый когнитивный этнонациональный код, который он сам транслировал миру. Понимая это, он использовал политическое интервью как оружие воздействия на внешнего адресата с целью утверждения права народа Абхазии на самоопределение. «Он сумел сделать Абхазию субъектом повышенного геополитического интереса. Заставил политический истеблишмент переоценить значение как нашего государства, так и всего кавказского этнотерриториального пространства как феномена, оказывающего влияние на региональную и общемировую ситуацию» [9, с. 22]. «Политическое интервью международного уровня предусматривает речевое воздействие лидера страны на широкую аудиторию с целью утверждения авторитета государства» [25, с. 54].

Вообще, интервью-портрет — особая разновидность телевизионных интервью, цель которого — максимально раскрыть личность собеседника: понять его характер и отношения к делу, что позволяет добиться популярности и обратиться к огромной аудитории, к которой иначе невозможно было бы достучаться [26, с. 213–234]. Важнейшими элементами здесь являются неподдельные эмоции, рефлексия, спонтанность, чему способствует естественность обстановки, определение выбора тех или других языковых и невербальных составляющих, которые неочевидны в формальных, протокольных медиавыступлениях, но без которых портрет политика не был бы полным. В соответствии с тем образом, который зритель видит на экране, у него возникает определённое впечатление, складывается имидж «из самых важных для аудитории личностных ка-

---

¹ Имеется в виду участие абхазской делегации в Женевских переговорах, проводимых с ноября 1993 г.

честв политика с точки зрения его возможностей для обеспечения полезности (значимости) и безопасности (надежности) в повседневной жизни» [27, с. 31]. Поэтому люди пристально следят за выступлениями и действиями политика, оценивая их не только с точки зрения смысла и формы, но также согласно общепризнанным этическим и эстетическим представлениям.

Абхазскому зрителю В. Г. Ардзинба явился как традиционный «лингвокультурный типаж» с национально обусловленными особенностями коммуникативного поведения, но при этом с собственным уникальным авторским стилем риторической аргументации, отличавшимся доступностью, логичностью, лаконизмом. Считается, что «из всего богатства и многообразия каждая языковая личность “присваивает” именно то, что соответствует устойчивым связям между понятиями в её тезаурусе и выражает вечные, незыблемые для неё истины, в значительной степени отражающие, а значит, и определяющие её жизненное кредо, её жизненную доминанту» [28, с. 35].

Политиком был накоплен немалый жизненный опыт, а историческое образование и профессиональная специфика деятельности давали возможность смотреть на проблемы глубже и шире, трезво оценивая ситуацию и предвидя последствия политических шагов. Во многом медиаобщение в жанре интервью служило инструментом позиционирования себя как лидера абхазского народа, причём Ардзинба было свойственно осмысление собственной политической карьеры. Интересно в этой связи вспомнить интервью президента корреспонденту абхазского телевидения В. Зантария, подготовленное к его пятидесятилетию юбилею. В нём политик в открытой, слегка ироничной манере вспоминает о том, как попал в политику: «... Наступил момент, когда я мог сказать что-то в науке. И вот в этот момент мне пришлось всё это бросить. Но, с другой стороны, занятия наукой как раз позволяют мне как-то иметь сторонний взгляд на многие вещи в абхазской культуре, в абхазских традициях» [16, с. 172].

Интересно, что благодаря своим портретным интервью Ардзинба удалось сформировать имидж высоконравственного политика-абхаза — лидера, отстаивающего ценности своего народа, идеалы нравственности и чести. «Политика — это искусство возможного, — говорил он. — Знаете, я не согласен с выражением ‘Политика — грязное дело’. Грязную политику делают грязные руки. Для меня

нравственность в политике имеет принципиальное значение» [16, с. 153].

Общество Абхазии имело возможность наблюдать за процессом творческой самореализации личности новой формации, человека науки в сфере политики, истинного абхаза, воспитанного согласно традиционным правилам и нормам, и здесь интересными оказались его ораторская манера с этнонациональной спецификой поведения. У Бенуа и Дж. МакХейл к ключевым качествам идеального политика отнесли нравственность, умение руководить, сопереживание и искренность. «Доверие народа к политику складывается из двух составляющих — из восприятия его компетентности и высоких моральных принципов» [29, с. 475–507]. Многие его современники подчеркивали «нестандартность Владислава как политика, в действиях и решениях которого именно этический момент был главенствующим» [30, с. 7]. Имидж политика складывался из восприятия политика как слуги народа, патриота и государственного деятеля, способного принимать непопулярные решения во имя будущего возглавляемой им страны [31].

К важнейшим коммуникативно-содержательным компонентам идиостиля В. Г. Ардзинба следует отнести приверженность политика традиционным ценностям, нашедшую отражение в соответствующих традиционной этнонациональной этике и эстетике модели поведения и реагирования. Его речи наполнены национально значимым аксиологическим содержанием, о чём свидетельствуют апелляции к традиционным ценностям, убеждениям народа.

При помощи контекстно-обусловленных коммуникативных стратегий, реализованных в формате телевизионных интервью, В. Г. Ардзинба удавалось:

- отразить в них официальную позицию власти (интервью как политический документ);
- изложить собственную позицию, точку зрения на происшедшие события (интервью как политическая исповедь);
- побудить адресата к действию, давая установку на кооперацию (интервью как инструмент убеждения и воздействия);
- дискредитировать оппонентов (интервью как инструмент политического давления на конкурентов);
- осуществлять (само)позиционирование, а также позиционировать своё государство как имеющее историко-правовую основу для независимости и тем самым утверждать авторитет страны (интервью как имиджевый портрет политика + презентация государства).

Таким образом, портретное интервью характеризует Ардзинба как инициативную языковую личность с богатым коммуникативно-речевым арсеналом. В своих многочисленных интервью он проявлял себя как интересный, эрудированный собеседник, использующий не только протокольный корпус высказываний, но и «живую» разговорную лексику. Идиостиль Ардзинба отличается богатым тезаурусом, профессиональной подачей, широким диапазоном используемых лингвориторических средств, что говорит о богатой практике публичного речеупотребления и позволяет отнести политика к категории носителей элитарного типа речевой культуры.

Выводы и результаты исследования. Исходя из проведенного анализа коммуникативно-риторических компонентов в идиостиле В. Г. Ардзинба мы пришли к выводу о том, что для рассматриваемой нами публичной языковой личности характерна открытость, доброжелательность, искренность, кооперативность, деликатность, эксплицитная оценочность и эмоциональная выразительность. При помощи верно выбранного, отвечавшего времени и социокультурным условиям формата общения, модели речевого поведения, соответствующей традиционной этнонациональной этике и эстетике, а также релевантной коммуникативной стратегии воздействия Ардзинба добился полного доверия народа и признания правоты своих действий в непростые для государства времена.

В целом анализ интервью политика позволяет характеризовать его как умелого оратора, умеющего найти достойный выход в сложных коммуникативных ситуациях. В различных интервью Ардзинба проявлял себя как политик, способный прогнозировать ход коммуникации, что позволяло ему избегать конфликтности и поддерживать конструктивный диалог не только внутри страны, но и за её пределами.

Отличительными коммуникативными признаками языкового портрета политика являются открытость жестов, эмоциональность, зрительный контакт, чуткость, дружелюбность, что привлекает внимание слушателей и положительно сказывается на имидже политика. Ардзинба неслучайно предпочитал такой медиаформат, как интервью-беседа, — он чувствовал себя в этом менее формальном жанре абсолютно органично. Считаем, что жанр политического интервью-беседы являлся константной формой общения с народом, подчеркивавшей индивидуальный стиль рассматриваемой нами коммуникативно-ориентированной языковой личности.

Выделенные нами доминантные способы взаимодействия с аудиторией (выступления перед широкой аудиторией, а наиболее частые — прямые телевизионные обращения и политические интервью) позволяли В. Г. Ардзинба осуществлять ряд важнейших для политика задач, а именно:

- налаживать эффективную коммуникацию с народом, обращаясь к нему в форме прямого диалога;
- доносить информацию до массового внешнего адресата в условиях информационной изоляции;
- анонсировать, прояснять, утверждать позицию государства по значимым для народа вопросам;
- оказывать эмоциональное воздействие на массы, успокаивать, поддерживать людей, вселять оптимизм в условиях сложного военного и поствоенного времени;
- побуждать граждан к действиям;
- пропагандировать идеи объединения народа и общественно-го согласия.

Проведенное исследование позволяет говорить о серьезном влиянии рассматриваемой языковой личности на социокультурное развитие страны. Владислав Ардзинба стал лидером народа благодаря в том числе уникальному дару красноречия с чистотой и ясностью слога, природным обаянием, живой, свободной, естественной манерой подачи информации, эмоциональной выразительностью, чуткостью, непредсказуемостью реакций, относительной раскованностью поведения, интеллигентной манерой ведения дискуссии, способностью к импровизации и адаптивностью, цепкой логикой и здравым смыслом, доступностью и человечностью. Эти коммуникативно-содержательные компоненты идиостиля В. Г. Ардзинба делали фигуру политика узнаваемой и любимой народом. Политик с высокими морально-этическими принципами, транслировавший этнокультурные ценности и смыслы, готовый к диалогу, был, конечно, тепло воспринят массами, и граждане Абхазии сразу увидели в нём лидера, готового повести за собой народ.

Список источников

1. Горностаева А. А. Место иронии в речевых портретах современных политических деятелей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2016. С. 57–73.
2. Алышева Ю. С. Речевой портрет современного политического лидера : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 21 с.

3. Минибаева С. В., Минеева А. А. Особенности речевого имиджа Сергея Викторовича Лаврова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 2. С. 121–125.
4. Саттарова Р. В. Универсальные, национально-культурные и индивидуально-личностные качества языковой личности политика (на основе анализа политического дискурса Д. Кэмерона) // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 357–362.
5. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта; Наука, 2006. 193 с.
6. Абрегов А. Феномен Владислава Ардзинба — человека и политика // Национальный интерес. 2009. № 3. С. 4–9.
7. Агрба Л. А. Особенности идиостиля политика (на примере анализа языковой личности первого президента Абхазии В. Г. Ардзинбы) // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2020. Вып. 4 (82). С. 106–124.
8. Эпоха Ардзинба / сост. Г. Аламия. Стамбул, 2009. 304 с.
9. Слово о Первом Президенте : документально-публицистический очерк / сост. В. Зантария. Сухум: Дом печати, 2008. 85 с.
10. Бондаренко И. В. Коммуникативно-прагматическая природа интертекстуальности в английском политическом дискурсе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология. 2018. № 1. С. 11–19.
11. Мы шли на смерть, чтобы жить : сборник интервью и выступлений В. Г. Ардзинба / сост. Л. К. Ардзинба. Сухум, 2011. 622 с.
12. Feldman O. Televised Political interviews: A Paradigm for Analysis // Asian Journal for Public Opinion Research. 2016. 63 Vol. 3. No 2. February. Pp. 63–82.
13. Осетрова Е. В. Речевой портрет политического деятеля: содержательные и коммуникативные основания // Лингвистический ежегодник Сибири / под ред. Т. М. Григорьевой. Красноярск, 1999. Вып. 1. С. 58–67.
14. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : дис. ... д-ра филол. наук. Саратов, 2005. 325 с.
15. Джергения А. М. О первом президенте Республики Абхазия Владиславе Ардзинба (статьи, интервью). Сухум, 2019. 61 с.
16. Наш Владислав : сб. выступлений, интервью, бесед / сост. В. Зантария [Электронный ресурс]. Сухум, 2010.
17. Чамагуа В. З. Эпоха Владислава. Хроники. Сухум: Дом печати, 2013. 316 с.
18. Лавринова Н. И. Текстобразующие характеристики политического интервью // Вестник Поморского университета. Сер.: Гум. и соц. науки. 2009. № 5. С. 68–71.
19. Цуциева М. Г. Институциональность языковой личности политика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. С. 136–141.

20. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008. 283 с.

21. Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.

22. Гавриш Г. Б. Своеобразие политического текста в советской традиции // Вестник РГГУ. Сер.: Политология. Социально-коммуникативные науки. 2012. № 1. С. 188–200.

23. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов : учеб. пособие. М.: Логос, 2010. 384 с.

24. Мусихин Г. Политическая риторика как квазисимволизация? // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 2. С. 66–86.

25. Вовкула А. В. Речевые стратегии в интерактивном медиаформате международного политического интервью // Политическая лингвистика. 2018. № 1 (67). С. 47–56.

26. Baum M. A. Talking the Vote: Why Presidential Candidates Hit the Talk Show Circuit // American Journal of Political Science. 2005. 49 (2). 2005. Pp. 213–234.

27. Анисимова Т. В. Психологические условия эффективной презентации личности политика в СМИ // Прагмалингвистика и практика речевого общения. Ростов-на-Дону: ИПО ПИ ЮФУ, 2008. Вып. 2. С. 27–34.

28. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. 6-е изд. М.: URSS: ЛКИ, 2007. 261 с.

29. Levi M., Stoker L. Political Trust and Trustworthiness // Annual Review of Political Science. 2000. Vol. 3 Pp. 475–507.

30. Абхазия в мировой истории и международных отношениях. Посвящается 70-летию Владислава Григорьевича Ардзинба // Материалы международного науч. конф. Сухум: АБИГИ, 2016. 736 с.

31. Zakrizevska M. The Components of an Ideal Politician's Image: the Views of Politicians. 2018. URL: <https://www.researchgate.net/publication/330152111> (дата обращения: 09.03.2020).

References

1. Gornostaeva A. A. The place of irony in the speech portraits of modern political figures. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics]. 2016. Pp. 57–73. (In Russ.)

2. Alysheva Yu. S. *Rechevoj portret sovremennogo politicheskogo lidera : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Speech portrait of a modern political leader : abstract of the thesis ... Candidate of Philology. sciences]. Volgograd, 2013. 21 p. (In Russ.)

3. Minibaeva S. V., Mineeva A. A. Features of the speech image of Sergey Viktorovich Lavrov. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Questions of theory and practice]. Tambov: Diploma, 2020. Vol. 13. Issue 2. Pp. 121–125. (In Russ.)

4. Sattarova R. V. Universal, national-cultural and individual-personal qualities of the linguistic personality of a politician (based on the analysis of

D. Cameron's political discourse). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of Science, culture, education]. 2016. No 5 (60). Pp. 357–362. (In Russ.)

5. Prokhorov Yu. E., Sternin I. A. *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior]. Moscow: Flint; Nauka, 2006. 193 p. (In Russ.)

6. Abregov A. The phenomenon of Vladislav Ardzinba — man and politics. *Nacional'nyj interes* [National interest]. 2009. No 3. Pp. 4–9. (In Russ.)

7. Agrba L. A. Features of the idiosyncrasy of politics (on the example of the analysis of the linguistic personality of the first president of Abkhazia V. G. Ardzinba). *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics]. Ch. ed. A. P. Chudinov; Ural State Pedagogical University. un-T. Yekaterinburg, 2020. Issue 4 (82). Pp. 106–124. (In Russ.)

8. *Epoha Ardzinba* [The Ardzinba Epoch]. Comp. G. Alamiya. Istanbul, 2009. 304 p. (In Russ.)

9. *Slovo o Pervom Prezidente : dokumental'no-publicisticheskij ocherk* [A word about the First President : a documentary and journalistic essay]. Comp. V. Zantaria. Sukhum: House of Printing, 2008. 85 p. (In Russ.)

10. Bondarenko I. V. The communicative and pragmatic nature of intertextuality in English political discourse. *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Ser.: Filologiya, pedagogika, psihologiya* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Ser.: Philology, pedagogy, psychology]. 2018. No 1. Pp. 11–19. (In Russ.)

11. *My shli na smert', chtoby zhit' : sbornik interv'yu i vystuplenij V. G. Ardzinba* [We went to death to live : a collection of interviews and speeches by V. G. Ardzinba]. Comp. L. K. Ardzinba. Sukhum, 2011. 622 p. (In Russ.)

12. Feldman O. Televised Political interviews: A Paradigm for Analysis. *Asian Journal for Public Opinion Research*. 2016. 63. Vol. 3. No 2. February. Pp. 63–82.

13. Osetrova E. V. The speech portrait of a politician: substantial and communicative grounds. *Lingvisticheskij ezhegodnik Sibiri* [Linguistic Yearbook of Siberia]. Ed. by T. M. Grigorieva. Krasnoyarsk, 1999. Issue 1. Pp. 58–67. (In Russ.)

14. Parshina O. N. *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoj politicheskoy elity Rossii* [Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia] : dis. ... Doctor of Philology. sciences. Saratov, 2005. 325 p. (In Russ.)

15. Dzhergenia A. M. *O pervom prezidente Respubliki Abkhaziya Vladislave Ardzinba (stat'i, interv'yu)* [About the first President of the Republic of Abkhazia Vladislav Ardzinba (articles, interviews)]. Sukhum, 2019. 61 p. (In Russ.)

16. *Nash Vladislav : sb. vystuplenij, interv'yu, besed* [Our Vladislav: collection of speeches, interviews, conversations]. Comp. V. Zantaria [electronic resource]. Sukhum, 2010. (In Russ.)

17. Chamagua V. Z. *Epoha Vladislava. Hroniki* [The Epoch of Vladislav. Chronicles]. Sukhum: House of Printing, 2013. 316 p. (In Russ.)

18. Lavrinova N. I. Text-forming characteristics of a political interview. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gum. i soc. nauki* [Bulletin of the Pomeranian University. Ser.: Gum. and social sciences]. 2009. No 5. Pp. 68–71. (In Russ.)

19. Tsutsieva M. G. The institutionalization of the linguistic personality of politicians. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin]. 2014. Pp. 136–141. (In Russ.)
20. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech]. Moscow: LKI, 2008. 283 p. (In Russ.)
21. Chudinov A. P. *Politicheskaya lingvistika : uchebnoe posobie* [Political linguistics : a textbook]. Moscow: Flint: Nauka, 2006. 256 p. (In Russ.)
22. Gavriushin G. B. The originality of the political text in the Soviet tradition. *Vestnik RGGU. Ser.: Politologiya. Social'no-kommunikativnye nauki* [Bulletin of the Russian State University. Ser.: Politologiya. Social and communication sciences]. 2012. No 1. Pp. 188–200. (In Russ.)
23. Altunyan A. G. *Analiz politicheskikh tekstov : ucheb. posobie* [Analysis of political texts : studies. manual]. Moscow: Logos, 2010. 384 p. (In Russ.)
24. Musikhin G. Political rhetoric as quasi-symbolization? *Sociologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review]. 2016. Vol. 15. No 2. Pp. 66–86. (In Russ.)
25. Vovkula A.V. Speech strategies in the interactive media format of an international political interview. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. 2018. No 1 (67). Pp. 47–56. (In Russ.)
26. Baum M. A. Talking the Vote: Why Presidential Candidates Hit the Talk Show Circuit. *American Journal of Political Science*. 2005. 49 (2). Pp. 213–234.
27. Anisimova T. V. Psychological conditions for effective presentation of a politician's personality in the media. *Pragmalingvistika i praktika rechevogo obshcheniya* [Pragmalinguistics and practice of speech communication]. Rostov-on-Don: IPO PI YUFU, 2008. Issue. 2. Pp. 27–34. (In Russ.)
28. Karaulov Yu. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. 6-e izd.* [Russian language and linguistic personality. 6th ed.]. Moscow: URSS: LKI, 2007. 261 p. (In Russ.)
29. Levi M., Stoker L. Political Trust and Trustworthiness. *Annual Review of Political Science*. 2000. Vol. 3. Pp. 475–507.
30. Abkhazia in world history and international relations. Dedicated to the 70th anniversary of Vladislav Grigoryevich Ardzinba. *Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Materials of the International Scientific Conference]. Sukhum: AbI-GI, 2016. 736 p. (In Russ.)
31. Zakrizevskaya M. The Components of an Ideal Politician's Image: the Views of Politicians. 2018. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/330152111> (accessed: 09.03.2020).

Сведения об авторах

Агрба Амина Алексеевна, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры медийной политики и связей с общественностью, МГИМО (У) МИД России (119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76)

Агрба Лана Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков, Абхазский государственный университет (384904, Абхазия, г. Сухум, ул. Университетская, 1)

Information about the authors

Amina A. Agrba, PhD in culture studies, lecturer at PR department, Faculty of International Journalism, MGIMO-University (76, Vernadskogo Prosp., Moscow, 119454, Russia)

Lana A. Agrba, PhD, Associate Professor of the Department of Roman and German Languages, Abkhazian State University (1, Universitetskaya St., Sukhum, 384904, Abkhazia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	11.02.2024

Научная статья / Article

UDC 78.072

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-43>

Chinoiserie Trend in Chinese Pop Music and Its Role in Inter-Civilizational and Intra-Cultural Communication

Audra-Kristina I. Zabulionite^{1,2}, Jiang Tao³

¹A. I. Herzen Russian State Pedagogical University;

²St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,
k.zabulionite@holism-culture.org; zkristi@mail.ru

³A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, St. Petersburg, Russia,
372816639@qq.com

Abstract. *The chinoiserie phenomenon, which combines European forms with elements of Chinese traditional culture, initially emerged in Europe as a result of inter-civilizational communication. At the end of the 20th century, the phenomenon of Chinese chinoiserie was formed in various cultural spheres, including pop music. The artistic, aesthetic and cultural value of the chinoiserie trend has sparked controversy among Chinese musicologists. The authors of the article define chinoiserie as stylization and discuss different communicative styling functions in the case of Western and Chinese chinoiserie.*

Keywords: intercultural communication, stylization, traditional Chinese culture, contemporary Chinese music

For citation: Zabulionite A.-K. I., Jiang Tao. Chinoiserie Trend in Chinese Pop Music and Its Role in Inter-Civilizational and Intra-Cultural Communication.

Направление «шинуазри» в китайской поп-музыке и его роль в междивизиационной и внутрикультурной коммуникации

Аудра Кристина Иосифовна Забулионите^{1, 2}, Цзян Тао³

¹Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена;

²Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия,
k.zabulionite@holism-culture.org; zkristi@mail.ru

³Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, 372816639@qq.com

Аннотация. Термин *шинуазри*, прежде всего в искусствоведческой литературе, появляется в XVII–XVIII веках, когда в Европе и России распространяется мода на все китайское. Феномен *шинуазри* в искусстве проявляется как использование мотивов и стилистических приемов традиционного китайского искусства. На протяжении долгого времени стилистическое направление «шинуазри» воспринимается исключительно как феномен, существующий в европейской и российской культуре. Однако в конце XX века формируется феномен китайского *шинуазри*, который охватывает самые разные области культуры. Он распространяется в музыке, в изобразительном и прикладном искусстве, в архитектуре, в кино и даже в одежде. В культуре Китая формирование феномена *шинуазри* связывают с установкой возродить классическую традицию. В статье обсуждается феномен *шинуазри* на примере китайской поп-музыки. Это направление было весьма противоречиво встречено в китайском музыковедении. Художественная, эстетическая и культурная ценность этого направления в поп-музыке вызвала острую полемику среди китайских музыковедов. В статье представлены разные точки зрения на *шинуазри* в поп-музыке. Критики направления «шинуазри» в китайской поп-музыке обвиняли его в постмодернистских установках, искажающих дух китайской традиционной культуры. Авторы статьи не согласны с обвинениями *шинуазри* в постмодернизме, они отстаивают и аргументируют точку зрения, что *шинуазри* и постмодернизм являются разными эстетическими направлениями. Обращаясь к междисциплинарному подходу, авторы статьи определяют *шинуазри* как стилизацию и обсуждают разные коммуникативные функции стилизации в культуре. Выявляются разный характер стилизации в случае постмодернизма и *шинуазри*, а также разные коммуникативные функции стилизации в случае западного и китайского *шинуазри*.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, стилизация, традиционная китайская культура, современная китайская музыка

Для цитирования: Забулионите А. К. И., Цзян Тао. Направление «шинуазри» в китайской поп-музыке и его роль в межкультурной коммуникации // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 43–56. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-43>

1. Chinoiserie. Concept problem. In the last two decades, a bright new trend in Chinese pop music has been making itself known, which in Chinese musicological literature is denoted by a combination of hieroglyphs 中国风. The translation of this combination in hieroglyphs means “Chinese wind”, and a search for this combination in bilingual online dictionaries offers the following translation into Russian: “chinoiserie”, “Chineseness” (中国风 zhōngguófēng) [1].

As is known, the introduction of a term into scientific use is not completed by its translation from one language into another. To become a scientific concept, a term must have a certain and generally understood content. If we talk about the term “chinoiserie” (from the French “chinoiserie”, translated as “Chineseness”) in Russian and European scientific terminology, then the history of this concept was associated with the penetration of forms of Chinese civilization and the emergence of fashion in Europe for everything Chinese, which became especially noticeable in the 17th century, and in the 18th century covered the entire continent from England to Russia, the center of which, of course, remained France.

The introduction of the term referring to the perception of elements of other civilizational worlds, in this case Chinese, in the European intellectual space, was quite natural. However, it is unusual to apply this term to the phenomena of Chinese civilization itself: Chinese “chinoiserie”, Chinese “Chineseness”. Nevertheless, the trend called 中国风 (“chinoiserie”) exists in China and is gaining huge popularity, not only in pop music, but also in architecture, cinema, clothing and other areas of culture.

There is no doubt about the correctness of the translation of the concept, because in Chinese scientific terminology the characters 中国风 are used both in relation to the new trend in pop music and other arts and cultural fields, and to the long-known phenomena of chinoiserie in Europe. An example is the monograph by Liu Haixiang “Chinoiserie on European Soil” [2], which explores the manifestation of the “Chinese style” in European painting, architecture, furniture, porcelain of the 17th — 18th centuries. Liu Haixiang notes that the French term “chinoiserie” can be translated into Chinese by such terms as 汉风 (han feng), 中国风 (zhongguo feng), 中国风格 (zhongguo feng ge), or 中国热 (zhongguo re) [2, p. 4]. It is noteworthy that out of the four possible translations of the term “chinoiserie” into Chinese, in the title of the book the scientist uses a combination of hieroglyphs “中国风: 欧洲大地的‘中国风’” that means,

“Chinoiserie: ‘Chinese style on European Soil’”. That is, the same term is used for both European chinoiserie and Chinese chinoiserie. The given example is not an isolated case. It refers to the common usage of the term in the Chinese intellectual tradition.

In the situation of close scientific contacts that have been developing intensively in recent decades, it is hardly possible to ignore this terminological situation that has developed in the Chinese intellectual tradition. However, we must solve the issue of the emerging terminological disagreement in Russian and Western science when translating the Chinese term “Chinese chinoiserie”, because it will not be possible to remain silent about this terminological problem and preserve the international status of science. What solution to this problem seems promising to us? In our search for a solution to this question, we shall proceed from the following reasoning:

1) Chinoiserie researchers have repeatedly noted that the image of China in European perception was changing: from mysterious and romanticized to refined but more realistic forms. This is due in no small part to the active cultural exchange: contacts with China are becoming more and more intense. Not only the image of China in European and Russian culture was changing. Since the end of the 19th century, chinoiserie has been the subject of research by historians, art historians, and cultural scientists. The researchers note that chinoiserie is a complex, multifaceted phenomenon, and the definition of the concept of chinoiserie already in the European space becomes ambiguous: “On the one hand, it is an extremely fantasy direction in the history of European art, on the other hand — the result of a serious fascination with China and its culture” [3, p. 3].

Thus, it can be stated that in its semantic history the term “chinoiserie” in the Russian and Western intellectual traditions is gradually losing its certainty, its original meaning is gradually blurring, it becomes semantically difficult to fix. Even more uncertainty is given to the term by the situation with the understanding of chinoiserie in the Chinese intellectual tradition. But the acuteness of the problem only contributes to the search for its solution. In essence, we are faced with the need to define the content and structure of the concept of “chinoiserie”.

2) As is known, the essence of a concept is revealed not on the basis of its externally fixed features, which are variable. The conceptual apparatus of science is developed by relying on philosophical knowledge, which reveals the essence of phenomena based on their origin in culture.

The procedure for defining a concept captures its most general characteristics (concept outline). If we talk about the origin of the chinoise-

rie phenomenon, it is formed as a result of intercultural communication and represents a synthesis of the forms of Western and Chinese medieval civilization (i.e. the use of elements of Chinese medieval culture in European culture). The procedure of concept definition is followed by the procedure of division, which means a meaningful differentiation (substantive structuring) of the concept. In the case of chinoiserie, in intercultural communication the hermeneutic spectrum of the image of China can fluctuate in the widest range: from a false (fantasy) stereotype to the depiction of the real image of China. But the core of the concept is a synthesis of elements of Chinese medieval civilization. And only then the artistic interpretation of these elements (stylization in the aesthetics of romanticism, rococo, baroque, realism, etc.), the peculiarities of chinoiserie in different types of art (in engraving or painting, music or costume, architecture, interior or garden art), regional peculiarities of chinoiserie in different European countries, and so on are traced.

Following the sequence in the division procedures, one can go further in structuring the content of the concept of chinoiserie (up to the manner of stylization in the works of this or that artist). If we consistently adhere to such logic of definition and division of the concept, which was recommended by Aristotle, and which R. Descartes spoke about in his doctrine of method, then we will avoid terminological confusion even if we introduce the term “Chinese chinoiserie”. This will be a regional specification of the chinoiserie phenomena that takes place in contemporary China.

3) This definition of the essence of the chinoiserie phenomenon as a synthesis of Western form with elements of Chinese medieval culture allows us to harmonize the ideas of the Russian and Western intellectual tradition with the terminology currently established in the Chinese intellectual tradition.

It is well known that since the beginning of the 20th century China has turned to the assimilation of the forms of Western civilization in all spheres of life, including all kinds of arts, and the search for a harmonious synthesis of Western and Chinese tradition initially accompanied the processes of reception of Western forms. However, since the 1980s, these processes of reception have been marked by a new important vector: a turn to traditional culture, which in recent decades has been shaped as the trend of chinoiserie (sinicization of Western forms by introducing elements of medieval Chinese culture). Consequently, in the Chinese use of the term “chinoiserie”, logic is clearly present. In both cases (European and Chinese chinoiserie), elements of medieval Chinese culture are introduced into the form of Western civilization, giving it a “Chinese style”.

2. Study of the Chinoiserie trend in pop music in Chinese musicology. The rapidly gaining popularity of chinoiserie in Chinese pop music has already attracted the attention of many, attracted the attention of many researchers in the field of musicology, including the leading ones. However, it should be noted that Chinese researchers are not unanimous in their assessment of this musical phenomenon: they have not reached a consensus on both its artistic value and cultural significance.

The chinoiserie trend in Chinese pop music has been analyzed by musicologists in a variety of aspects: the history of Chinese pop music, aesthetics, linguistics, semiotics, and sociology of music. Discussions of cultural aspects are not uncommon. When it comes to a principled assessment of chinoiserie in Chinese pop music, musicologists have divergent positions: pro et contra.

You Jingbo and Li Gang discuss the emergence and development of chinoiserie in the context of Chinese pop music history, defining it as a “cultural form” that incorporates the harmonies of folk music and elements of national instrumental music. Researchers give a positive assessment and recognize the cultural significance of chinoiserie pop music, noting that it has become an important component of youth culture. And this makes us take a new look at the importance of pop music in culture as a whole [4, p. 316–318].

Tu Jinying offers an overview of the development of Chinese pop music and gives a positive assessment of chinoiserie. He draws attention to the uniqueness of Chinese pop music and its difference from the purely European and American R&B trend. Turning to traditional Chinese music and cultural images, the representatives of the chinoiserie trend in pop music — Zhou Jielun, Wang Lihong, David Tao, Lin Junjie — have opened up a completely new path on the Chinese music scene in the era of flooding “snotty pop” [5, p. 271].

Considering chinoiserie in pop music, Ding Mu believes that as a revolutionary and iconic singer in the pop music market, Zhou Jielun completely sinicizes the R&B music form. He combines hip-hop and R&B singing techniques with traditional Chinese music. The researcher gives an unambiguously positive assessment of the chinoiserie direction, defining this direction as “the leading type of Chinese pop music”, which “infuses literary beauty and the beauty of artistic intent into music” [6, p. 207].

Putting forward three models of Chinese pop music development: “Li Jinhui’s model”, “Northwest Wind model” and “Chinoiserie model”, Zheng Kai believes that the “Chinoiserie model” organically combines elements of Eastern and Western music. According to him, a large number of elements of traditional Chinese culture are integrated on the basis of Western pop music [7, p. 98].

Researchers Wu Bin and Han Chunyan highly praise Zhou Jielun's work, believing that the composer and singer gradually formed a "unique style of chinoiserie music". Most of the songs of the "chinoiserie style" of Zhou Jielun were written in collaboration with Fang Wenshan, whose lyrics have artistic and aesthetic characteristics of Chinese classical poetry, which corresponds to the requirement of Chinese aesthetics: 'to pay great attention to the artistic expression of the state of mind, to give meaning and elegance to inner feelings' [8, p. 48].

Zhang Jinhua also agrees with the positive evaluations of chinoiserie in pop music. He believes that based on the general trend of R&B music style, both Zhou Jielun and Wang Lihong have developed their own chinoiserie. At the same time, Zhang Jinhua praises the professional level of Zhou Jielun and Wang Lihong: "Both of them have headed the trend of the era with remarkable musical literacy" [9, p. 30].

In terms of the sociology of music and musical communication, the direction of chinoiserie in pop music is analyzed by Zheng Kai. He draws attention to its socio-cultural significance and gives this trend a positive assessment. The researcher is convinced that the main factors influencing the formation of chinoiserie are the continuous attempts to nationalize pop music, which is relevant in protecting and supporting national traditional culture. Taking into account the use of elements of traditional Chinese music and poetry in pop music, the direction of chinoiserie is divided into "recessive" and "dominant" [7, p. 109].

Wang Wei also draws attention to the socio-cultural aspects and cultural significance of chinoiserie pop music works. According to the researcher, "Chinoiserie pop music is favored by teenagers, which will allow them to get to know traditional Chinese culture in a discreet way, indirectly awaken their national consciousness and sense of national-cultural identity, and give them high cultural confidence in their country and nation. At the same time, the dissemination of a large number of 'chinoiserie-style' songs will also promote traditional Chinese culture to the world, and will help the world learn more about Chinese culture" [10, p. 396].

However, there are also a number of other researchers who make very critical assessments and judgments. For example, Chen Hewei believes that, while maintaining appreciation for chinoiserie music, one should not ignore the socio-cultural problems it contains, among which he notes three: 1) there are cultural misconceptions in chinoiserie itself and they lead to consequences in society; 2) the Chinoiserie singers' own level of culture is disturbing; 3) commercial interests ultimately lead to the coexistence of high-quality and low-quality chinoiserie music [11, pp. 170–171].

Researchers who critically assess the chinoiserie trend in pop music also cite another set of arguments: 1) in terms of aesthetic characteristics, chinoiserie pop music works are a modernization of China's own aesthetic tradition. They share the aesthetic characteristics of postmodernity. Researchers have expressed concern about how images and traditional Chinese aesthetics in general are being transformed in chinoiserie pop music works; 2) chinoiserie pop music works, they believe, are a collage of many traditional Chinese images, and there is a tendency in contemporary culture to deconstruct traditional Chinese culture.

Thus, for example, researcher Tian Jing draws attention to “the chinoiserie lyrics paradox by Fang Wenshan”. He notes that chinoiserie is a complex intersection of classics, modernity and postmodernity. In pop music there is a deconstruction of classical images, they are interpreted as “deliberate jokes” and are entertaining in nature, while following the traditional way, i.e. adhering to the classical aesthetic theory, such interpretations are prohibited. [12, p. 157]. Critical judgments are also expressed by Cao Hua, paying attention to the transformation of classical images in chinoiserie pop songs: the tradition is being reworked in a postmodern spirit [13, p. 94]. Other researchers have expressed similar opinion in their works: Lian Xi, Ma Jun, Yang Jie, Li Xiaoqing, Xu Liang, Xiao Ting. A number of works are devoted to the analysis of the lyrics of the chinoiserie song direction in pop music.

The study by Lu Zhenglan [14] deals with the issue of “chinoiserie” pop songs in the aspect of gender codes. Huang Hanhua analyzes the semiotic aspects of traditional cultural symbols and “chinoiserie” symbols [15], paying attention to the transformation of cultural codes.

The points of view we have presented indicate that a multidimensional problem field has emerged in Chinese musicological studies by now, in which a serious polemic is taking place about the direction of chinoiserie in Chinese pop music. The problems that are being discussed in Chinese musicology are well-founded, the positions of researchers are well-reasoned, and the questions raised do not presuppose simple answers.

3. The concept of style and stylization. Turning to the study of chinoiserie in Chinese pop music and entering the outlined problem field, we consider it necessary to clarify our notions of style and stylization. For in the Russian and Western intellectual space chinoiserie is defined as stylization, while in Chinese studies chinoiserie is most often defined as a style. Since in the case of chinoiserie, it is about the synthesis of different natural forms (Western and Chinese), it is right, in our view, to talk about stylization.

It seems to us that the general theory of style, based on the idea of the integrity of culture, developed in the research of E. N. Ustyugova [16], is promising regarding this issue in methodological terms. Comprehending the experience of the study of style in different humanities, the researcher emphasizes that the construction of a general theory of style should be based not on separate disciplines, but on the notion of culture as integrity. Thus, E.N. Ustyugova substantiates the interdisciplinary and philosophical-categorical status of the concept of style. "Style is such a way of organizing form, which arises and acts only as an expressive, meaning-bearing form and therefore operates within the boundaries of the world of human meanings, i.e. in culture" [16, p. 154]. Thus, culture as an integrity is the meaning-generating sphere of style, and style is the way of identification of the subject of culture. For human activity, including aesthetic, finds meaning in the integrity of culture, in its spiritual horizon. At the same time, the researcher emphasizes the understanding of style first of all "as an aesthetic phenomenon of culture" [16, p. 224].

E. N. Ustyugova notes that in art history and aesthetics of the second half of the 20th century, the understanding of style is shifting more and more into the sphere of the individual, but the researcher, defends the point of view of the "big" styles (Gothic, Renaissance, Baroque, Classicism, Romanticism). Without smoothing out the methodological difficulties of the question of style diversity of culture (whether culture is monostylous or polystylous), the author takes, in our view, a more promising position — to understand the style, proceeding from the integrity of culture, which does not allow the very concept of style to be blurred to the point of uncertainty. Building a general theory of style, the researcher introduces a dichotomy of concepts — style and stylization — and gives a fundamental characteristic of the latter. E.N. Ustyugova emphasizes that stylization is not a belittling concept, but performs different, very important functions in culture. The researcher gives a detailed and developed typology of stylization, noting, in particular, its communicative function in culture [16, pp. 225–240].

4. Chinoiserie direction as inter-civilizational and intra-cultural communication in Chinese pop music. We believe, based on the general theory of style and taking into account the separation of the concepts of style and stylization, that chinoiserie in Chinese pop music is not an independent style, but a stylization that works differently in the space of Chinese cultural meanings compared to the space of meanings of European and Russian cultures.

As is well known, in the 20th century, Chinese civilization set itself the goal of renewing the traditional forms of Chinese culture by assimilating the forms of the West. Accordingly, in the case of chinoiserie in Chinese pop music, the regulative ideal is the harmonious combination of Western forms and traditional Chinese culture, a thesis repeatedly expressed in the works of leading Chinese music theorists, prominent composers and performers since the 1920s. Therefore, recalling the “prohibition of traditional aesthetics” as an argument against the reinterpretation of traditional images in pop music is hardly compatible with the goal of updating the forms of music. It is not enough to point out the presence of heterogeneous forms (traditional, modern and western) in the judgement about the postmodern character of the work. The question of the conjugation of heterogeneous forms, as well as the way in which classical images are interpreted, clearly requires careful analysis.

What path does a particular artist follow in trying to achieve this regulative ideal? Is a new integrity of the artistic form achieved in a particular work? Are we dealing with an organic integrity of the artistic image or with a collage that transforms traditional images? Analysis is required in each individual case.

As vivid examples of songs, we can cite the songs “Gust of the East Wind” (Fang Wenshan, Zhou Jielun) and “The New Drunken Concubine” (text and melody by Hu Li, performer Li Yugang). Both works make rich use of elements of traditional culture, both in the poetic part (lyrics) and in the musical part (identifiable melodies, harmonies, instruments, and reference to the singing techniques of traditional Chinese vocal art).

When creating the lyrics of the song “Gust of the East Wind”, Zhou Jielun refers to one of the motifs of the qu-po tradition¹, the image of the east wind. In creating the music of the song, he uses Chinese national harmonies, which were the basis not only for Chinese folk music but also for court music, as the basis for the arrangement. The instrumentation of the song combines modern musical instruments with traditional Chinese instruments such as the lute, erhu and zither. This accounts for the song’s distinct national flavor. Like the classical tradition of qu-po, the pop song conveys a sense of inconsolable sadness of parting, of course, taking on features of modernity.

The lyrics of the song “The New Drunken Concubine” in its own way represents the plot of the famous Chinese classical poem “The Song of

---

¹ Qu po is a genre of music popular during the Song Dynasty, involving playing musical instruments, singing, dancing and other forms. The structure of qu po has a certain standard, but its many forms allow you to coordinate them with the needs of the performance.

Eternal Sorrow” about the tragic love story of Emperor Xuanzong and Yang Guifei, created by Bo Ju-yi, the poet of the Tang Dynasty. This famous plot was also embodied in the traditional Beijing opera, becoming one of the representative works of the Beijing opera of the Mei School — “The Drunken Concubine”. The performer of the pop song “The New Drunken Concubine” — singer Li Yugang, in his performance style, combines modern vocal techniques with the traditional ones, crystallized in Beijing Opera, including the fan chuan technique¹ of the traditional Chinese opera. The mood of the pop song also conveys romantic sadness.

The texts of both pop songs are based on forms, vocabulary, and symbols of traditional Chinese classical literature, which are related to modern texts and traditional aesthetics. In terms of musical language, these songs use the techniques of the traditional Chinese harmony system, and it significantly transforms the rhythms of R&B, rock and roll, and in some works of rap. In the aspect of arrangement and instrumentation, we see the combination of traditional Chinese national musical instruments with modern instruments. The use of Chinese folk harmonies and traditional musical instruments in chinoiserie pop music allows to reproduce in its own way both the embodiment of the “beauty of the golden mean” and the “linear thinking” inherent in traditional Chinese musical aesthetics. It is on this traditional basis that the specifics of modern popular music and the specifics of traditional Chinese music are most often combined to create a Chinese flavor and evoke in listeners a sense of Chinese national aesthetics.

Both songs convey not joking and entertaining moods, but deep feelings (sadness, parting, love). One can hardly agree that they have any signs of postmodernism just on the grounds that traditional images are interpreted in a modern context. Of course, analyzing the transformation of classical images in the direction of chinoiserie in pop music is a problem of detailed research. However, these examples also allow us to question the fairness of generalizing criticism and a negative assessment of chinoiserie pop music as such. In any case, in the two works cited as examples, artistic integrity and aesthetic value of the image were achieved.

The forms of synthesis of heterogeneous elements in chinoiserie pop music require much more thorough research. However, even preliminary analysis allows us to assert that the communicative function of stylization in the formation of artistic form in Chinese chinoiserie works in two directions: as inter-civilizational communication (synchronic dimension)

---

¹ The fang chuan technique used in Chinese opera is performing in someone else's role, i.e. playing the role of the opposite sex.

and as intra-cultural communication (diachronic dimension, referring to its own historical heritage, to the forms of music and poetry of traditional Chinese culture). These preliminary conclusions regarding the ways of synthesizing heterogeneous forms are a question that requires further analysis, both musicological and culturological, which allows us to judge more thoroughly the mechanisms of transformation and renewal of tradition in the historical dynamics of culture, to better assess how tradition is activated in culture, how intra-cultural communication works, in which, no doubt, chinoiserie pop music takes part and activates the mental-historical memory of culture in its inherent manner.

A viable culture does not repeat tradition in its preserved form; tradition lives in dialog with the past. And the artist creates new art in the context of modernity and turns to tradition, revealing the connection of times in modern images. In this sense, the chinoiserie trend in pop music has the intention not to repeat, but to revitalize the forms of traditional culture in the context of modernity. The other question is how it turns out in the case of a particular work: do separate elements of both traditional culture (poetry and music) and elements of other civilizational origins merge into a coherent artistic image? Is a beautiful aesthetic phenomenon born, is the desired result achieved — a harmonious fusion of Western form and Chinese spirit? Does a particular work implement the regulatory ideal that Chinese cultural figures and art theorists have been calling for ever since the turn to adopt Western forms in order to renew Chinese civilization? These issues are within the competence of the music critic. And this person must have professional intuition, which makes it possible to recognize new aesthetically valuable meanings and develop new aesthetic criteria and norms, which are known to be fluid in the history of art.

5. Conclusion. The question of introducing into Russian musicology the range of problems discussed in Chinese musicology in connection with the chinoiserie trend in pop music involves defining and clarifying the concept of chinoiserie that has developed in Russian and Western intellectual space. If we talk about Western civilization, where the fashion for Chineseness, chinoiserie, has gone through several waves, it should be said that they often involved a rather superficial assimilation of the forms of another civilization: inter-civilizational communication proceeded as a dragging of elements/forms of other civilizations into the space of one's own culture in the form of exoticism and rather superficial aestheticism. But the fascination with China has had a far deeper impact on Western civilization than one can imagine. As the prominent Russian sinologist, historian of Chinese philosophy and culture E. A. Torchinov noted: "Now it is difficult for us to assess the trace that this fashion [chi-

noiserie] has left in our culture and even in our everyday life, because its presence is not limited to ‘Chinese palaces’ and ‘Chinese drawing rooms’ in the palace complexes of the 18th century. Our system of examinations in schools and universities is the result of conclusions made by educators from the Jesuits’ descriptions of the Chinese *Keju* system, and even the crackers, Firecrackers and other New Year’s pyrotechnics — also traces of the Jesuit-provoked fashion for China” [17, p. 13]. The phenomenon of chinoiserie in the cultures of the Western world still hides many interesting topics and questions. But that is another topic.

In a different and more complex way, the communicative function of stylization is realized in the Chinese phenomenon of chinoiserie. Stylization as intra-cultural and inter-civilizational communication takes place in the creation of the artistic form of pop music. The mechanisms of renewal of traditions, which are carried out by the development of forms of alien civilization, affect the deeper layers of culture, and the processes of form formation in art are more complex. And yet, we are inclined to share the point of view of those researchers who believe that not postmodern deconstruction, but activation of one’s own mentality is taking place in the direction of chinoiserie in pop music, which plays an important role in mobilizing the passionary energy of Chinese culture.

References

1. *The Comprehensive Chinese-Russian Dictionary*. Available at: <https://bkrs.info> (accessed: 21.01.2024).
2. Liu Haixiang. “Chinoiserie” on European Soil. *Shenzhen, Haitian Publishing House*. 2005. 220 p. (In Chin.)
3. Maksimova M. S. *The Art of Chinoiserie in the Context of European Artistic Practice of the 18th Century*. Abstract for the degree of candidate of art history. St. Petersburg, 2009. 21 p.
4. You Jingbo, Li Gang. *A Brief History of Chinese Pop Music*. Shanghai: Shanghai Music Publishing House, 2019. 404 p. (In Chin.)
5. Tu Jinying. *Development of Chinese Pop Music and Review of Exemplary Works*. Shenyang, Liaoning University Press, 2012. 181 p. (In Chin.)
6. *Ding Mu History of Chinese Music*. Beijing: China Business Publishing House, 2018. 216 p. (in Chinese)
7. Zheng Kai. Study of the Model of Nationalization of Modern Chinese Pop Music. *Wang Xiqi Cultural Interpretation of Entertainment Activities and Fashion: Essays on the Study of Pop Music*. Zhengzhou: Henan University Press, 2015. 294 p. (In Chin.)
8. Wu Bin, Han Chunyan. *Thirty Years of Chinese Popular Culture: 1978–2008*. Beijing: Kyushu Publishing House. 2009. 295 p. (In Chin.)
9. Zhang Jinhua. *Research on the Spread and Acceptance of Chinese Contemporary Pop Music*. Beijing: China Communications University Press, 2016. 198 p. (In Chin.)

10. Wang Wei. *Research on Singing Style in Chinese Pop Music (1980–2010)*. Beijing: China Cultural Federation Publishing House, 2016. 443 p. (In Chin.)
11. Chen Hwei. Research and Socio-Cultural Reflection Evoked by Chinoiserie Music. *Southeast Academic Research*. 2009. No. 4. Pp. 169 — 171. (In Chin.)
12. Tian Jing. *A Study of Chinese Pop Music Based on Cultural Vision*. Shenyang: Shenyang Publishing House, 2020. 175 p. (In Chin.)
13. Cao Hua. *Cultural Trajectory and Aesthetic Evolution of the Development of Chinese Pop Songs*. Shanghai: Shanghai Music Publishing House, 2019. 187 p. (In Chin.)
14. Lu Zhenglan. *Songs and Gender: Studies in Contemporary Chinese Pop Music*. Beijing: Chinese Academy of Social Sciences Publishing House, 2013. 252 p. (In Chin.)
15. Huang Hanhua. *Study of Popular Music Culture*. Guangzhou: Jinan University Press, 2020. 321 p. (In Chin.)
16. Ustyugova E. N. *Style and Culture: Experience in Constructing a General Theory of Style*. St. Petersburg, 2003. 260 p.
17. Torchinov E. A. *Paths of Philosophy of East and West: Knowledge of the Beyond*. St. Petersburg, 2007. 480 p.

Сведения об авторах

Забулионите Аудра Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Россия, Санкт-Петербург, Набережная реки Мойки, д. 48); доцент Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7–9)

Цзян Тао, аспирант Института музыки, театра и хореографии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, Россия, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д. 48)

Information about authors

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophy, Professor of the A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (48, Moika River embankment, St. Petersburg, 91186, Russia); Associate Professor at St. Petersburg State University (7–9, Universitetskaya embankment, St. Petersburg, 199034, Russia)

Jiang Tao, Graduate student of Department of the Performing Arts, Institute of Music, Theatre and Choreography Herzen State Pedagogical University of Russia (48, Moika River embankment, St. Petersburg, 91186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	11.01.2024
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	05.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	15.02.2024

Научная статья / Article

УДК 111.83; 111:316

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-57>

**Идеология цифровизации и современный
предпринимательский университет**

Константин Геннадьевич Мальцев¹, Анна Викторовна Мальцева²

Белгородский технологический университет им. В. Г. Шухова,
Белгород, Россия,

¹maltsevaannav@mail.ru; ORCIDiD0000-0003-1398-6625

²pavic69@mail.ru; ORCIDiD0000-0002-7287-3113

Аннотация. *Философский интерес к цифровизации направлен на выявление парадигматической определенности цифровизации одновременно как феномена действительности, представленной в либеральной экономической парадигме, и как аспекта новоевропейской идеи техники, определяющей современность. Целью исследования является демонстрация единства перспективы, заданной двумя названными парадигмами, для понимания цифровизации. Таким образом, может быть поставлен вопрос об инструментах, посредством которых реальное понятие становится действительным, — современный предпринимательский университет в своей идее есть основной инструмент цифровизации. Философская герменевтика нацелена на выявление смысла; таким образом, она наиболее пригодна для решения поставленной задачи. В результате проведенного исследования установлено следующее. Во-первых, видимая связь «экономического принципа», конститутивного для либерального представления действительности в экономической парадигме, новоевропейской идеи техники как исчисления и «поставления в наличие», цифровизации, является необходимой: анализ обнаруживает тождественность существенных элементов понятий. Во-вторых, дискурс совершенства, конститутивный для предпринимательского университета, определяется в горизонте «экономического принципа» и идеи техники; современный предпринимательский университет, представленный в экономической парадигме действительности, по своей идее однороден (почти тождественен) выявленной идее цифровизации. В-третьих, идея цифровизации, представленная в единстве от «метафизических основоположений» и до политической программы, демонстрирует признаки одновременно утопии и идеологии. В-четвертых, в качестве инструмента цифровизации как коммерческая фирма, производящая товары для рынка, предпринимательский университет производит важнейшие для номенклатуры «цифровизация» товары: «техническую науку» и «человеческий капитал». Определенная философским интересом перспектива постановки вопроса о цифровизации раскрывает, таким образом,*

возможность для понятия в дополнение к исследованиям технологий цифровизации в методических границах дисциплинарно организованных наук.

Ключевые слова: цифровизация, дискурс совершенства университета, предпринимательский университет, идея техники, экономический принцип действительности, утопия

Для цитирования: Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Идеология цифровизации и современный предпринимательский университет // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 57–76. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-57>

The Ideology of Digitalization and the Modern Entrepreneurial University

Konstantin G. Maltsev¹, Anna V. Maltseva²

Belgorod Technological University named after V. G. Shukhov,
Belgorod, Russia,

¹maltsevaannav@mail.ru; ORCIDiD0000-0003-1398-6625

²pavic69@mail.ru; ORCIDiD0000-0002-7287-3113

Abstract. *Philosophical interest in digitalization is aimed at identifying the paradigmatic certainty of digitalization both as a phenomenon of reality presented in the liberal economic paradigm and as an aspect of the New European idea of technology defining modernity. The purpose of the study is to demonstrate the unity of the perspective set by the two named paradigms for understanding digitalization. Thus, the question can be raised about the tools by which the real concept becomes real — the modern entrepreneurial university in its idea is the main tool of digitalization. Philosophical hermeneutics is aimed at revealing the meaning; thus, it is most suitable for solving the task. As a result of the conducted research, it was established. First, the visible connection of the «economic principle», constitutive for the liberal representation of reality in the economic paradigm, the New European idea of technology as calculus and «putting into existence», digitalization, is necessary: the analysis reveals the identity of the essential elements of concepts. Second: The discourse of perfection, constitutive for an entrepreneurial university, is defined in the horizon of the «economic principle» and the idea of technology; the modern entrepreneurial university, represented in the economic paradigm of reality, is homogeneous in its idea (almost identical) to the identified idea of digitalization. Third, the idea of digitalization, presented in unity, from the «metaphysical foundations» to the political program, shows signs of utopia and ideology at the same time. Fourth: as a tool of digitalization, as a commercial company producing goods for the market, the entrepreneurial university produces the most important goods for the nomenclature of «digitalization»: «technical science» and «human capital». The perspective of posing the question of digitalization determined by philosophical interest allows, thus reveals, the possibility for the concept*

in addition to the research of digitalization technologies within the methodological boundaries of the disciplinarily organized sciences.

Keywords: *digitalization, the discourse of university excellence, entrepreneurial university, the idea of technology, the economic principle of reality, utopia*

For citation: Maltsev K. G., Maltseva A. V. The Ideology of Digitalization and the Modern Entrepreneurial University. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 1: 57–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-57>

Введение; постановка проблемы. Цифровизация — самый модный лозунг *современности*; это теперь *политическая программа*. В данной статье мы будем доказывать, что цифровизацию можно *понять* как *существенный аспект* «утопии большого стиля»: либеральной утопии современности. В связи с лозунгом и политической программой часто пишут о необходимости охвата университета цифровизацией: о ее проникновении в структуру университета как социального института и структуру и содержание образовательного процесса; компьютеризации, объективных критериях для оценки качества научных исследований и публикационной активности отдельных преподавателей, всех структурных подразделений, университета в целом; об «управлении качеством». Перечисление можно продолжать очень долго, специалисты едва ли не каждый день выделяют новые области и аспекты в процессе цифровизации университета. Это не лишено *философского интереса*, но никак не является его *сутью*; если вслед за М. Хайдеггером мы хотим, чтобы «вопрос был поставлен», то философская перспектива совсем иная. При этом мы никоим образом не утверждаем, что «аппаратура» неважна: когда есть *желанная и достоверная цель*, когда *очевидность* не подвергается сомнению, тогда *технология* становится на первый план. Но и *достоверность*, и *очевидность* есть *область философии*.

Классический университет представлялся как *место роста знания* (наука), как место *воспитания к знанию* (образование), как *республика ученых* («совершеннолетнее и просвещенное сообщество», если следовать Канту [1; 2], принятое в качестве *образца* политического и гражданского сообщества). Всем перечисленным современный предпринимательский университет совершенства (мы объединили в одно название два: первое, предложенное Кларком [3], и второе, принадлежащее Ридингсу [4]) *не является* по своей сути. Может быть, где-то сохранились «остатки» и «пережитки»

прежнего; допустимо, что вокруг них выстраивается «охраняемое пространство», как его называет Коллини [5]; зачем — вопрос *внешний* и относящийся к публичной риторике рыночной демократии, вынужденной считаться в числе прочего и с «мнением преподавателей». Современный университет является коммерческой фирмой, производящей товары для продажи на рынке. Именно эта его суть делает предпринимательский университет не *объектом* цифровизации, но одним из основных мест, откуда она распространяется дальше, на все общество. Можно сказать и так: университет совершенства имеет своей задачей произвести особый *товар* — цифровизацию — и *продать его*. С этого предварительного, ориентирующего в вопросе утверждения мы начнем наше рассмотрение по существу.

Методология. Философский интерес нацелен на *понимание*; оно достигается только на «метафизическом уровне» (можно вообще отставить различие между пониманием и объяснением, и тогда философия будет «не нужна»). Это означает необходимость выявления *парадигматических основоположений*; в их горизонте и на их основе достигаются две вещи. Во-первых, происходит «замечательное совпадение» традиционно различаемых в традиции западной философии *реального* и *действительного* (М. Хайдеггер: реальное понятие и действительное существующее, *essential* и *existential*, если совсем кратко [6, с. 54]), различие основательно забытого в современной мысли и *совсем не без основания* (его тоже следует выявить). Во-вторых, формируется философское понятие, как его называет К. Шмитт — «метафизическое понятие» [7], пределом которого является *миф*. Таким образом, обретается *очевидность*; основоположения (можно поставить их в один ряд с аксиомами, с догмами: для каждого вида знания их характер несколько изменяется, но суть одна) *обеспечивают достоверность* последующих утверждений, в том числе тех, которые производятся «позитивными науками». М. Хайдеггер неоднократно подчеркивал, что дисциплинарная структура современной науки есть *следствие* способности философии *провести границу*, чего сами науки сделать не могут [8, с. 325–326]; науки получают свою «область», в которой обретаются их «предметы», — от философии. Связь университета и цифровизации получает *достоверность* в горизонте либеральной парадигмы современности, по существу — *экономической парадигмы*; ее основоположения выступают как горизонт понимания и задают перспективу — они должны быть *названы*.

Таким образом, цифровизация и университет представляются нами как *элементы* единого *диспозитива*. Дж. Агамбен, ссылаясь на Фуко, определяет диспозитив так: «Гетерогенный ансамбль, одинаковым образом виртуально включающий в себя все, лингвистическое и не-лингвистическое: дискурсы, институты, здания, законы, полицейские меры, философские утверждения и т. д. Сам по себе диспозитив является сетью, образующейся между этими элементами» [9, с. 15]. Диспозитив имеет *силу* определять действительность *принципиально* (имеется в виду хайдеггеровское, «изначальное» значение принципа как латинского «перевода» греческого ἀρχή); «тотализирующим» принципом современности является *экономический принцип*. Диспозитив выстраивается на основе *парадигмы*. Парадигмой современности является, по М. Фуко (например, [10]), *либеральная управленческая парадигма*; Дж. Агамбен указывает на то, что она есть *вариант* европейской *деятельностной парадигмы*, набирающей силу примерно с XIV века и ставшей господствующей как современная либеральная версия экономической парадигмы политического [11]. В свою очередь М. Хайдеггер определяет современность как «завершающий период нового времени — эпоху нигилизма» и констатирует, что это время господства *идеи техники* [12]. Мы утверждаем (применительно к материалу настоящего изложения можно отвлечься от деталей «совместимости» названных парадигм, от *существенного различия* задаваемых ими *перспектив* понимания и *производства действительности*), что экономический принцип и *ratio поставы* как *предоставляющего в наличие для производства перспективного расчета* — *существенно* «то же самое».

После установления этого открывается возможность формирования понятия; можно будет рассуждать о *необходимо реальном*, становящимся *действительностью*. *Философское понятие* позволяет схватить единство «того же самого» в парадигматическом горизонте *видимо различных* феноменов и объектов, для которых в *научных дисциплинах* используются различные *термины, называющие* зафиксированные в идеально-типичных научных понятиях *предметы*. В той, определяющей, степени, в какой феноменам *действительности* *придается значение*, а она сама не есть *данность*, но производится в *перспективном наброске* [13], эти значения определены парадигмой, а диспозитив *имеет силу*.

Утопия «большого стиля» есть *реальный образ* действительности, которая еще пребывает в «зародыше»; его развитие можно исказить, но *характерные черты* останутся без *существенных изменений*.

ний (еще Бердяев замечал, что утопии *всегда осуществляются*, но «итоговый продукт» редко узнается). Любая парадигма представления действительности, предполагающая «развитие» и главное — рациональную деятельность, должна озаботиться «своей утопией», демонстрирующей *цель* такой деятельности, даже в том случае, если такое представление принципиально вне-исторично («конец истории» Ф. Фукуямы [14] — точная формула либерального представления действительности в экономической парадигме). Идеология «мотивирует» «участников процесса», делает общую цель *личной*. При философской постановке вопроса цифровизация представляется одновременно как утопия и как идеология.

Таким образом, формально метод можно определить как *философскую герменевтику* и *дедукцию* (всякая теория в строгом смысле есть дедукция: Э. Гуссерль [15]).

Современность. Идея о том, что цифровизация характеризует современность и, таким образом, должна пониматься через нее, совсем не является новой. Первым «цифру» и «завершающий период нового времени» (он же — «эпоха нигилизма») с необходимостью связал М. Хайдеггер. Он же первым «поставил вопрос о цифровизации»: «В какой вид опьянения растущая мания цифр (Zahlen-Rausch) выродится в конечном счете?» [16, с. 284]. Тематизация проблемы настоящей статьи позволяет исключить выяснение того, чем, по Хайдеггеру, является цифровизация как феномен современности (подробно об этом мы пишем в статье [17]); перед нами стоит другая задача: определение *горизонта*, в котором цифровизация только приобретает *смысл*. Здесь первостепенное значение имеет *идея техники* в связи с ее определяющим для современности значением. Далее демонстрация того, что *социальное*, представленное определенным (следует определить, каким именно) образом, *изначально* есть именно *техническое* по своей сути (Хайдеггер пишет о принципиальном единстве техники и историографии: двух способов представленности современности в двух аспектах [16, с. 82]); специально следует акцентировать внимание на *техническом* характере того, что называется *культурой*. Наконец, идея техники определяет суть новоевропейского субъекта; современность выявила эту его сущностную определенность и дала место для того, чтобы она «развернулась». Это придаст достоверность нашему утверждению: цифровизация не *случайна*, она не *придумана* и не *изобретена* — цифровизация *изначально* является *определением* современности в ее «парадигмальной представленности».

Если опустить все бесчисленные *акциденции*, которые в последнее время были приписаны цифровизации, и акцентироваться только на ее *дифференции*, то почти очевидно: она есть именно *тотальная и универсальная рассчитываемость* и посредством этого *предоставление в распоряжение* — то есть ее «сущностное определение» *тождественно* понятию техники. Хайдеггер связывает расчет с тем, что называется *ratio*, особое (латинское) понимание разума как способности овладения, захвата: «Исчислять — в широком сущностном смысле — значит брать что-либо в расчет, принимать в рассмотрение, рассчитывать на что-либо, т. е. ждать от него результата» [18, с. 246], унификации и универсализации: «Такой расчет, который повсюду рассчитывает на взаимоприравниваемость системных соотношений с помощью уравнений и потому заранее «считается» с единым основополагающим уравнением для любой мыслимой системы» [18, с. 246]. Техника есть «поставляющее раскрытие в наличное» [19, с. 228], т. е. расчет. Итак, первое важное заключение, которое можно сделать, это то, что «цифра» и «цифровизация» есть способ (один из возможных) *универсализации* для «предоставления в наличное», т. е. один из *аспектов* «идеи техники».

Хайдеггер утверждает, что «действительность, внутри которой движется и пытается держаться сегодняшний человек, все больше определяется тем, что называют западноевропейской наукой» [18, с. 239], современная наука «есть до жути решительная обработка действительности» [18, с. 244]. Хайдеггер *показывает*, что отношение между новоевропейской наукой и техникой *обратное*, чем принято считать: не техника основывается на науке, но совсем наоборот и гораздо «существеннее»: наука есть один из «аспектов/направлений», посредством которой идея техники овладевает действительным.

Это так не только для «мира как такового», но и специально для социального, культурного [20; 21], политического «миров». Новоевропейский субъект (о нем далее) характеризуется ближайшим образом «притязанием на представление сущего в его махинаторской не-сущности» [22; с. 115]. По Хайдеггеру, техника и историография в своем *принципе* — одно: «Я долго боролся с идеей, забрезжившей (*aufdämmernde*) в ходе моей постановки вопроса о Бытии, что техника и историография в метафизическом смысле суть одно и то же; ибо еще полагал, будто историография пустила более глубокие корни в самой истории. Но уклониться от этой мысли больше не получится... Тожесть основывается, в свою очередь, на ис-

толковании сущности как постоянного присутствия, которое представляющему — установлению (объяснению и его ясности — правильности представления как истине) излагает себя и передает» [22, с. 278]. Историографическое противопоставлено историческому, причем таким образом, что для современности совершилась «утрата истории, то есть области решений относительно бытия» [16, с. 74]: «...историография уничтожит историю, то есть... удушит то, что она одна еще позволяет считать достойным представления, удушит то притязание на принадлежность к сокрытому и единственному в истории: что история погибнет и начнется китайщина махинации и переживания, выхолащивание всего сущего и невозможное нарастание ловкости, позволяющей забыть этот процесс гибели истории» [23, с. 469]. Сущность историографического познания и «мышления» — в рассчитывании перспектив «прошлого и будущего», исходя из «интересов» современности, в расчете «пользы и вреда» [22, с. 346]; историография «есть полученная в ходе изучения констатация наличного, «настоящего»; историография постигает прошлое лишь задним числом; понимать нечто историографически означает поэтому делать его понятным как сегодняшнее и в доступности для сегодняшнего» [22, с. 120], т. е. *предоставлять в наличное, рассчитывать*. То, что сказано про культуру, имеет значение, по сути, для социального как такового: оно представлено в современности так, что идея техники и есть его суть.

Наконец, новоевропейский субъект. Хайдеггер определяет его сущность так: «Новоевропейский человек нацеливает сохранение своей сущности на то, чтобы однажды стать частью машины и на службе по обеспечению целесообразности и расчета ее работы обрести свою дающуюся без труда безопасность, свои побуждения и свою похоть. Это внедрение в машинную сущность — нечто существенно иное, чем простое использование «технических» возможностей; здесь происходит крайнее уподобление сущности человека расчетливости (*Rechenhaftigkeit*) сущего» [22, с. 416]. Подробное рассмотрение этого обстояния выходит за рамки стоящих перед нами задач.

Итак, современность определена идеей техники; расчет и «представление в наличие» являются сущностным определением техники и, *следовательно*, науки, культуры, также и всех обычно различаемых «областей действительности», включая самого человека. Важно определить *способ*, посредством которого названная *необходимость* становится *действительностью*. Ответом, по нашему

мнению, является то, что Фуко назвал «экономическим принципом реальности» [10], Агамбен — «экономической парадигмой политического» [24], К. Шмитт — либерализмом, понятым как «последовательная, объемлющая, метафизическая система» [25, с. 129].

Экономическая (управленческая) парадигма. Ф. Р. Анкерсмит констатирует «триумф экономики над всеми иными альтернативными основаниями политической власти» [26, с. 224] в современном представлении политического и считает это «большой удачей». Но даже у Анкерсмита речь идет не только о политическом; действительность *как таковая*, названная идеей техники, определена (как расчет) *экономически*. Это следует прокомментировать: показать, что *значит* «экономический принцип действительности».

Экономическая парадигма представления действительности *явно* проявляется в Европе с XIV века и становится *определяющей* и *господствующей* с XVIII века. Причем можно констатировать примечательное «совпадение»: романтические представления действительности как фрагментированной; историческая репрезентация политического как *перспективистская*, включающая конкуренцию между нарративами, изображенными с «разных точек зрения»; *принципиальный индивидуализм* либерального мировоззрения, не только как «методологической позиции», но именно «онтологической» — полностью восприняты новой, как ее называет Фуко, «управленческой», либеральной экономической парадигмой. Фуко пишет: «Экономический мир по своей природе непрозрачен. По своей природе он необобщаем. Он от начала до конца конституируется точками зрения, множественность которых тем более неустраима, что спонтанно поддерживается и в конечном итоге ведет к их совпадению» [27, с. 351]. Действительность новой парадигмы не только *обнаруживается*, но *конституируется* («деятельностная парадигма»: М. Фуко показывает ее *необходимость* в горизонте всей европейской метафизики) в политической экономии: «Общество как специфическая естественность совместного существования людей — именно её, по сути дела, экономисты и выявляют как особую область, как сферу объектов, как возможную область анализа, как область знаний и область возможного вмешательства» [10, с. 451]. Существенное изменение произошло к XVIII веку: если до этого «экономика была экономией как формулой управления», то после становится именно парадигмой представления действительности: «Экономика — вследствие целой серии весьма сложных

трансформаций — станет некой специфической реальностью, реальностью, находящейся в ведении управления» [10, с. 144].

Первое, что следует иметь в виду: «фундаментальное положение» новой «парадигмы» устанавливает, что «политическая техника ни в коем случае не должна отрываться от игры реальности с самой собой»; это суть того, «что принято называть либерализмом»: «Либерализм, игра: позволять людям действовать, вещам идти своим ходом, не мешать действовать, происходить и идти» [10, с. 76]. То есть управление некоторым образом должно быть производством свободы. Второе: управление больше не рассматривается как «власть над людьми и вещами» («суверенитет»), «руководство отныне осуществляется над тем, что можно было бы назвать феноменальной республикой интересов» [10, с. 67]. Третье: интересы — «это, в сущности, то, что правительство извлекает из индивидов, действий, речей, богатств, ресурсов, собственности, прав и т. п.» [10, с. 65].

Рынок становится местом, на котором оценивается и достигается равновесие интересов (которые для этого редуцируются до «рациональных, то есть материальных» (уравнивание, которое последовательно провел Д. Лал [28]), интересов как существенных и универсальных): государственный интерес теперь «находит веридикцию своего основания в рынке, а свою фактическую юрисдикцию — в полезности» [27, с. 75]. Инструментом «максимизации полезности», оцениваемой таким образом, является конкуренция; «конкуренция с ее игрой, с ее механизмами и позитивными результатами, которые признаются и ценятся, — это не явление природы, не результат естественной игры appetitов, инстинктов, поступков и т. п. ... Конкуренция — это сущность. Конкуренция — это эйдос. Конкуренция — это принцип формализации. У конкуренции своя собственная логика, своя собственная структура. Следствия выводятся только при условии, что эта логика соблюдена. Это, так сказать, формальная игра между неравенствами, а не природная игра между индивидами и поступками» [27, с. 155]. Наконец: «Мышление и стратегия конкуренции организуются, чтобы кодировать все феномены» [10, с. 383–384]. Рынок «конституировался теперь как место веридикции» [27, с. 51].

Это, как утверждает Фуко, а до него утверждал Шмитт, есть суть либерального представления действительности. Шмитт писал: «Исключительно систематическим образом либеральное мышление движется меж типических, снова и снова повторяющихся полюсов двух гетерогенных сфер, а именно этики и хозяйства, духа

и гешефта, образования и владения собственностью» [29, с. 348]. Шмитт подчеркивает, что все «либеральные понятия типическим образом колеблются между этикой («духовностью») и экономикой (гешефтом)» [29, с. 349]: «Причем понятие «правового», т. е. «частно-правового», государства служит рычагом, а понятие частной собственности — центром глобуса, полюса которого — этика и экономика — суть лишь противоположные излучения этого центра. Этический пафос и материалистически-экономическая предметность соединяются в каждом типично либеральном выражении» [29, с. 349].

Дж. Агамбен писал о «двух парадигмах» в западной метафизике, одна из которых — экономическая [24]. Нам нет нужды следовать за ним и проследивать историю сложного становления и взаимоотношения этих парадигм, достаточно констатации: экономическая парадигма стала господствующей, именно в ней представляется действительность как современность.

Разумеется, в отношении университета, представленного парадигматически, также *имеет определяющую силу* то, что названо *экономическим принципом действительности*; мы показали, что это одна из сторон/аспектов того, что Хайдеггер определял как *идею техники* [19]. По его утверждению, университет теперь — фабрика, производящая продукты, ничем принципиально не отличающиеся от продуктов других фабрик; такими продуктами традиционно являются *наука и студенты*. Что касается этой науки, то Хайдеггер считает, что наконец теперь выявилась сущность новоевропейской науки как таковой, когда «науки все больше сливаются с повседневностью и тем самым становятся одновременно неважными и полезными, как булочные и канализация» [22, с. 121]; это «технические науки», производство «применимого практически» знания, *технологии*. Производство студентов больше не связывается с идеей образования (Г. Г. Гадамер замечал, что образование не имеет иной цели, чем оно само: формирование образованного человека; такова классическая концепция образования в классическом университете [30]); университет выпускает *специалистов*, т. е. производит *человеческий капитал* [31]. Так осуществляется, кстати, мечта новоевропейского субъекта «окончательно встроиться в машину»: он встраивается в нее *без остатка* как человеческий капитал. Нам остается еще обозначить *характерные признаки* университета как фабрики по производству человеческого капитала, чтобы картина стала *ясной*.

Университет. Когда Хайдеггер в начале 30-х гг. XX века, сразу после периода своего ректорства, в записных книжках, известных как «Черные тетради» [16; 22; 23], с раздражением констатирует, что «университету приписывается множество внешних ему задач», в то время как «дело университета — воспитывать к знанию», он помимо всего прочего еще и *ироничен*. Сам Хайдеггер в это же время констатирует, что «университет умер в 1890 году» [23, с. 467], и прекрасно знает, что никаких, кроме «внешних», задач у современного университета больше нет [32]. Старый университет, как констатирует Ридингс, «находится в руинах»; на этом *месте* утверждается «нечто» принципиально новое, по инерции носящее «старое название» [33]. Для раскрытия темы, заявленной в названии, следует обратиться к трем основным аспектам *совершившегося события*. Во-первых, кратко определить, чем является и чем занимается предпринимательский университет; во-вторых, раскрыть содержание *принципа совершенства* как конститутивного для нового университета; в-третьих, представить основные элементы публичного дискурса университета в современных рыночных демократиях (удачное выражение принадлежит Коллини).

По первому пункту все ясно: университет как фабрика по производству товаров для рынка является коммерческой фирмой, рациональность которой рассчитывается по схеме «прибыль — издержки» [34]. Кларк справедливо указывает, что университет как социальный институт должен быть «высокоадаптивным» к социальной среде; таким он представлен в концепции «предпринимательского университета» [3]. Изменяются его задачи (об этом мы сказали), его структура: центральной фигурой университета вместо профессора становится *менеджер*, и по необходимости усиливается его «административное ядро» — университет должен «приспособиться к рынку».

Главное — меняется идея университета: теперь это *дискурс совершенства*, как определяет его Ридингс. Его принцип должен «максимизировать степень непрерывного внутреннего администрирования» [4, с. 191]; «обеспечение исчерпывающего учета» [4, с. 52]. Кстати, можно привести слова Хайдеггера о современности: «То, что не зафиксировано в правилах и не стоит в плане, не обладает действительностью» [22, с. 275]. Самое главное: «Совершенство напоминает денежные отношения, так как у него нет содержания, и поэтому оно не может быть ложным или истинным, безотчетным или сознательным» [4, с. 28]. Ридингс (в 1993 г., кстати) показывает связь

новой «идеи совершенства» с тем, что теперь требуется цифровизацией: «Совершенство превосходно отвечает потребностям технологического капитализма, связанным с производством и обработкой информации, поскольку позволяет осуществлять более глубокую интеграцию любых форм деятельности в рамках общего рынка, при этом допуская определенную степень гибкости и инновационности на локальном уровне» [4, с. 56–57]; дискурс совершенства «привязан к интеграции и стандартизации» [4, с. 51]. Он выдвигает требование «четких показателей эффективности университета»; предполагает универсальность «логики учета», причем «совершенство позволяет сочетать в одной шкале такие крайние гетерогенные характеристики, как финансы и состав студентов» [4, с. 47]. Усвоение университетом этого дискурса позволяет ему стать успешной фирмой: «Университет производит совершенные знания и за счет этого легко включается в круговорот капитала и транснациональной политики» [4, с. 66]. Дискурс совершенства имеет в основании рынок и определяется «логикой капитала», совершенство отдает университет «на откуп рыночному капитализму», «единственным критерием совершенства является успешная деятельность на рыночных просторах» [4, с. 66]. Образцом для университета, как совершенно серьезно утверждает, например, Салми (по заказу Всемирного банка определивший, чем является «современный университет мирового класса»), должна стать *футбольная команда*.

Наконец, Коллини предложил формулу: «публичный дискурс университета рыночных демократий». Коллини знает, что университеты являются «проблемой для популистских правительств в рыночной демократии» [5, с. 130]. Для таких правительств «только две формы оправдания, как считают правительства, допускаются их электоратом: во-первых, в планировании трудовых ресурсов, т. е. обучении будущих работников экономики, и, во-вторых, в некоторых узко понимаемых прибылях от «исследований» — прежде всего медицинских, технологических и экономических» [5, с. 130].

Но главное не то, что университет вынужден постоянно отчитываться о своей рыночной эффективности как коммерческая фирма и оправдываться за те, еще сохранившиеся «от прошлого» виды деятельности, которые предполагает университетская традиция (Иглтон в своей статье приводит в качестве примера «английскую литературу» [35], Коллини — «ассирийскую археологию» [5]). Главное то, что университет *по собственной воле* (менеджеры и «сильное управленческое ядро» обеспечивают это) принимает эти новые

«правила игры»: в действительности, в представленной в экономической парадигме, по выражению Коллинза, «все мы из социалистов становимся бухгалтерами» (изначально ими были, если согласиться с Хайдеггером в определении сути новоевропейского субъекта): «Все больше поощряется только одна манера правильного поведения: стало считаться не просто приемлемым или в некоторых случаях желательным, но и самоочевидным то, что мы должны показать, как любая финансируемая обществом деятельность «служит интересам экономики»» [5, с. 154].

Итак, мы можем делать выводы: нам нужно *с необходимостью* связать «цифровизацию» и «университет»; в результате проведенного анализа должна обнаружиться *очевидность* такой связи и приобрести *достоверность* утверждение о том, что цифровизация может быть *понята* в качестве *либеральной утопии* современности и является *идеологией*, выполняющей задачу «интернализации» либерального порядка современности как «само собой разумеющегося», одновременно «ценного» и «желанного».

Университет и цифровизация: выводы. Цифровизация, как мы доказываем, есть не что иное, как один из образов, который необходимо имеет идея техники в своем приложении к преобразованию социального; расчет, «предоставление в наличие», унификация и стандартизация, эффективность, рассчитанная как «прибыль — издержки», — необходимые *следствия* представления действительности в господствующей либеральной экономической парадигме, т. е. *современности*. Университет не просто давно «цифровизирован», по крайней мере с тех пор, как стал представляться коммерческой фирмой, производящей товары для рынка, — он производит саму цифровизацию, вернее — *товары*, с необходимостью объединенные в *номенклатуру* «цифровизация»: «техническую науку» и «человеческий капитал». Разумеется, *реальность понятия* должна *стать действительностью*: цифровизация для университета представляется как *набор технологий* для достижения этой цели: став самим собой, он должен в действительности *усвоить качества пригодного инструмента* для реализации теперь своих собственных задач.

Новоевропейский субъект *стал собой* в экономической парадигме представления современности как homo oeconomicus. Он — потребитель и производитель товаров и услуг; но он еще и *романтический субъект* (Шмитт [36]; Анкерсмит [37]), и у него есть *мечта* («окончательно встроиться в машину» [22, с. 416]), которая в со-

временности, наконец, реализуется: homo oeconomicus удобно представлять *человеческим капиталом*. Цифровизация есть, таким образом, *утопия* (образ мечты и образ современности) и идеология: как писал Анкерсмит [37], романтический субъект, *обыватель* хочет *жить удобно*, преследует свои партикулярные интересы, т. е. стремится к *успеху*, равнодушен к истине, предпочитая «организацию истины» (*компромисс*), чтобы избежать «принципиальных споров» («принципиальная беспринципность» западной либеральной представительной рыночной демократии) и «антагонистических конфликтов», — по высказыванию Хайдеггера, новоевропейский субъект *в первую очередь озабочен обеспечением безопасности* [22, с. 416]. Цифровизация дает ему *обещание* обеспечить безопасность, причем представляет это как *техническую задачу*.

Там, где поиск истины заменяется процессом организации истины, а это происходит и в университете, исчезает место для учителя, художник вытесняется на периферию и маргинализируется (романтику это «все равно»; а производители «культурных артефактов для рынка» и технического научного знания процветают), — раскрывается место и появляется новая фигура: менеджер по организации истины, со всеми необходимыми дипломами и научными регалиями, с объективными и вполне рыночными критериями оценки научных работ (наукометрия); он же организует производство в университете.

Разумеется, утопический образ, осуществляясь, как правило, «перестает узнаваться»: начинаются разговоры о «цифровом лагере», о «кризисе университета», о «бесчеловечности», но все это лишено *значения* и успешно (как правило) практически *нивелируется*.

Заключение. Предпринимательский университет совершенства (он же — инновационный университет) есть действительность; он является одним из важнейших инструментов того, что названо цифровизацией; как *инструмент* он должен совершенствоваться, чтобы быть *пригодным для надлежащего использования*; комплекс *технологий*, номенклатура которых постоянно обновляется и совершенствуется, называются «цифровизацией университета». Но перспектива, раскрывающаяся философской постановкой вопроса о цифровизации, позволяет *увидеть* и выстроить иной *горизонт понимания*: цифровизация и университет связаны *существенно*, и эта связь укоренена в современности, представленной в экономической парадигме действительности и дальше, в *идее техники* и понятии *новоговропейского субъекта* (как «последнего человека»).

Список литературы

1. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое просвещение? // И. Кант. Соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 29–38.
2. Кант И. Спор факультетов // И. Кант. Соч. в 8 т. М.: Чоро, 1994. Т. 7. С. 57–136.
3. Кларк Б. Р. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2011. 240 с.
4. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2010. 299 с.
5. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2016. 264 с.
6. Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб.: НОУ — «Высшая религиозно-философская школа», 1998. 302 с.
7. Шмитт К. Политическая теология / К. Шмитт. Понятие политическое. СПб.: Наука, 2016. С. 5–59.
8. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2006. Т. 1. 608 с.
9. Агамбен Дж. Что современно? Киев: ДУХ ІЛІТЕРА, 2012. 78 с.
10. Фуко М. Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
11. Агамбен Дж. Opus Dei. Археология службы. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2022. 280 с.
12. Хайдеггер М. Ницше : в 2 т. СПб.: Владимир Даль, 2007. Т. 2. 464 с.
13. Анкерсмит Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М.: Идея-Пресс, 2003. 360 с.
14. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ: АСТ Москва: Полиграфиздат, 2010. 588 с.
15. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. I: Прологомены к чистой логике. М.: Академический проект, 2011. 253 с.
16. Хайдеггер М. Размышления XII–XV (Черные тетради 1939–1941). М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 344 с.
17. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Цифровизация и «цифровой фетишизм»: предвидения в бытийно-историческом мышлении М. Хайдеггера // Человек. Культура. Образование. 2020. № 4 (38). С. 46–58.
18. Хайдеггер М. Наука и осмысление // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 238–253.
19. Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие : статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
20. Ломако Л. Л., Мальцев К. Г. «Культурные особенности»: политизация, деполитизация и глобальный порядок // Евразийский юридический журнал. 2021. № 3 (154). С. 485–490.
21. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г., Мальцева А. В. Политика как «управление интересами» и культура как «культурная политика» // Социально-политические науки. 2021. Т. 11. № 3. С. 119–126.

22. Хайдеггер М. Размышления VII–XI (Черные тетради 1938–1939). М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 528 с.
23. Хайдеггер М. Размышления II–VI (Черные тетради 1931–1938). М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 584.
24. Агамбен Дж. Царство и слава. К теологической генеалогии экономики и управления. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. 552 с.
25. Шмитт К. Духовно-историческое состояние современного парламентаризма // К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 93–170.
26. Анкерсмит Ф. Р. Политическая репрезентация. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2012. 288 с.
27. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб.: Наука, 2010. 448 с.
28. Лал Д. Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство, 2010. 364 с.
29. Шмитт К. Понятие политического // К. Шмитт. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016. С. 280–408.
30. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
31. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. «Человеческий капитал» как концепт биополитики: опыт философского истолкования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2020. Т. 10. № 5. С. 242–252.
32. Биньковская Л. Н., Мальцев К. Г. Странная «смерть университета»: опыт философской интерпретации // Общество: философия, история, культура. 2021. № 4 (84). С. 21–26.
33. Мальцев К. Г., Мальцева А. В. История университета: опыт философской критики // Человек. Культура. Образование. 2022. № 2 (44). С. 32–54.
34. Мальцев К. Г., Мальцева А. В., Биньковская Л. Н. Идея университета и фабрика по производству человеческого капитала // Человек. Культура. Образование. 2021. № 3 (41). С. 11–27.
35. Иглтон Т. Медленная смерть университета // Совет ректоров. 2015. № 4. С. 19–26.
36. Шмитт К. Политический романтизм. М.: Праксис, 2015. 460 с.
37. Анкерсмит Ф. Р. Эстетическая политика. Политическая философия по ту сторону факта и ценности. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2014. 432 с.

References

1. Kant I. The answer to the question: What is enlightenment? Kant I. *Sochineniya v 8-mi tt.* [Essays in 8 volumes]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 8. Pp. 29–38. (In Russ.)
2. Kant I. Dispute of faculties. Kant I. *Sochineniya v 8-mi tt.* [Essays in 8 volumes]. Moscow: Choro Publ., 1994. Vol. 7. Pp. 57–136. (In Russ.)
3. Klark B. R. *Sozдание predprinimatel'skih universitetov: organizacionnyye napravleniya transformacii* [The creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation]

zational directions of transformation]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2011. 240 p. (In Russ.)

4. Ridings B. *Universitet v ruinah* [University in Ruins]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2010. 299 p. (In Russ.)

5. Kollini S. *Zachem nuzhny universitety?* [Why do universities need?]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 264 p. (In Russ.)

6. Hajdegger M. *Vvedenie v metafiziku*. [Introduction to Metaphysics]. St. Petersburg: «Higher Religious and Philosophical School», 1998. 302 p. (In Russ.)

7. SHmitt K. Political theology. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The concept of the political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 5–59. (In Russ.)

8. Hajdegger M. *Nicshe : v 2-h tomah* [Nietzsche : in 2 volumes]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2006. Vol. 1. 608 p. (In Russ.)

9. Agamben Dzh. *CHto sovremenno?* [What is modern?]. Kiev: DUH ILITEPA, 2012. 78 p. (In Russ.)

10. Fuko M. *Bezopasnost', territoriya, naselenie. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezhe de Frans v 1977–1978 uchebnom godu* [Security, territory, population. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1977–1978 academic year]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2011. 544 p. (In Russ.)

11. Agamben Dzh. *Opus Dei. Arheologiya sluzhby* [Opus Dei. Archeology of the Service]. Moscow; St. Petersburg: Izd-vo Instituta Gajdara; Fakul'tet svobodnyh iskusstv i nauk SPbGU, 2022. 280 p. (In Russ.)

12. Hajdegger M. *Nicshe : v 2-h tomah* [Nietzsche : in 2 volumes]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2007. Vol. 2. 464 p. (In Russ.)

13. Ankersmit F. R. *Narrativnaya logika. Semanticheskij analiz yazyka istorikov* [Narrative logic. Semantic analysis of the language of historians]. Moscow: Ideya-Press, 2003. 360 p. (In Russ.)

14. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelovek* [The end of history and the last man]. Moscow: ACT: ACT Moscow: Poligrafizdat, 2010. 588 p. (In Russ.)

15. Gusserl' E. *Logicheskie issledovaniya. Vol. I: Prolegomeny k chistoj logike* [Logical research. Vol. I: Prolegomena to pure logic]. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2011. 253 p. (In Russ.)

16. Hajdegger M. *Razmyshleniya XII–XV (CHernye tetradi 1939–1941) [Reflections XII–XV (Black notebooks 1939–1941)]*. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 344 p. (In Russ.)

17. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Digitalization and «digital fetishism»: foresight in the existential-historical thinking of M. Heidegger. *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. 2020. No 4 (38). Pp. 46–58. (In Russ.)

18. Hajdegger M. Science and understanding. Hajdegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Republic Press, 1993. Pp. 238–253. (In Russ.)

19. Hajdegger M. The question of technology. Hajdegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and speeches]. Moscow: Republic Press, 1993. Pp. 221–238. (In Russ.)

20. Lomako L. L., Mal'cev K. G. «Cultural peculiarities»: politicization, depoliticization and global order. *Evrazijskij juridicheskij zhurnal* [Eurasian Legal Journal]. 2021. No 3 (154). Pp. 485–490. (In Russ.)

21. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. Politics as «management of interests» and culture as «cultural policy». *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences]. 2021. Vol. 11. No 3. Pp. 119–126. (In Russ.)
22. Hajdegger M. *Razmyshleniya VII-XI (CHernye tetradi 1938–1939)* [Reflections VII–XI (Black notebooks 1938–1939)]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2018. 344 p. (In Russ.)
23. Hajdegger M. *Razmyshleniya II–VI (CHernye tetradi 1931–1938)* [Reflections II–VI (Black notebooks 1931–1938)]. Moscow: Publishing House of the Gaidar Institute, 2020. 344 p. (In Russ.)
24. Agamben Dzh. *Carstvo i slava. K teologicheskoy genealogii ekonomiki i upravleniya* [Kingdom and glory. To the Theological Genealogy of Economics and Management]. Moscow; St. Petersburg: Publishing House of the Gaidar Institute; Faculty of Liberal Arts and Sciences of St. Petersburg State University, 2019. 552 p. (In Russ.)
25. SHmitt K. The spiritual and historical state of modern parliamentarism. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 93–170. (In Russ.)
26. Ankersmit F. R. *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political representation]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. 288 p. (In Russ.)
27. Fuko M. *Rozhdenie biopolitiki. Kurs lekcij, pročitannyh v Kollezh de Frans v 1978–1979 uchebnom godu* [The birth of biopolitics. A course of lectures delivered at the Collège de France in the 1978–1979 academic year]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2010. 448 p. (In Russ.)
28. Lal D. *Pohvala imperii: Globalizatsiya i poryadok* [Praising the empire: Globalization and order]. Moscow: New Publishing House, 2010. 364 s. (In Russ.)
29. SHmitt K. The Concept of the Political. SHmitt K. *Ponyatie politicheskogo* [The Concept of the Political]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2016. Pp. 280–408. (In Russ.)
30. Gadamer H.-G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenевtiki* [Truth and method: Fundamentals of philosophical Hermeneutics]. Moscow: Progress Press, 1988. 704 p. (In Russ.)
31. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. «Human capital» as a concept of biopolitics: the experience of philosophical interpretation. *Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment* [Proceedings of the Southwestern State University. Series: Economics. Sociology. Management]. 2020. Vol. 10. No 5. Pp. 242–252. (In Russ.)
32. Bin'kovskaya L. N., Mal'cev K. G. The strange «death of the university»: the experience of philosophical interpretation. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2021. No 4 (84). Pp. 21–26. (In Russ.)
33. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V. History of the University: experience of philosophical criticism. *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. 2022. No 2 (44). Pp. 32–54. (In Russ.)
34. Mal'cev K. G., Mal'ceva A. V., Bin'kovskaya L. N. The idea of a university and a factory for the production of human capital. *CHelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Man. Culture. Education]. 2021. No 3 (41). Pp. 11–27. (In Russ.)

35. Iglton T. The slow death of the University. *Sovet rektorov* [Council of Rec-tors]. 2015. No 4. Pp. 19–26. (In Russ.)

36. SHmitt K. *Politicheskij romantizm* [Political Romanticism]. Moscow: Praksis Press, 2015. 460 p. (In Russ.)

37. Ankersmit F. R. *Esteticheskaya politika. Politicheskaya filosofiya po tu storonu fakta i cennosti* [Aesthetic policy. Political Philosophy beyond fact and value]. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 432 p. (In Russ.)

Сведения об авторах

Мальцев Константин Геннадьевич, д-р филос. наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46)

Мальцева Анна Викторовна, канд. полит. наук, доцент кафедры теории и методологии науки Белгородского технологического университета им. В. Г. Шухова (308012, Россия, г. Белгород, ул. Костюкова, д. 46)

Information about the authors

Konstantin G. Maltsev, Doctor of Philosophy sciences, professor, proProfessor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Technological University named after V. G. Shukhov (46, Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia)

Anna V. Maltseva, Ph. D. Political Sciences, Associate Professor, Department of Theory and Methodology of Science, Belgorod Technological University named after V. G. Shukhov (46, Kostyukova St., Belgorod, 308012, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	04.08.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	16.10.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	13.11.2023

Материалы, публикуемые в рамках XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года

**Эмпирическая (исследовательская) статья /
Empirical (research) article**

УДК 94(47).072, УДК 94(47).072.5, УДК 908
<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-77>

Бесприютный «Императорский театр»: деятельность московской труппы (бывшей «вольной» труппы М. Медокса) в 1806–1811 гг.

Алексей Викторович Белов

Институт российской истории Российской академии наук, Москва, Россия;
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия,
belovavhistpost@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7877-4896>

Аннотация. В работе рассматривается этап в истории Московского театра, когда он перешел в статус Императорского, но одновременно с этим лишился сценической площадки и был вынужден искать возможности для проведения полноценной работы на различных сценических площадках города. Отсутствие собственного театрального здания и нарушение естественного процесса работы могло иметь самые тяжелые последствия, связанные с разорением коллектива. В этом случае Москва могла лишиться собственного театра, появление которого было связано с большими трудами и рисками. Несмотря на значимость в истории русского театра этого периода, он остается вне внимания исследователей, так как в историографии традиционно господствует принцип изначальной заданности исторического процесса, исключаяющий фактор кризиса как основы варианта развития. Сохранение коллектива было результатом политики, направленной на недопущение потери коллектива. Благодаря этому труппа М. Медокса была сохранена и расширена, возникло первое здание Московского Императорского театра (Арбатский театр), ставшего основой будущего Большого театра. Кроме того, были созданы условия для развития драматической труппы так называемого Малого театра, что указывает на условность официальной даты его появления, которая пересматривается в сторону удривнения. В основу исследования положены прин-

ципы конкретно-исторического исследования и микроурбанизма, позволяющие установить общую канву событий, а также базовые методологические подходы исторического исследования. Это позволяет увидеть особенности, качественное своеобразие и значение изучаемого процесса.

Ключевые слова: Московский Императорский театр, Петровский театр, Медокс, Малый театр, Арбатский театр, Большой театр

Для цитирования: Белов А. В. Бесприютный «Императорский театр»: деятельность московской труппы (бывшей «вольной» труппы М. Медокса) в 1806–1811 гг. // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 77–87. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-77>

«Imperial Theater»: the Activities of the Moscow Troupe (the Former «Free» Corpses of M. Medox) in 1806–1811

Alexey V. Belov

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia,

belovavhistpost@mail.ru

Abstract. *The work considers a stage in the history of the Moscow theater, when it passed into imperial status, but at the same time lost its stage and was forced to look for opportunities for full-fledged work on various stage sites of the city. The lack of its own theater building and disruption of the natural process of work could have the most severe consequences associated with the ruin of the collective. In this case, Moscow was afraid to lose its own theater, the appearance of which was associated with great works and risks. Despite the importance in the history of the Russian theater of this period, it remains out of the attention of researchers, since the principle of the presence of only one vector in the development of the historical process traditionally prevails in historiography. The crisis factor is completely excluded as the basis for the development option. The preservation of the team was the result of a focused policy aimed at preserving the team. Thanks to this, the troupe of M. Medox was preserved and expanded, the first building of the Moscow Imperial Medox Theater (Arbat Theater) appeared, which became the basis of the future Bolshoi Theater. In addition, conditions were created for the development of a dramatic corpse, which became the basis for the subsequent formation of the so-called Maly Theater, thanks to which the work shows the convention of the official date of its appearance, which is revising the history of the theater. Demonstrate that it is more ancient. The study is based on the principles of specific historical research and micro-urbanism, which make it possible to establish a common outline of events, as well as basic methodological approaches to historical research. This allows you to see the features, qualitative originality and significance of the process under study.*

Keywords: Moscow Imperial Theater, Petrovsky Theater, Medox, Maly Theater, Arbat Theater, Bolshoi Theater

For citation: Belov A. V. "Imperial Theater": the Activities of the Moscow Troupe (the Former "Free" Corpses of M. Medox) in 1806–1811. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 1: 77–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-77>

Введение. Пройдя долгий, а порой и мучительный путь, Московский театр к началу века смог, казалось бы, уверенно встать на ноги. Смена статуса на «Императорский» обеспечивала надежную опору, в том числе и материальную. Кроме того, это предваряло новый этап истории коллектива. Однако последовавшая вскоре гибель в огне театрального здания (созданного большими трудами), приведшая к разорению труппы, неизбежное уничтожение материальной части, происходившие в условиях все еще неразвитого театрального рынка, узкого круга потребителей, вновь ставило вопрос о судьбе театра в Москве. На этом новом этапе приходилось искать тактику и средства не только для его укоренения (теперь уже не только социального и культурного, но хозяйственного и творческого), а также сохранения и дальнейшего развития.

Методы исследования. В основу работы положен принцип конкретно-исторического исследования, что позволяет выявить и объединить в картину многочисленные элементы функционирования театра на новом этапе, в том числе факторы и условия, повлиявшие на дальнейшую судьбу бывшей труппы Медокса. Связанный с традициями «микроурбанизма» и с присущим ему «близким взглядом на город», данный подход позволяет увидеть и оценить детали, рассмотреть объект (и происходящие в рамках него события) не в обобщенном виде, а более конкретно и точно, объяснить итоги и особенности реализации процесса в рамках конкретного времени и места. Вместе с тем исследование строится на базовых нормах методологии исторического исследования: историзма, системности, объективности. В работе применялись метод историко-психологической интерпретации, биографический метод, метод архивной эвристики, а также метод периодизации.

Теоретическая база. Данный этап традиционно не имеет широкого освещения. Этим, в частности, объясняется весьма противоречивая, не вполне точная трактовка истории зарождения в недрах Императорского театра будущего Малого театра. К основным работам можно отнести исследования Э. М. Бескина, Ю. А. Дмитриева, В. П. Погожева, М. И. Пыляева, С. В. Танеева, увидевшие свет много лет тому назад. Большой интерес в этой связи сохранили воспоминания

нения очевидцев тех процессов — театрала С. П. Жихарева и тесно связанного с московским театром Н. А. Полевого.

Результаты исследования. Новый (рассматриваемый нами в данной работе) этап берет свое начало от 11 апреля 1806 г., когда состоялся дебют Московского театра (бывшего Театра Медокса) в новом качестве — императорского. В этот день (и в честь этого события) на сцене давали комедию «Бедность и благородство души» Коцебу в 3-х действиях и «Слуга двух господ» «в одном действии, с французского, переложена на русские нравы господином Лифановым» [1, с. 163].

Помимо смены здания (Петровский театр к тому времени уже сгорел) и статуса (с «вольного» на Императорский), это событие имело еще одно немаловажное значение. Произошедшее резкое увеличение труппы, куда вошло несколько самостоятельных коллективов с разным сценическим профилем, привело к будущему дроблению коллектива на два. Линией раскола послужила специализация исполнителей. Балет и опера отошли в будущем к Большому, а драматическое искусство — к Малому театру. Необходимо отметить, что рождение последнего отсчитывают не от создания труппы (т. е. события творческого), а от открытия театрального здания, где он расположен сейчас, что не играло основополагающей роли в истории возникновения этого коллектива. Таким образом, привычная нам дата основания Малого театра Москвы должна быть заметно «удревлена»: перенесена с 1825 на 1806 г. При этом использование первой формальной даты, берущей за критерии начало функционирования здания (1825 г.), создает один логико-хронологический парадокс. При использовании данного критерия годом зарождения Большого театра также следует считать 1825 г., так как именно тогда было открыто и его здание. Между тем за основу всеми и вполне справедливо берется момент возникновения будущей труппы (привилегия Урусова). Не справедливее ли было для истории русской драматической сцены пойти по тому же пути? Тем более что внимание на данное противоречие уже обращалось [1, с. 163].

Таким образом, дата рождения Малого театра Москвы может быть обозначена первым представлением Московского Императорского театра — т. е. 11 апреля 1806 г., так как из того коллектива и выделится будущая драматическая труппа.

За первый год работы в новом статусе театр дал в Москве 161 спектакль (135 русских и 26 французских [1, с. 163], которые чередовались между собой [1, с. 164]. Кроме того, было проведено не-

сколько маскарадов (в помещениях на Никитской улице) [1, с. 162]. Деятельность эта была сильно осложнена пожаром 1805 г., лишившего труппу ее прежней и единственной театральной площадки. В итоге московские актеры вынужденно играли на разных частных площадках. Например, в театре князя Волконского, где 12 ноября 1805 г. состоялось первое после пожара в Петровском тетре (22 октября) выступление московской труппы. По этому случаю в «Московских ведомостях» (№ 89 за 1805 г.) появилось следующее объявление: «В воскресенье, 12-го, откроется Российский театр. Представление будет на театре Волконского, состоящем на Самотеке. Проезд через переулок против дому графа Ивана Андреевича Остермана. Дни для представления остаются те же: среда, пятница и воскресенье» [2, с. 24]. Но помещение это было явно малым и неудобным. Театрал С. П. Жихарев не без язвительности отметит в своем дневнике: «Нынешний день начались и русские спектакли на театре князя Волконского. Театрик хоть куда: помещается до 300 человек. Давали "Беглого солдата", и пьеса шла не очень удачно. Главный персонаж был в каком-то курчавом рыжем парике, который безобразил его до такой степени, что сидевший со мной рядом в партере толстый купец, садовод Лебедев, не вытерпел чтобы не промолвить: "Ишь, батюшка, точно как у принца со сковороды ушел"» [3, с. 182].

В итоге основной стала сцена на Моховой улице в доме коллежского асессора Пашкова [1, с. 161] — во флигеле на Никитской улице. Там состоялось в том числе и самое первое преставление Московского театра в статусе Императорского (11 апреля 1806 г.) [1, с. 163]. Спектакли давали в здании, где позже расположилась университетская церковь. Этот вариант был наиболее удобным. Всего за 10 лет до того в нем уже шли сценические представления, исполняемые несколькими коллективами крепостных актеров. В первую очередь труппой чрезвычайно известного в то время театрала Д. Е. Столыпина [6, с. 6], вошедшей впоследствии в состав труппы Московского Императорского театра. Но и данная площадка оставляла желать лучшего, так как не была изначально вообще подготовлена для сцены, а представляла из себя переделанный под театр манеж для лошадей. «Новый театр в доме Пашкова ни хорош, ни дурен, а так, ни то, ни се. Сделан из манежа и узок не по длине», — отмечал современник [3, с. 204].

О значимости обустройства в Москве театра говорит и тот факт, что усилия Пашкова были отмечены личным рескриптом императора от 22 декабря 1806 г. В нем выражалась благодарность хозяи-

ну дома за его искреннее стремление поддержать театральное дело в Москве, а предпринимаемые усилия определялись не менее как «похвальный подвиг». Через год, 26 декабря 1807 г., Пашков был награжден орденом Святой Анны 2-го класса при новом благодарственном рескрипте [4, с. 29–30].

Актеры М. Г. Медокса (еще в статусе труппы частного театра) работали в доме на Моховой до великого поста 1806 г. Именно здесь 10 февраля 1806 г. было дано последнее представление труппы в ее изначальном статусе [5, с. 93].

Театр в доме Пашкова (или как он еще обозначался в документах — «Театр на Моховой») был специально отремонтирован для работы здесь теперь уже императорской труппы. «Устроение» помещения, выполненное неким «машинистом» Князевым, обошлось в 3 тысячи 800 рублей. В ходе работ были «сделаны потолки над всем зданием, поставлены печи, перегородки и тамбуры в подъездах, а также заделаны окна войлоком» [5, с. 95].

Вопрос о возобновлении театра на Петровке даже не поднимался. Среди руин пели лягушки и гнездились птицы.

Несмотря на то что главный театр города функционировал, отсутствие у него собственной сцены являлось очевидным парадоксом. Это не только сильно затрудняло работу труппы, но и противоречило интересам и зрителей, и хозяев – театральной дирекции, которая теряла на этом неполученные средства от возможных сборов. Кроме того, столичный город, лишенный собственного театрального здания, в начале XIX в. уже не мог не вызывать удивления.

Во всеподданнейшем докладе директора Императорских театров обер-гофмаршала А. Л. Нарышкина создание нового Московского театра вместо сгоревшего Петровского называлось как «неизбежность» [4, с. 28], а его устройство должно было быть осуществлено на «приличных столице основаниях» [4, с. 28]. Не случайно уже в 1807 г. (т. е. меньше чем через год после улаживания дел с долгами М. Г. Медокса) было принято решение о постройке в Москве нового театра. О важности этого мероприятия говорит и тот факт, что данное решение принималось лично императором [6, с. 28].

Новое здание решили строить у Арбатских ворот. По воспоминаниям современника-театрала Н. Полевого, здание Арбатского театра занимало «середину площади на валу Белого Города, там где кончится Пречистенский бульвар, между домов Апраксина... и Арбатскими воротами» [7, с. 6].

Высочайше утвержденный проект отличался «роскошностью» [4, с. 28]. Главным материалом при строительстве служило дерево, что позволило осуществить задуманное в кратчайшие сроки — уже к концу того же 1807 г. [8, с. 113].

Пока шло возведение, труппа продолжала использовать уже обжитую ею сценическую площадку в усадьбе Пашкова на пересечении Моховой и Никитской [1, с. 163].

В том же году состоялся переезд. 3 апреля 1808 г. [92, с. 14] театр открылся новым балетом д'Амираля «Олимп» и специально написанным С. Н. Глинкой прологом [1, с. 164] «Баян, русский песнопевец древних времен» [6, с. 4] с музыкой Кашина [1, с. 164].

Новое здание деревянного Арбатского театра возводили быстро, но неформально. Современники неизменно оценивали его красоту. Известно, что центральная часть была полностью окружена «колоннами, подъезды к нему были со всех сторон; большое пространство между колоннами в виде длинных галерей служило удобным местом для прогулок» [6, с. 5]. Над зрительным залом находилось помещение для того, чтобы зажигать люстру, и машина для ее подъема [1, с. 164]. Всего новое театральное здание вмещало до 3 000 зрителей [10, с. 113] (по сравнению примерно с 1 000 зрителей театра Медокса). Декорации писались художником Скотти [6, с. 4].

Еще до открытия Арбатского театра была объявлена продажа в нем абонементов на ложи. Причем покупка автоматически предоставляла право получения ложи в театре усадьбы Пашкова на Моховой. Ложа 1-го этажа стоила 15 руб., 2-го — 10 руб., 3-го — 5 руб., бенеуара — 12 руб. Кресло в амфитеатре обходилось в 5 руб. В партере сидячих мест не было (если не считать специально устроенные стулья у сцены для исключительно важных лиц). Вход в стоячую часть обходился в 1 руб., и в нем размещались, как правило, молодые люди, которым ложа была не по карману. Парадиз — в 75 коп. По воспоминаниям, такая цена за билеты в то время считалась невысокой [7, с. 6].

Спектакли начинались в 9 часов вечера и продолжались до 3 часов ночи. Если в этот день был назначен маскарад, то спектакль переносился на 5 часов [1, с. 165].

Общая стоимость строительства и украшения нового здания театра составила на 31 января 1810 г. 38 004 рубля 13 ½ копеек (Российский государственный исторический архив [11, л. 1 об.]). В том числе «на окончательную расплату собственно по строению»

ушло 27 072 руб. 19 $\frac{3}{4}$ коп., за «зделание некоторых нужных для театра вещей» (обивку лож, внутреннюю роспись и др.) — 10 931 руб. 94 $\frac{1}{4}$ коп. [11, л. 1]. Причем подобного рода расходы были тяжелы даже для государства. В связи с этим, когда казначейство передало из своих средств всю потребовавшуюся сумму в распоряжение московского военного губернатора Т. И. Тутолмина, от него потребовали частично ее компенсировать. Это предполагалось сделать за счет принадлежащих Дирекции Московского Императорского театра домов, которые были поставлены на продажу для погашения долгов театра [11, л. 1–1 об.].

Впрочем, подозрительно быстрые темпы строительства столь масштабного сооружения, естественно, не могли не иметь отрицательных последствий. Уже через полтора года после открытия произошел неприятный инцидент, который позволил предполагать низкое качество постройки, потребовавшей к тому же скорейшей переделки. 9 октября 1810 г., когда давали пьесу «Сульеты», на сцене «провалилась часть пола» [5, с. 103]. Произошло это событие, чуть не ставшее трагическим, в конце пятого акта, когда согласно сценарию перед зрителями «происходило разрушение моста, пальба и движение с обеих сторон войск, на том самом пункте, где собрались и остановились все статисты и певчие для выходу... к провозглашению победы» [12, л. 1]. На наиболее перегруженном пяточке пола «близ самой задней кулисы, семь досков провалились и кулиса одна, не принадлежащая к пиесе, покачнулась на стену» [120, л. 1]. В результате буквально на глазах всего зала «несколько человек из статистов и певчих, стоявших за кулисами на тех досках», провалились под сцену. Но произошло это «щастливо», так как «кроме того, что четыре человека солдат и два человека певцов зашиблись несколько, никому вреда не зделалось» [120, л. 1]. Более того — зрители ничего не заметили, так как «падение сие было без большого треску и шуму», действующие на сцене «нимало не замешались, продолжив свое дело», а пострадавшие, срочно «вышедши из-под» сцены, завершили вместе со всеми «надлежащие по пиесе выход, и кончилось представление обыкновенным порядком» [120, л. 1].

Но так или иначе, а 13 апреля 1808 г. Арбатский театр открылся. Первым представлением, прошедшим на его сцене, стала пьеса «Баян, русский песнопевец древних времен». В это время театральная арбатская сцена буквально пленила жителей Москвы, став неотъемлемой и востребованной формой повседневной жизни города. Как вспоминал участник тех событий, зал в эти годы был пере-

полнен зрителями [8, с. 6]. Случилось небывалое — Арбатский театр стал приносить доход. Итогом театрального 1811 г. стали сборы, достигшие 400 000 руб. Причем подобный результат, скорее всего, оказался неожиданным и для самих администраторов [5, с. 154]. Доход («остаток») давал возможность дирекции решать стоящие перед театром проблемы. Это гарантировало не только его дальнейшее развитие, но и само существование: предыдущие коллективы гибли из-за невозможности компенсировать затраты на спектакли. Дирекция, пожалуй, впервые по-настоящему начала вкладывать средства в развитие театральной инфраструктуры.

В 1810–1811 гг. директор Московского Императорского театра А. А. Майков поднял вопрос о необходимости построить при театре «магазин» — хранилище для декораций. По-видимому, к работам приступили тогда же, так как в 1810 г. для этой цели выделили 10 000 руб. [13, л. 8–8 об.]. В 1810–1811 гг. был совершен полный набор в работающую при труппе театральную школу (30 воспитанников обоего пола). На октябрь 1811 г. все места значились занятыми [14, с. 1].

Заключение. В 1806 г. Московский театр получил статус Императорского. Данная трансформация была связана не столько со стремлением властей поставить его под свой контроль, сколько с формой протекционирования, вызванной большими материальными сложностями обеспечения театрального дела. Кроме того, он отвечал особому статусу Москвы как «столичного» (наряду с Санкт-Петербургом) города. В первом десятилетии XIX столетия театр стал неотъемлемой и востребованной формой повседневной жизни Москвы, причем самых широких ее слоев. Как вспоминал театрал Н. Полевой, когда на сцене выступала знаменитая К. С. Семенова, «театр был полон до такой степени, что в партере мы задыхались, набитые как сельди в бочку» [7, с. 6]. Таким образом, в эти непростые для Московского театра годы, когда он был лишен постоянной площадки и был вынужден «мыкаться» по чужим «частным» сценам, была не только сохранена основа для его работы в городе, но и начата подготовка условий для дальнейшего развития. Это во многом спасло Московский Императорский театр в последующие трагические дни наполеоновского нашествия, приведшего к уничтожению значительной части инфраструктуры города, в том числе и театральной.

Список источников

1. Бескин Э. М. История русского театра. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. Ч. I. 239 с.
2. Ласкина М. Н. П. С. Мочалов: летопись жизни и творчества. М.: Языки русской культуры, 2000. 592 с.
3. Жихарев С. П. Записки современника. Дневник студента. Дневник чиновника. М.; Л.: ACADEMIA. 1934. Т. I–II. 170 с.
4. Танеев С. В. Из прошлого Императорских театров. Краткий исторический очерк. Вып. I. 1725–1825. СПб.: Типография В. В. Комарова. Фонтанка № 74, 1885. 37 с.
5. Погожев В. П. Столетие организации Императорских Московских театров (Опыт исторического обзора). СПб.: Типография Главного управления делов. 1906. Вып. I. Кн. 1. 378 с.
6. Михайловский В. А. Историческая справка о Большом театре в связи Императорскими Московскими театрами. М.: Би., 1900. 12 с.
7. Полевой Н. [А.] Мои воспоминания о русском театре и русской драматургии (Письма к Ф. В. Булгарину) // Репертуар русского театра, издаваемый И. Песоцким, на 1840 год. СПб.: Типография А. А. Плюшара, 1840. Т. I. С. 1–12.
8. Пыляев М. И. Старая Москва: Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. М.: Московский рабочий, 1990. 410 с.
9. Дмитриев Ю. А. Государственный академический Малый театр. Очерки. М.: РОССПЭН, 2011. 663 с.
10. Зарубин В. И. Большой театр. М.: Московский рабочий, 1990. 64 с.
11. РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 567.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 497. Оп. 1. Д. 565.
13. РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 592.
14. РГИА. Ф. 497. Оп. 1. Д. 940.

References

1. Beskin E. M. *Istoriya russkogo teatra* [History of Russian theater]. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1928. Part I. 239 p. (In Russ.)
2. Laskina M. N. P. S. *Mochalov: Letopis' zhiznii tvorchestva* [Mochalov: Chronicle of life and creativity]. Moscow: Yazykirusskoj kul'tury Publ, 2000. 592 p. (In Russ.)
3. Zhiharev S. P. *Zapiski sovremennika. Dnevnik studenta. Dnevnik chinovnika* [Contemporary notes. Student diary. Diary of an official]. Moscow; Leningrad: ACADEMIA Publ, 1934. Vol. I–II. 170 p. (In Russ.)
4. Taneev S. V. *Iz proshlago Imperatorskih teatrov. Kratkij istoricheskij ocherk* [From the past of the Imperial Theaters. Brief historical essay]. Issue I. 1725–1825. St. Petersburg: Tipografija V. V. Komarova. Fontanka № 74 Print, 1885. 37 p. (In Russ.)
5. Pogozhev V. P. *Stoletie organizacii Imperatorskih Moskovskih teatrov (Opyt istoricheskogo obzora)* [Centenary of the organization of the Imperial Moscow

Theaters [Experience of Historical Review]]. St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov Print, 1906. Issue I. Book 1. 378 p. (In Russ.)

6. Mihajlovskij V. A. *Istoricheskaya spravka o Bol'shom teatre v svyazi Imperatorskimi Moskovskimi teatrami* [Historical certificate of the Bolshoi Theater in connection with the Imperial Moscow Theaters]. Moscow: [s. n.], 1900. 12 p. (In Russ.)

7. Polevoj N. [A.] My memoirs about the Russian theater and Russian drama (Letters to F.V. Bulgarin). *Repertuar russkogo teatra, izdavaemyj I. Pesockim, na 1840 god* [The repertoire of the Russian theater, published by I. Pesotsky, for 1840.]. St. Petersburg: Tipografiya A. A. Plyushara Print, 1840. Vol. I. Pp. 1–12. (In Russ.)

8. Pylyaev M. I. *Staraya Moskva: Rasskazy iz byloj zhizni pervoprestol'noj stolicy* [Old Moscow: Stories from the former life of the capital]. Moscow: Moskovskij rabochij Publ., 1990. 410 p. (In Russ.)

9. Dmitriev YU. A. *Gosudarstvennyj akademicheskij Malyj teatr* [State Academic Maly Theater. Essays]. Ocherki. Moscow: ROSSPEN Publ, 2011. 663 p. (In Russ.)

10. Zarubin V. I. *Bol'shoj teatr* [Bolshoi Theater]. Moscow: MoskovskijrabochijPubl, 1990. 64 p. (In Russ.)

11. RGIA [RGIA]. F. 497. Op. 1. D. 567. (In Russ.)

12. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 497. Op. 1. D. 565. (In Russ.)

13. RGIA. F. 497. Op. 1. D. 592. (In Russ.)

14. RGIA. F. 497. Op. 1. D. 940. (In Russ.)

Сведения об авторе

Белов Алексей Викторович, д-р ист. наук, Институт российской истории Российской академии наук (117292, Россия, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19); Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова (115054, Россия, г. Москва, Стремянный переулок, д. 36)

Information about author

Alexey V. Belov, Dr. of Historical Sciences, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dmitry Ulyanov St., Moscow, 117292, Russia); Plekhanov Russian University of Economics (36, Stremyanny Lane, Moscow, 115054, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	15.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	01.11.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	27.01.2024

Научная статья / Article

УДК 75.03

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-88>

**Традиции и новации в китайской портретной живописи
середины династии Цин (1661–1796)**

Ван Юйжун

Российско-Армянский (Славянский) университет,
Ереван, Республика Армения,

coco0401@qq.com, <https://orcid.org/0009-0002-7344-4107>

Аннотация. В работе обсуждается проблема соотношения традиции и новаций в портретной живописи эпохи расцвета ее самостоятельного развития в Китае в 1661–1796 гг. Показано, что интерес к портретному жанру в российском и зарубежном искусствоведении, сосредоточенный в основном на проблеме типологии портрета, терминологии в области портретного жанра, критериях оценки портрета, его эстетической значимости и художественного стиля, а также на особенностях традиционных китайских портретов и методов их создания, практически не охватывал вопросов типологии и эволюции портретной живописи династии Цин. Целью работы является анализ элементов традиционной китайской живописи и новых стилей в творчестве трех основных школ живописи периода середины династии Цин: школы «Бочэнь», «иностранный школы живописи» и школы живописи вэньши (образованных людей).

Анализ творчества художников школы «Бочэнь» выявил наличие и развитие традиционных черт классического китайского портрета: использование формы для передачи стремления к «единству духа и тела», а также метод тонального раскрашивания, исконно традиционный китайский, который использован в творчестве основателя школы Цзэн Цзиня. Показано, что как родоначальник нового стиля в портрете этот художник создал новую технику раскрашивания — технику «чернильной кости».

Многочисленные исследования живописи нового стиля, представленного Лан Шинином в период расцвета в годы правления императора Цяньлун, подчеркивали роль западного влияния на традиционное искусство Китая. В данной работе представлено мнение китайских искусствоведов, которые отмечают эклектичность сочетания китайского и европейского стилей в работах «иностранный школы живописи», хотя и признают перспективность и важность таких новаций в их творчестве, как введение светотеневой моделировки и использование трехмерной перспективы.

Обращение к творчеству школы живописи вэньши показало, что художники группы «Восемь чудаков из Янчжоу», взяв лучшее от своих пред-

шественников, своими идеями способствовали обновлению китайской портретной живописи в целом. Враждебно настроенные в отношении техники западной живописи, представители этой школы продемонстрировали стиль свободного творческого мышления, основанного на передаче личных переживаний художника и смене приоритетов в объекте художественного изображения.

Ключевые слова: традиционная китайская живопись, середина династии Цин, школа «Бочэнь», «иностранный школа живописи», школы живописи взънши (образованных людей)

Для цитирования: Ван Юйжун. Традиции и новации в китайской портретной живописи середины династии Цин (1661–1796) // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 88–101. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-88>

Traditions and Innovations in Chinese Portraiture of the Mid-Qing Dynasty (1661–1796)

YuRong Wang

Russian-Armenian University,
Yerevan, the Republic of Armenia,
coco0401@qq.com, <https://orcid.org/0009-0002-7344-4107>

Abstract. *The discusses the problem of the correlation between tradition and innovation in portrait painting in China in 1661–1796.*

It is shown that the interest to the portrait genre in Russian and foreign art history, focused mainly on the problem of portrait typology, terminology in the field of portrait genre, criteria of portrait evaluation, its aesthetic significance and artistic style, as well as the features of traditional Chinese portraits and methods of their creation, practically did not cover the issues of typology and evolution of portrait painting of the Qing dynasty. The aim of this paper is to analyse the elements of traditional Chinese painting and new styles in the work of the three major schools of painting of the mid-Qing dynasty: the Bochen School, the Foreign School of Painting and the Wenshi (educated people) School of Painting.

The analysis of the work of artists of the “Bochen” school revealed the presence and development of traditional features of classical Chinese portraiture: the use of form to convey the desire for “unity of mind and body”, as well as the method of tonal colouring, an indigenous traditional Chinese method, which is used in the work of the founder of the school, Tseng Jin. It is shown that as the founder of the new style in portraiture, this artist created a new colouring technique — the technique of “ink bone”.

Numerous studies of the painting of the new style represented by Lan Shining, in its heyday during the reign of the Qianlong Emperor, have emphasised the role of Western influence on the traditional art of China. This paper presents the opinion of Chinese art historians who note the eclecticism of the combination of Chinese

and European styles in the works of the “foreign school of painting”, although they acknowledge the promise and importance of such innovations in their work as the introduction of light and shadow modelling and the use of three-dimensional perspective.

In this paper, we look at the work of the wenshi (educated people) school of painting and show that the artists of the Eight Odd Fellows of Yangzhou, taking the best from their predecessors, contributed with their ideas to the renewal of Chinese portrait painting as a whole. Hostile to the techniques of Western painting, they demonstrated a style of free creative thinking based on conveying the artist’s personal experiences and shifting priorities in the subject matter.

Keywords: *Traditional Chinese painting, mid-Qing dynasty, “Bochen” school, “foreign painting school”, wenshi (educated people) painting schools*

For citation: YuRong Wang. Traditions and Innovations in Chinese Portraiture of the Mid-Qing Dynasty (1661–1796). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 1: 88–101. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-88>

Введение. Актуальность данного исследования заключается в необходимости выявить типологические различия в эволюции портретной живописи в период династии Цин и расширить типологию исследований портретного искусства династии Цин, в том числе потому, что сложный процесс взаимодействия «восточной» и «западной» традиций применительно к интересующему нас периоду еще не получил глубокого осмысления в искусствоведении. Обращение к этой теме представляется важным и с точки зрения поисков новой стратегии развития современной портретной живописи Китая, которая все чаще в поисках новых плодотворных решений ищет опору в национальной художественной традиции. Значение традиций как фактора культурной идентификации в настоящее время возрастает [1, с. 3], поэтому выделение основной проблемы исследования — проблемы соотношения традиции и новаций — также является актуальной.

Портретная живопись Китая привлекала и привлекает внимание российских и зарубежных искусствоведов. Основы изучения портрета в российской китаистике, как известно, были заложены в работах Е. В. Завадской [2–4] и К. И. Разумовского [5], где рассматривается теория портрета, основанная на анализе в том числе трактатов о портрете (Ван И, Цзян Ци, Диг Го, Су Ши, Чэнь Цзао, Шэнь Цзе и др.).

Российских и зарубежных ученых интересует проблема типологии портрета. Так, в работе В. Г. Белозёровой представлена раз-

ветвленная типология форм китайского портрета X–XIX вв., основанная на его социологии [6], в статье Д. В. Дубровской анализируются две линии портретов императора [7]. Типология портретов, представленная Д. Цзин, включает портреты наследников, императорские, памятные, дидактические, литературные и автопортреты [8], у Е. В. Завадской описаны две параллельные линии в портретной живописи — частный и официальный портреты, указан особый жанр мемориального портрета [3, с. 431–432, 436]. К. Ф. Самосяк называет два типа портрета (дидактический и связанный с типом личности, который сложился в даосизме и позже в традиции *чань*) [9]. Исследуются функции (назначения) портретов — сфера закрытого ритуального использования и политической манифестации [7]; поминальные, дидактические, политические, культовые и др. функции [6, с. 410].

Обсуждаются проблемы терминологии в области портретного жанра [6, с. 413; 9, с. 157; 8, с. 28–30], критерии оценки портрета, его эстетической значимости и художественного стиля [2; 3; 6, с. 410–415; 10; 11; 8, с. 26–27], а также причины возникновения жанра портрета (культы предков или культа родовой преемственности) [12, с. 77]) и источников теории портрета [13].

Китайские исследования портретной живописи династии Цин освещают общие вопросы ее принадлежности определенному периоду династии Цин, ее тематическое разнообразие, особенности придворной живописи династии Цин и творческий путь живописца Лан Шинина.

В работах Ши Игун «Несколько слов о традиционных портретах» и «Разговор о традиции китайской портретной живописи» представлены особенности традиционных китайских портретов и методы их создания. Исследования Ши Игуна подтвердили, что западная живопись оказала прямое или косвенное влияние на китайскую живопись [14, с. 17–18; 15, с. 18–19]. В работе У Юйчуаня «Китайский портрет» представлены исторические этапы развития жанра традиционного китайского портрета, приведены доказательства того, что большое число придворных портретистов и портретистов династии Цин следовали канонам «школы Бочэнь», основанной Цзэн Цзином, описана система передачи основных методов изображения портрета, осуществляемой по наследству [16, с. 15].

В докторской диссертации Чжан Иханя «Наследство и эволюция: исследование эволюции художественных форм портретов династий Мин и Цин» указаны четыре стадии процесса эволюции ху-

дожественных форм портретной живописи династий Мин и Цин, рассмотрен период Канси как период постоянных трансформаций в развитии китайского искусства в целом и живописного портрета в частности, выявлены изменения форм художественного выражения и их связь в портретах разных временных периодов и разных типов [17, с. 275].

В исследованиях, посвященных традиционному китайскому портрету, в основном анализировались факторы, которые повлияли на китайскую живопись от династии Мин до династии Цин, но не было уделено достаточного внимания специфическим чертам китайских портретов, уникальным для периодов Канси, Юнчжэна и Цяньлуна династии Цин. Кроме того, вопрос типологии и эволюции портретной живописи династии Цин до сих пор так и не стал предметом специального исследования.

Цель настоящей работы — рассмотреть соотношение элементов традиционной китайской живописи и новых стилей в истории портретной живописи середины династии Цин, представив эволюцию портретного жанра XVII–XVIII вв.

Методы исследования — метод анализа библиографических источников, иконографический метод, методы стилистического и сравнительного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Ключевая проблема, обсуждение которой является объектом исследовательского интереса в данной статье, — это вопрос соотношения традиции и новаций, которая по-разному решается в творчестве трех основных школ живописи периода середины династии Цин: школы «Бочэнь», «иностранный школы живописи» и школы живописи *вэньши* (образованных людей).

Так, школа «Бочэнь» представляла собой яркий пример соотношения традиции и новаций в истории портретной живописи исследуемого в работе периода. В подходе к творчеству у художников школы преобладало классическое представление о китайском портрете, а технические «находки» при внешней новационности восходят, по нашему мнению, к традициям китайского изобразительного искусства.

Основателем школы «Бочэнь» был Цзэн Цзин (1564–1647, второе имя Бочэнь [18, с. 525–526]) — китайский художник периода династии Мин. В ранний период своего обучения Цзэн Цзин прекрасно овладел методами традиционной портретной живописи, а именно методом контурного рисунка, и цзяньнаньским методом тональ-

ного раскрашивания. Метод назван в честь провинции Цзяньнань, в столице которой художник жил. В действительности метод раскрашивания, которым овладел Цзэн Цзин, является традиционной техникой китайской живописи. Весьма подробные записи, описывающие этот метод, сохранились в некоторых исторических документах. Эта техника была основным методом раскрашивания и наложения цвета тональными переходами в портретной живописи эпохи творчества Цзэн Цзина и после правления династии Мин, а также развивалась в цветном раскрашивании контурных силуэтов при династиях Тан и Сун.

Кроме того, школе «Бочэнь» Цзэн Цзина удалось уловить основную суть портретной живописи — лицо персонажа. Именно лицо является основным условием постижения внутреннего мира портретируемого, отражением его эмоций и переживаний. И в этом позиция художников школы «Бочэнь» также соответствует традиции, которой китайская портретная живопись придерживалась на протяжении всего своего развития, — это использование формы для передачи духа, стремление к «единству духа и тела».

Но, следуя традиции, школа «Бочэнь» создавала и развивала новые приемы изображения действительности. Не случайно Е. В. Завадская называет Цзэн Цзина родоначальником нового стиля в портрете [4, с. 435–436]. Художник создал новую технику раскрашивания — «чернильной кости», ставшую основной в творчестве художников школы «Бочэнь». Эта техника многослойного нанесения краски на портрет в соответствии с возрастом изображаемого человека была призвана передавать внутренний мир самого персонажа.

Период правления династии Цин считается временем появления иностранных художников в Китае. Среди них самым известным и представляющим наибольший интерес для исследователей является придворный итальянский художник императоров Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин, Lang Shining 1688–1766). Описание жизни и творчества художника Лан Шинина довольно подробно представлено в работах российских и зарубежных искусствоведов [7; 18, с. 596–598; 19–22; 23, с. 120–121; 24; 25 и др.]. В период правления императора Канси Лан Шинин и другие художники перешли к объединению китайских и западных материалов и техник живописи, что стало основой для формирования важных стилевых особенностей, позднее проявившихся в портретной живописи Лан Шинина и других художников середины правления династии Цин.

В результате долговременного периода «проб и ошибок» в школе живописи нового стиля, представленного Лан Шинином, в период расцвета в годы правления императора Цяньлун наконец наступил «золотой век». В результате творческой деятельности Лан Шинин сформировал набор собственных живописных приемов, которые принесли ему славу и признание в качестве придворного живописца (например, различная концентрация некоторых линий с целью создать трёхмерный эффект, особое соблюдение световых принципов при изображении лиц персонажей и др.). Таким образом «иностранная школа художников» выработала свой стиль придворного портрета, соединявшего китайское традиционное и западное искусство. Формирование этого нового стиля происходило в течение десятилетий в процессе «деликатного привития определенных черт европейской живописи традиционному китайскому придворному искусству» [21, с. 759]. Китайские искусствоведы оценивают эти попытки иностранных художников как эклектичное сочетание китайского и европейского стилей, признавая, однако, что это соединение обогатило китайский стиль такими новациями, как введение светотеневой моделировки и использование трёхмерной перспективы.

В течение интересующего нас временного периода основная роль в мире живописи принадлежала придворным художникам. Тем не менее благодаря особой обстановке, связанной с государственной политикой того времени, сформировалась группа известных народных художников, которые оставили яркий след в истории искусства этого времени.

Предметом нашего исследовательского интереса в данной статье являются особенности портретной живописи художников *вэньши*, которые относятся к творчеству лишь непрофессиональных художников-литераторов, создававших свои произведения на улицах, а порой даже в горах и лесах. Непрофессионализм таких художников, по замечанию Н. С. Николаевой, не предполагал отсутствие профессиональных навыков, а лишь противопоставлялся профессионализму художников, которые писали по заказу, ради куска хлеба (цит. по: [26, с. 25]).

Таковыми художниками-непрофессионалами были художники группы «Восемь чудаков из Янчжоу» (Янчжоу ба гуай) — это художники и каллиграфы, которые работали в округе Янчжоу с середины периода правления Канси до конца периода правления Цяньлуна династии Цин и создавали произведения в общей стилистике

(сущностные основы поэтики направления *вэньжэньхуа* и специфика школы «Восемь чудаков из Янчжоу» представлены в монографии С. Н. Соколова-Ремизова [27]). Они противостояли общепринятым живописным канонам, смело прокладывая новый путь, и даже основали собственную школу и не желали следовать основному течению.

В исследуемый период размежевание между самодельным и официальным (академическим, придворным) искусством перестало быть только эстетической проблемой и приобрело национально-политический смысл [18, с. 901]. Вследствие того, что большинство художников из группы «Восемь чудаков из Янчжоу» вели бедную жизнь, они отделились от господствующего феодального класса. Их произведения наполнены выражением некой душевной тоски, а также осознанием своего духовного превосходства над окружающими людьми. Они были весьма консервативно и даже враждебно настроены в отношении техники западной живописи. По сравнению с придворными художниками эти мастера придавали большее значение свободе исполнения. В их произведениях акцент был сделан на личных переживаниях художника, отражая, таким образом, свободу творческого мышления. Анализируя творчество художников группы «Восемь чудаков из Янчжоу», необходимо подчеркнуть особенности их художественного метода, выяснить, что ценного они переняли от своих предшественников и в чем состоит их новаторство.

Известно, что на художников группы «Восемь чудаков из Янчжоу» оказало влияние академическое мышление середины династии Цин и теория живописи Ши-тао. В середине династии Цин были мыслители, выступавшие за освобождение индивидуальности. В то же время Ши-тао выдвинул идею учиться у прошлого, использовать свой собственный метод, выступать против «грязи прошлого» и призывал художников черпать вдохновение в природе.

Картины художников группы «Восемь чудаков из Янчжоу» развивают эстетические принципы *вэньши*: хотя сюжеты и материалы их произведений были взяты из окружающей реальной жизни, они в первую очередь передают личные переживания и эмоции или выражают свое негодование по поводу угнетения нации или коррумпированной политики, используя метафору или иронию. Не отходя от основных принципов *вэньши*, художники расширяют круг объектов изображения, к которым теперь относятся злые духи, а также бедняки, нищие и представители других слоев общества. Таким об-

разом, появление школы «Восемь чудачков из Янчжоу», бесспорно, имело под собой прочное основание для развития новых идей. Эти художники взяли лучшее из творческого наследия своих предшественников, что способствовало обновлению китайской портретной живописи в целом. Происходит переосмысление художественных канонов, зарождение нового мышления и формирование стиля, в основе которого лежит стремление к свободе и независимости.

Школа живописи *вэньши* отличалась смелыми стилистическими новациями с одновременным негативным отношением к западной технике. Так, Ли Футан славился особым способом создания цветовой палитры, Цзинь Нун положил начало «головастикового» письма лаком, Хуан Шэнь писал картины в стиле «бешеной скорописи», а Чжэн Баньцяо создал оригинальный способ письма «люфэн баншу». Освобождение индивидуальности, в основе которой лежит даосско-буддийская философия ценности личности и принципы живописи идей (*се-и*), дало возможность мастерам этой школы приоритизировать в своем творчестве личные переживания и эмоции, а также быть свободнее в импровизациях, касающихся формы.

Сочетание и противостояние традиции и новаций в китайской живописи исследуемого периода привело к расцвету жанра портрета, названному в исследованиях его «золотым веком» и ознаменованному совершенствованием и формированием портретов разных типов: наряду с традиционными возникают автопортреты и портреты простых людей. Последнее свидетельствует о начавшемся коренном изменении в эстетическом сознании представителей живописных школ данной эпохи и предсказывает намечающие изменения в социальном развитии.

Заключение. Исследуемый временной период (середина династии Цин) является принципиально важным в определении путей развития портретного жанра в частности и китайской живописи в целом. На примере трех школ (школы «Бочэнь», «иностранной школы живописи» и школы живописи *вэньши*) в статье исследуется эволюция портретного жанра XVII–XVIII вв.

Во времена маньчжурского правления (династии Цин), с одной стороны, важным было подчеркнуть преемственность с традиционной китайской культурой, с другой — показать, что эта культура готова к восприятию нового, в данном случае западного искусства, что казалось необходимым для поддержания авторитета правящей иноземной династии.

Эти тенденции в политической жизни сказались на формировании новых стилей в живописи.

Во-первых, усилилась поляризация художественного мира на художников-профессионалов и художников-интеллектуалов (литераторов, образованных людей). Так называемое официальное искусство (школа «Бочэнь», «иностранная школа живописи») составляло оплот правящего дома и пыталось в портретах императоров и важных людей привить черты европейской живописи традиционному китайскому придворному искусству. А искусство неофициальное (школа живописи *вэньши*) как хранитель подлинно национальных культурных ценностей все громче заявляло о себе, противопоставляя свое творчество и общепринятым живописным канонам, и западным влияниям.

Во-вторых, произошел переход от изображения в портрете социальной сущности модели («иностранная школа живописи»): портретный жанр эволюционировал в сторону передачи не внешней формы натуры, а ее истинной, внутренней сущности (школа «Бочэнь», школа живописи *вэньши*). Писавшиеся не «на заказ» портреты стали передавать личные переживания и эмоции художника (школа живописи *вэньши*).

В-третьих, в технике изображения в исследуемый период преобладал китайский традиционный стиль. Отмечено, что некоторые техники, которые признавались нововведениями, имели свои корни в традиционной китайской живописи (например, метод тонального раскрашивания школы «Бочэнь»), а сочетание «чужого» и «своего» в стилистической манере «иностранной школы живописи» было умело сбалансировано, чтобы удовлетворить потребности высокопоставленных китайских заказчиков портретов, хотя и ввело в профессиональный обиход новые техники светотени и трёхмерной перспективы.

Список источников

1. Неглинская М. А. Цинский стиль в китайском художественном металле и эмалях периода трех великих правлений (1662–1795): традиция и новаторство : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2007. 53 с.
2. Завадская Е. В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. М.: Искусство, 1975. 440 с.
3. Завадская Е. В. Теория портрета // Слово о живописи из сада с горчичное зерно / пер. и комм. Е. В. Завадской. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. С. 429–442.
4. Слово о живописи из сада с горчичное зерно / пер. и комм. Е. В. Завадской. М.: Изд-во В. Шевчук, 2001. 505 с.

5. Китайские трактаты о портрете / пер., комм. и послесловие К. И. Разумовского. Л.: Аврора, 1971. 73 с.
6. Белозёрова В. Г. Типология и основы эстетики традиционного китайского портрета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 10. Искусствоведение. 2020. № 3. С. 398–418.
7. Дубровская Д. В. К вопросу о месте портретной живописи Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина) в создании синоевропейского направления в китайском искусстве // Вестник института востоковедения РАН. 2018. № 2. С. 80–90.
8. Dora C. Y. Ching. The language of portraiture in China // Companion to Chinese Art / Edit. By Martin J. Powers and Katherine R. Tsiang. Chichester, West Sussex. UK: Wiley Blackwell, 2016. Pp. 135–157.
9. Самосюк К. Ф. Портретный жанр в Китае I–IX веков // Общество и государство в Китае: 17-я научная конференция : тез. докл. М.: Наука, 1986. Ч. III. С. 154–159.
10. Ринчинова М. М. Живопись как феномен китайской культуры // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 53. С. 213–220.
11. Яковлева Н. Ф. Традиционная китайская живопись: культурологический анализ : автореф. дис. ... канд. культурологии. Чита, 2013. 25 с.
12. Городецкая О. М. Об истоках формирования портрета в Китае // Общество и государство в Китае : тезисы и доклады научной конференции. М., 1993. XXIV. Ч. 1. С. 75–82.
13. Рядчикова Ю. В. Устные и письменные формы развития эстетики традиционного китайского портрета // Общество и государство в Китае: XXXV научная конференция. М., 2005. С. 257–262.
14. 史怡公. 略谈传统的写真. 美术杂志. 北京. 美术杂志社. 1957年. 17–18页
15. 史怡公. 漫谈中国肖像画传统. 美术杂志. 北京. 美术杂志社. 1959年18–19页.
16. 吴雨窗. 中国肖像画. 北京. 中国美术家协会出版. 1957年第15页
17. 张一涵. 传承与演进 : 明清肖像画艺术表现形态的嬗变研究. 博士学位论. 2017年第275页
18. Духовная культура Китая : энциклопедия : в 5 т. + доп. том. Т. 6 (доп.): Искусство / гл. ред. М. Л. Титаренко. доп. М.: Восточная литература, 2010. 1031 с.
19. Дубровская Д. В. Восприятие европейской линейной перспективы в Китае на примере живописи Джузеппе Кастильоне (Лан Шинина; 1688–1766 гг.) // Вестник института востоковедения РАН. 2018. № 1. С. 89–101.
20. Дубровская Д. В. Итальянский художник Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне (1688–1766) при дворе Сына Неба. М.: ИВ РАН, 2018. 140 с.
21. Дубровская Д. В. Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин; 1688–1766) в русле китайской живописной традиции: европейский подход к вопросам перспективы // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2019. № 9. С. 759–767.

22. Сураева Н. Г. У истоков европейской школы живописи в Китае: художник цинских императоров Джузеппе Кастильоне (Лан Шинин) : дис. ... канд. искусствоведения. М., 2011. 221 с.

23. Лю Шичжун. История традиционной китайской живописи / пер. с кит. В. А. Ефановой. М.: Шанс, 2019. 223 с.

24. Beurdeley C.&M. Giuseppe Castiglione: a Jesuit painter at the Court of the Chinese Emperors. C. E. Tuttle Co, 1971. 204 p.

25. Pirazzoli-t'Serstevens M. Giuseppe Castiglione 1688-1766: Peintre et architecte à la court de Chine, avec deux encadrés de Marco Musillo // Études chinoises. 2008. Vol. XXVII. Pp. 220-226.

26. Панова О. С. Роль портретной живописи в придворной культуре Китая X-XI веков // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 46. С. 115-125.

27. Соколов-Ремизов С. Н. Восемь янчжоуских чудачков: из истории китайской живописи XVIII века. М.: Государственный институт искусствознания, 2000. 348 с.

References

1. Neglinskaya M. A. *Cinskij stil' v kitajskom hudozhestvennom metalle i emalyah perioda trekh velikih pravlenij (1662-1795): tradiciya i novatorstvo* [Qing style in Chinese artistic metal and enamels of the period of three great reigns (1662-1795): tradition and innovation] : avtoref. diss. ... d-ra iskusstvovedeniya. Moscow, 2007. 53 p. (In Russ.)

2. Zavadskaya E. V. *Eстетические проблемы живописи старого Китая* [Aesthetic problems of painting in ancient China]. Moscow: Iskusstvo, 1975. 440 p. (In Russ.)

3. Zavadskaya E. V. Portrait theory. *Slovo o zhivopisi iz sada s gorchichnoe zerno* [A word about painting from the garden with a mustard seed] / per. i komm. E. V. Zavadskoj. Moscow: Izd-vo V. Shevchuk, 2001. Pp. 429-442. (In Russ.)

4. *Slovo o zhivopisi iz sada s gorchichnoe zerno* [A word about painting from a garden with a mustard seed]. Perevod i kommentarij E. V. Zavadskoj. Moscow: Izdatel'stvo V. Shevchuk, 2001. 505 p. (In Russ.)

5. *Kitajskie traktaty o portrete* [Chinese treatises on the portrait]. Perevod traktatov, kommentarij i posleslovie K. I. Razumovskogo. Leningrad, Avrora, 1971. 73 p. (In Russ.)

6. Belozyorova V. G. Typology and foundations of the aesthetics of the traditional Chinese portrait. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie* [Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 10. Art history]. 2020. No 3. Pp. 398-418. (In Russ.)

7. Dubrovskaya D. V. *On the question of the place of portraiture by Giuseppe Castiglione (Lan Shinina) in the creation of the Sino-European direction in Chinese art. Vestnik instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.]. 2018. No 2. Pp. 80-90. (In Russ.)

8. Dora C. Y. Ching. The language of portraiture in China. *Companion to Chinese Art*. Edit. By Martin J. Powers and Katherine R. Tsiang. Chichester, West Sussex. UK: Wiley Blackwell, 2016. Pp. 135–157.

9. Samosyuk K. F. Portrait genre in China of the 1st–9th centuries. *Semnadcataya nauchnaya konferenciya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae» : tezisy dokladov* [Seventeenth scientific conference “Society and State in China” : Abstracts of reports]. Moscow: Nauka, 1986. Part III. Pp. 154–159. (In Russ.)

10. Rinchinova M. M. Painting as a phenomenon of Chinese culture. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2020. No 53. Pp. 213–220. (In Russ.)

11. Yakovleva N. F. *Tradicionnaya kitajskaya zhivopis': kul'turologicheskij analiz : avtoref. kand. dis.* [Traditional Chinese Painting: Cultural Analysis : Abstract of Cand. diss.]. Chita, 2013. 25 p. (In Russ.)

12. Gorodeckaya O. M. On the origins of the formation of a portrait in China. *Tezisy i doklady nauchnoj konferencii «Obshchestvo i Gosudarstvo v Kitae» XXIV* [Abstracts and reports of the scientific conference “Society and State in China” XXIV]. Moscow, 1993. Part 1. Pp. 75–82. (In Russ.)

13. Ryadchikova Yu. V. Oral and written forms of development of the aesthetics of traditional Chinese portrait. *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae: XXXV nauchnaya konferenciya* [Society and state in China: XXXV scientific conference]. Moscow, 2005. Pp. 257–262. (In Russ.)

14. 史怡公 . 略谈传统的写真. 美术杂志. 北京. 美术杂志社. 1957年 . 17–18 页. Shi Yigong. A Brief Introduction to Traditional Portraiture. Art Magazine. Beijing. Fine Arts Magazine. 1957. (In Chin.)

15. 史怡公. 漫谈中国肖像画传统. 美术杂志. 北京. 美术杂志社. 1959年18–19 页. Shi Yigong. Diffusing the Tradition of Chinese Portrait Painting. Art Magazine. Beijing. Fine Arts Magazine. 1959. (In Chin.)

16. 吴雨窗. 中国肖像画 . 北京. 中国美术家协会出版. 1957年第15页. Wu Yuchuang. Chinese Portraits. Beijing. Published by China Artists Association. 1957. (In Chin.)

17. 张一涵 . 传承与演进 : 明清肖像画艺术表现形态的嬗变研究 . 博士毕业论文 . 2017年第275页. Zhang Yihan. Inheritance and Evolution: A Study on the Transformation of Artistic Expressions in Ming and Qing Portrait Painting. Doctoral thesis. 2017. (In Chin.)

18. *Duhovnaya kul'tura Kitaya: enciklopediya: v 5 t. + dop. tom. T. 6* (dopolnitel'nyj): Iskusstvo [Spiritual culture of China: encyclopedia: 5 volumes + additional vol. T. 6 (additional): Art]. Ch. ed. M. L. Titarenko. Moscow: Vostochnaya literatura, 2010. 1031 p. (In Russ.)

19. Dubrovskaya D. V. Perception of European linear perspective in China using the example of painting by Giuseppe Castiglione (Lan Shinina; 1688–1766). *Vestnik instituta vostokovedeniya RAN* [Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.]. 2018. No 1. Pp. 89–101. (In Russ.)

20. Dubrovskaya D. V. *Ital'yanskij hudozhnik Lan Shinin, ili Dzhuzeppe Kastil'one (1688–1766) pri dvore Syna Neba* [Italian artist Lan Shinin, or Giuseppe

Castiglione (1688–1766) at the court of the Son of Heaven]. Moscow: IV RAN, 2018. 140 p. (In Russ.)

21. Dubrovskaya D. V. Giuseppe Castiglione (Lan Shinin; 1688-1766) in line with the Chinese painting tradition: a European approach to issues of perspective. *Aktual'nye problemy teorii i istorii iskusstva* [Current problems of theory and history of art]. 2019. No 9. Pp. 759–767. (In Russ.)

22. Suraeva N. G. *U istokov evropejskoj shkoly zhivopisi v Kitae: hudozhnik cinskih imperatorov Dzhuzeppe Kastil'one (Lan Shinin) : diss. ... kand. iskusstvovedeniya* [At the origins of the European school of painting in China: the artist of the Qing emperors Giuseppe Castiglione (Lan Shinin) : dis. ... cand. art criticism]. Moscow, 2011. 221 p. (In Russ.)

23. Lyu Shichzhun. *Istoriya tradicionnoj kitajskoj zhivopisi* [History of traditional Chinese painting] / per. s kit. V. A. Efanovoj. Moscow: OOO «Mezhdunarodnaya izdatel'skaya kompaniya "Shans"», 2019. 223 p. (In Russ.)

24. Beurdeley C.&M. *Giuseppe Castiglione: a Jesuit painter at the Court of the Chinese Emperors*. C. E. Tuttle Co, 1971. 204 p.

25. Pirazzoli-t'Serstevens M. Giuseppe Castiglione 1688–1766: Peintre et architecte à la cour de Chine, avec deux encadrés de Marco Musillo. *Études chinoises*. 2008. Vol. XXVII. Pp. 220–226.

26. Panova O. S. The role of portraiture in the court culture of China in the 10th–11th centuries. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts]. 2019. No 46. Pp. 115–125. (In Russ.)

27. Sokolov-Remizov S. N. *Vosem' yanchzhouskih chudakov: iz istorii kitajskoj zhivopisi XVIII veka* [Eight Yangzhou eccentrics: from the history of Chinese painting of the 18th century]. Moscow: Gosudarstvennyj institut iskusstvovedeniya, 2000. 348 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Ван Юйжун, преподаватель, Институт гуманитарных наук, кафедра зарубежного регионоведения, Российско-Армянский (Славянский) университет (0051, Республика Армения, г. Ереван, ул. Овсепя Эмина, 123)

Information about the author

YuRong Wang, Instructor, Institute of Humanities, Department of Foreign Regional Studies, Russian-Armenian University (123, Hovsep Emina St., Yerevan, 0051, Republic of Armenia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	23.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.11.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	27.01.2024

Научная статья / Article

УДК 929.522

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-102>

**Книжники из усть-цилемского старообрядческого
рода Бабиковых¹**

Татьяна Федоровна Волкова¹, Татьяна Ивановна Дронова²

¹Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия,
volkovatf777@gmail.com // 0000-0002-0119-5343

²Институт языка, литературы истории ФИЦ Коми НЦ УрО РАН,
Сыктывкар, Россия, t_i_dronova@mail.ru

***Аннотация.** Статья, основанная на материалах электронного банка данных о печорских книжниках, составленного Т. Ф. Волковой, и материалах личного архива Т. И. Дроновой, вводит в научный оборот ранее не публиковавшиеся сведения о книжниках из печорского рода Бабиковых, внесших свой вклад в создание и сохранение печорской рукописно-книжной традиции. По свидетельствам родственников и земляков характеризуется просветительская деятельность двух самых известных книжников из числа Бабиковых — Никиты Исааковича и его сына Зиновия Никитича, дополняемая материалами базы данных о принадлежавших им книгах. Эти характеристики даются на фоне конфессиональной ситуации в районе и личной судьбы старообрядческих наставников Бабиковых, преломленной через призму исторических событий коллективизации, проводившейся в нерицких деревнях Усть-Цилямского района Республики Коми. Эти материалы дополняются сведениями из базы данных и о других представителях рода Бабиковых. Статья является звеном в целом ряде исследований Т. Ф. Волковой о создателях и хранителях печорской рукописно-книжной традиции, которые должны послужить основой для создания Словаря книжников нижней Печоры. Источниками исследования послужили опубликованные и еще не изданные научные описания печорских собраний рукописей и старопечатных книг, хранящихся в ИРЛИ (Пушкинском Доме) РАН, в БРАН, в научных библиотеках СПбГУ и СГУ им. Питирима Сорокина, а также в фондах Национального музея Республики Коми. Привлекаются также отчеты об археографических экспедициях в Усть-Цилямский район Республики Коми ленинградских и сыктывкарских филологов, списки писцов и владельцев значительных книжных собраний, составленные выдающимся археографом В. И. Ма-*

© Волкова Т. Ф., Дронова Т. И., 2024

¹Статья подготовлена в рамках плановой темы сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН «Этнокультурные процессы и этнокультурные традиции на Европейском Севере России: динамика социальных и культурных изменений». Регистративный номер 121042600207-7.

лышевым на основании устных рассказов жителей печорских и пижемских деревень и по архивным разысканиям. Статья знакомит специалистов по старообрядческой культуре с конфессиональной стороной жизни печорских старообрядцев начала и середины XX века и причастности к книжной культуре нескольких представителей печорского рода Бабиковых, расширяя наши представления о вкладе печорских крестьян-старообрядцев в формирование уникального книжного центра на нижней Печоре.

Ключевые слова: старообрядческая культура, Нижняя Печора, книжники из рода Бабиковых, коллективизация в нерицких деревнях, старообрядческие наставники

Для цитирования: Волкова Т. Ф., Дронова Т. И. Книжники из устьцилемского старообрядческого рода Бабиковых // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 102–116. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-102>

Scribes from the Ust-Tsilma Old Believer Family of the Babikovs

Tatyana F. Volkova¹, Tatyana I. Dronova²

¹Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia,
volkovatf777@gmail.com // 0000-0002-0119-5343

²Institute of Language, Literature, History, Federal Research Center
Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russia, t_i_dronova@mail.ru

Abstract. *An article based on materials from an electronic data bank about Pechora scribes compiled by T. F. Volkova, and materials from the personal archive of T. I. Dronova, introduces into scientific circulation previously unpublished information about the scribes from the Pechora family of the Babikovs, who contributed to the creation and preservation of the Pechora manuscript-book tradition. According to the testimony of relatives and fellow countrymen, the educational activities of the two most famous scribes from among the Babikovs, Nikita Isaakovich and his son Zinovy Nikitich, are characterized, supplemented by database materials about the books they owned. These characteristics are given against the background of the confessional situation in the region and the personal fate of the Old Believer mentors the Babikovs, refracted through the prism of the historical events of collectivization, carried out in the Neritsk villages of the Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic. These materials are supplemented by information from the database about other representatives of the Babikov family. The article is a link in a number of studies by T. F. Volkova about the creators and keepers of the Pechora manuscript-book tradition, which should serve as the basis for the creation of the Dictionary of the Scribes of Nizhny Pechora. The sources of the research were published and not yet published scientific descriptions of the Pechora collections of manuscripts and early printed books stored in the IRLI (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, in the BRAN, in the Scientific Libraries of St.*

Petersburg State University and SSU named after Pitirim Sorokin, as well as in the funds of the National Museum of the Komi Republic. Also included are reports on archaeographic expeditions to the Ust-Tsilemsky region of the Komi Republic by Leningrad and Syktyvkar philologists, lists of scribes and owners of significant book collections compiled by the outstanding archaeographer V. I. Malyshev based on oral stories of residents of Pechora and Pizhem villages and archival research. The article introduces specialists in Old Believer culture to the confessional side of life of the Pechora Old Believers of the early and mid-20th century and the involvement of several representatives of the Pechora Babikov family in the book culture, expanding our understanding of the contribution of the Pechora Old Believers to the formation of a unique book center in Nizhnyaya Pechora.

Keywords: *Old Believer culture, Nizhnyaya Pechora, scribes from the Babikov family, collectivization in neritsky villages, Old Believer mentors*

For citation: Volkova T. F., Dronova T. I. Ust-Tsilema Babikovs and Their Contribution to the Book Culture of Nizhny Pechora). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 1: 102–116. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-102>

Введение. Одной из важнейших задач изучения рукописно-книжной традиции любого локального центра является выявление создателей и хранителей этой традиции: писцов, владельцев книжных собраний, читателей. Район нижней Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми) давно известен как уникальный заповедник старинной книжности, где благодаря археографическим экспедициям В. И. Малышева и других сотрудников Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН [1–6], Н. С. Демковой и студентов ЛГУ [7; 8], филологов Сыктывкарского университета [9–11] было собрано свыше тысячи рукописей, содержащих сотни литературных памятников древнерусской и старообрядческой литературы, хранящихся сейчас в Санкт-Петербурге и Сыктывкаре. Параллельно с поисками старинных книг, изучением состава рукописных сборников и текстологическим исследованием печорских списков произведений древнерусской литературы и старообрядческой публицистики Т. Ф. Волковой в течение ряда лет создавалась электронная база данных о создателях и хранителях печорской рукописной традиции, которая в будущем должна стать основой для «Словаря книжников нижней Печоры». На пути к этой цели мы начали исследование родовых библиотек усть-цилемских старообрядцев, остатки которых попали в руки ленинградских и сыктывкарских археографов. По записям на рукописных и старопечатных

книгах и другим источникам мы выявили 23 печорские фамилии, представители которых в разное время, начиная с XVIII в., в той или иной степени были связаны с книжной культурой. В течение нескольких последних лет мы публиковали обзорные статьи, характеризующие материалы базы данных о книжниках того или иного печорского рода (см. библиографию в последней опубликованной статье [12]). В дальнейшем мы планируем объединить их в составе монографии «Материалы к Словарю книжников нижней Печоры». Данная статья посвящена роду Бабиковых, к которому принадлежит и один из авторов статьи — Татьяна Ивановна Дронова (в девичестве Бабикова).

Методы исследования. В статье используются разножанровые источники: списки писцов и владельцев книжных собраний, составленные В. И. Малышевым по устным рассказам пожилых устьцилемов, которые в молодости еще застали в живых известных книжников XIX в., а также по архивным документам [13, с. 16–18; 24–26; 14, с. 455–457], отчеты об археографических экспедициях, полевые дневники археографических и этнографических экспедиций, научные описания рукописных и старопечатных книг [13, с. 47–164; 14–18]. Собранные вместе, они позволяют в определенной мере реконструировать состав родовых библиотек печорских старообрядцев.

Результаты исследования. О роде Бабиковых сохранились в документах следующие сведения. Представители рода Бабиковых, проживающие ныне в Усть-Цилемском районе Республики Коми, согласно переписной книге Пустозерского острога, Ижемской и Усть-Цилемской слобод, составленной Г. Я. Тухачевским, впервые фиксируются в 1679 г. в Ижемской слободе¹. По данным 2-й ревизской сказки от 1748 г. Пустозерского ведомства Ижемской слободки известно, что черносोшные крестьяне Ижемской слободки, поселившиеся на реке Нерице в 1731 г., образовали деревню с аналогичным названием: «зовома деревня Неричь»². Позднее **Илья Федорович Бабиков** переселился в верховья р. Нерицы в д. Ильинку (по некоторым данным Ильинскую), которая впервые в архивных документах упоминается в 1859 г. Предположительно он и является основателем деревни Ильинская. Впоследствии здесь проживали строгие молитвенники — хранители староцерковного благочестия [19].

Во многих крупных и малых деревнях Усть-Цилемского края имелись *моленные*, устраиваемые в домах крестьян, действовав-

---

¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 366. Л. 1–41.

² Там же. Л. 103.

шие до начала коллективизации. В начале XX в. количество частных моленных увеличилось в связи с объявленной религиозной свободой, их устраивали почти в каждой деревне в домах зажиточных крестьян. Здесь важно отметить, что содержатель моленной не всегда выполнял наставнические функции; иногда крестьяне возглавляли молитвенную жизнь в деревне без благословения — из личного побуждения сохранять религиозную традицию и поддерживать духовный порядок в общине, но они не совершали крещения и исповедания. В окраинных малодворных деревнях, расположенных неподалеку друг от друга, моленную открывали в той деревне, где имелись грамотные уставщики, которые устанавливали связь с зажиточными крестьянами волости и заручались их поддержкой (снабжение книгами, иконами, богослужебной утварью). По полевым материалам Т. И. Дроновой, чаще моленные действовали при зажиточных хозяйствах, обычно для этого использовали помещение на втором этаже дома (*верхи́*). По воспоминаниям крестьян, в них имелись иконостасы, *книжницы*, аналои, лавки, подручники — всё необходимое для проведения служб. Иконы, книги, утварь принадлежали хозяевам, свечи приобретались на пожертвования прихожан. Примером такого развития религиозной общины в д. Ильинке является деятельность **Никиты Исааковича Бабикова** (1853–1930) — представителя восьмого поколения Бабиковых, обустроившего в своем доме моленную. Как книжник он указан в одном из списков владельцев крупных книжных собраний, опубликованном В. И. Малышевым в его книге «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX веков [13, с. 26].

Никита Исаакович в молодости был бурлаком, впоследствии занялся крестьянским трудом: содержал в своем хозяйстве скот, владел мастерской по обработке кожи и маслозаводом, имел мельницу, был умелым столяром, мастерил деревянную посуду, ложки. С раннего возраста он познал староцерковную грамоту, хорошо читал, отличался прилежанием к молитве. К пятидесяти годам он обустроил в своем двухэтажном доме моленную, которую расположил на втором этаже и полностью сам содержал ее. Это была большая комната, в которой проходили воскресные соборные службы и службы к праздникам. По воспоминаниям его внуки — **Ирины Кондратьевны Щипицыной**, моленная была празднично убрана: стены и пол всегда были начищены до блеска, аналой убран красным бархатом, окна зашторены дорогими занавесками; стена с восточной стороны во всю ее длину была обставлена древлеписьменными и литыми

иконами в два ряда, под ними стоял прилавок, где хранились книги и молитвенная утварь: кадило, ладан, свечи. По традиции прихожане жертвовали деньги только на свечи. Односельчане неоднократно просили Никиту Исааковича возглавить их общину, но, имея *глубокую ревность*, он отказался, полагая, что *многогрешен*, поскольку занимался торговлей и извозом; считал себя *набожным*, но недостойным *высокого благословения*. Зная устав служб, он являлся уставщиком, и службы проходили под его началом; крещение и исповедание совершал наставник, проживавший в с. Нерица, расположенном в 30 километрах от Ильинки. В усть-цилемских селениях такое религиозное поведение молитвенников было общепринятым, в отличие от коми староверов, берущих на себя обязанности наставников без благословения, с молчаливого согласия верующих, что являлось грубым нарушением религиозного канона.

Никита Исаакович в результате своей безупречной жизни имел авторитет среди земляков, ему доверяли, к нему приходили за советом и другой помощью. Крестьяне не спешили расходиться после службы по домам, слушали поучения, которые зачитывал из Минеи перед собравшимися Никита Исаакович или его сын Зиновий Никитич. Делом благочестия являлось исполнение духовных стихов, которые пели в праздничные и воскресные дни после служб, а также ими завершали (*покрывали*) поминальные службы (после поминального стола и подаяния милотины).

В моленной было много книг, часть из которых досталась Никите Исааковичу по наследству от родителей, иные были приобретены им в поездках от староверов, проживавших в деревнях, через которые проходила дорога в Архангельск. В семейной книжнице имелись богослужебные книги: Псалтырь, Часослов, Торжественник, Октай, Минеи, Канонники, а также другая литература, из которой известны Житие Николы Чудотворца, Златоуст, Цветники, духовные стихи, рукописные сборники. Никита Исаакович охотно предоставлял книги в пользование землякам. В сельской округе всегда поддерживалось неписанное правило, нарушение которого обрекало крестьянина на недоверие к нему сельских жителей. Так, к примеру, книга, полученная на определенный срок (до года), обязательно должна была быть возвращена владельцу к указанной дате. Бывали случаи, когда читатели не укладывались в отведенный для чтения период, тогда они приходили к владельцу с книгой и просили продлить период ее использования. Иногда Никита Исаакович сам приходил к читателям и разъяснял непонятное в чтении.

Кроме духовного просвещения Н. И. Бабилов оказывал экономическую помощь землякам: организовывал помощь (*помочи*), например, при строительстве дома; жертвовал живущим бедно многодетным семьям зерно: «*Никита Исаакович в голодные годы купил у сысольчей 100 кулей хлеба: один куль — сто килограмм — и раздавал бедным бесплатно. Его блаженным называли, так как много помогал бедным*» (Полевые материалы автора. Записано от А. Ф. Бабилова, 1962 г. р., место рождения — д. Ильинка, место проживания — с. Нерица, в 2009 г.).

У Никиты Исааковича и его жены *Марии Ивановны* было четверо детей. Всех их он в младенчестве обучил грамоте, и по утвердившемуся в семье обычаю дети с раннего возраста были распределены по профессиям. Детей (мальчиков), выявлявших усердие к молитве, обучали профессиям, не связанным с промыслом, поскольку в дальнейшем это уводило бы их от глубокого познания церковных правил и духовного совершенствования, и к тому же, согласно правилам Кормчей книги, наставнику не позволялось трудиться на мирской службе, заниматься охотой и рыболовством. Средний сын Зиновий Никитич впоследствии стал наставником. Трем сыновьям Никита Исаакович построил большие двухэтажные дома, при которых имелись бани, хлевы, амбары. Но в годы коллективизации у Никиты Исааковича были изъяты все жилые и хозяйственные постройки. После раскулачивания дети Никиты Исааковича разъехались по деревням Усть-Цилемского района и в Нарьян-Мар, а сам он с женой остался доживать свой век в родной деревне, обустроив для проживания амбар. По воспоминаниям его родственников, Никита Исаакович, как и многие христиане, смиренно принял факт изъятия домов, полагая, что «*антихрист не дремлет*» и в жизни «*лучшего ждать не велено*», заметив при этом: «*Хорошо, что пальцы не отрубили — можно крест класть и молиться*». В 1930 г. после бурных потрясений Никита Исаакович умер.

По воспоминаниям сельчан, после смерти молитвенника общинная жизнь в Ильинке постепенно приходила в упадок. Сын **Кондратий Никитич** был расстрелян с целью упреждения возобновления молитвенной жизни в деревне и «в страх другим». В 1950-е гг. в д. Ильинке совершали уже только поминальные службы. Пример развития и упадка молитвенной жизни конкретно взятой деревни подтверждает вывод И. В. Поздеевой: «...если из триединства: книга, личность, община, которое является залогом воспроизводства древней веры и традиционной культуры, выбить хотя бы одно

звено, это сразу или через определенный период приведет к гибели всей системы» [20, с. 26]. Более стремительно разрушительные процессы происходили в малых разрозненных деревнях.

Другой известный книжник из рода Бабиковых — сын Никиты Исааковича **Зиновий Никитич Бабиков** (1895–1973) — родился в д. Ильинке, после раскулачивания вместе с женой **Евлампией Федоровной** (1895–1983) и приемной дочерью Розой переехал в пос. Замшевый завод, ныне пос. Синегорье Усть-Цилемского района. Зиновий Никитич упомянут В. И. Малышевым в списке владельцев значительных книжных собраний [13, с. 24]. Есть его имя как переписчика рукописей и в книге В. И. Малышева «Усть-Цилемские рукописные сборники...» [13, с. 28], а также в одном из отчетов В. И. Малышева об археографических поездках на нижнюю Печору: «Был на Нерице один старик-начетчик, любитель старых книг — Зиновий Бабиков, но он уже много лет живет на Замшевом заводе, около Усть-Цильмы» [3, с. 477].

Зиновий Никитич окормлял староверов по всему Усть-Цилемскому району, ездил в Нарьян-Мар, где с 1930-х гг. проживали усть-цилемские староверы-переселенцы, в том числе три его племянницы с семьями. По мирской профессии Зиновий Никитич был лесником, а также прекрасным печником, чему был обучен в немецком плену в Первую мировую войну, и уже на пенсии активно ездил по району, оказывая землякам помощь в строительстве и ремонте печей и проповедуя. З. Н. Бабиков был очень находчивым и умелым хозяйственником. Из семейных рассказов о нем приведем следующий. В поселке Синегорье действовал замшевый завод по обработке шкур. Случилось, что завод был остановлен из-за неисправности печи. Для устранения неполадок работали разные специалисты, но результата не было. Тогда администрация завода обратилась к Зиновию Никитичу. Тот, предварительно обговорив цену работы, быстро устранил причины поломки: привез воз соломы, сжег его в печи, вся сажа выгорела, и завод продолжил работу. Заработанные деньги были переданы многодетным семьям со скудным достатком. Если с представителями власти З. Н. Бабиков был достаточно расчетлив, то с односельчанами-староверами по-христиански милосерден. Работая лесником, он постоянно помогал крестьянам-единоверцам, знал их нужды: иным, возвращаясь из леса, приносил заготовки к орудиям труда, семьям со скудным достатком — дары леса. О его бескорыстии и честности по сей день вспоминают в поселке. Односельчане называли его «дядя Зиновей», поскольку обра-

шение по имени отчеству наставник не приветствовал, считал *величанием*, возвышавшим его над окружающими.

З. Н. Бабилов, как и его отец — Никита Исаакович, являлся хранителем книг, которые он охотно предоставлял в пользование сельчанам. Нам известны некоторые книги, которые ему принадлежали и сейчас находятся в Древлехранилище ИРЛИ. В 1973 г. в с. Усть-Цильма археографическая экспедиция ЛГУ под руководством Н. С. Демковой приобрела сборник начала XX в. (в 4-ку, на 232 лл.), переписанный полууставом почерком известного нерицкого книжника А. М. Бажукова и содержащий чин крещения, 17-ю кафизму, псалмы «хвалитные» и величания праздникам, стих умиления (о смертном часе), стих тезоименитства Андрея Борисова, стихи о браке в Кане Галилейской, об Иоасафе царевиче, о пустыне, о лексинских девицах, о Страшном суде, о блудном сыне (стихотворная параллель к «Повести о Горе-Злочастии»), стих об умирающей матери, чин панихиды по умершему, и многочисленные помянники печорских родов (ИРЛИ, УЦ н. 113). Из неопубликованного описания Усть-Цилемского нового собрания ИРЛИ сборник принадлежал Зиновию Никитичу Бабилову. От жены Зиновия Никитича Евлампии уже после его смерти ленинградские археографы получили сборник духовных стихов XX в. (в 4-ку, на 14 лл.), написанный почерком, подражающим печатному шрифту, в бумажной обложке (сохранилась только ее нижняя часть). Сборник (ИРЛИ, УЦ н. 367) содержит стихи (наставление умирающей матери дочери, о кратковременности человеческой жизни, о взятии Соловецкого монастыря в XVII веке), Газету из ада и др. В Научной библиотеке СГУ хранится Минея праздничная (М.: Преображенская тип., 1912. 2^о. 682 л.), на нижней крышке переплета которой сохранилась интересная запись крупными печатными буквами: «Книга была в Уеге Василья Никифоровича. Купиль Бабиловъ Зиновей Никитичъ. Кто будет дежь ([так в источне]!) ету книгу, помените». Эта запись позволяет проследить некоторые источники формирования книжного собрания Зиновия Никитича и его отношение к книге как дальнейшей памяти о нем, когда книга перейдет в другие руки.

В. И. Малышев был знаком с Зиновием Никитичем, но их отношения складывались непросто. Зиновий Никитич относился к ленинградскому археографу крайне недоброжелательно и обвинял его в «грабеже» — увозе с Печоры ценных рукописей и книг. Такое отношение к ученому, вероятно, объяснялось тем, что Зиновий Никитич верил в будущее Усть-Цильмы и не приветствовал вы-

воз книг из района. С Владимиром Ивановичем он устраивал долгие дискуссии о вере, а по их завершении рассказывал о встречах с ученым односельчанам. Он убеждал единоверцев хранить книги в семейных *книжницах*.

Зиновий Никитич, по воспоминаниям родственников, был очень начитанным и владел искусством рассказчика — «*из него речь лилась*». Своими рассказами он умел заинтересовать не только взрослых, но и детей, а в случае утомления последних, находчиво ободрял их игрой, окликаая детей не присущими им именами, и вновь продолжал свой рассказ. Его беседы носили назидательный, обучающий характер. Не имея своих детей, он обучал бережному отношению к книге детей своих земляков, а хозяек, хранивших книги на обозреваемых местах, призывал трепетнее относиться к ним — заворачивать в чистое полотенце — так, в частности, об этом поведала одна из его племянниц.

Сохранились и воспоминания, свидетельствующие о сокрушении старца по поводу освоения космоса: он полагал, что люди вторглись в «*бжье*», и за это последует наказание. После полета Ю. Гагарина в комос комсомольская молодежь спрашивала у старца «Где Бог? Гагарин летал и его не видел». На это Зиновий Никитич отвечал: «Бог на небесах, а ваш Гагарин едва выше нижней заворничи (то есть нижней жерди изгороди) поднялся».

В конце 1970-х гг., когда притеснения старообрядцев были уже не столь сокрушительны и допускалось открыто проводить соборные службы, поминовения, Зиновий Никитич много общался с земляками-крестьянами, возвращая их к христианской жизни. В этот период многие устьцилёмы, выйдя на заслуженный отдых, обратились к вере, и для них остро обозначился дефицит старопечатных книг, который они восполняли привозом печатной продукции из старообрядческих центров Ленинграда и Риги. Поскольку книги печатались в этих изданиях обычным шрифтом (гражданская печать), многие крестьяне отказывались от этих книг, называя их *новизенными*, и полагали, что в них меньше благодати, а потому больше доверяли рукописям, переписанным местными молитвенниками, в число которых входил и З. Н. Бабилов. Умер книжник в 1973 г., в праздник Пасхи. На его могиле установлен массивный восьмиконечный деревянный крест, который Зиновий Никитич сделал сам при жизни.

В составленной Т. Ф. Волковой базе данных имеются материалы и о других представителях рода Бабиловых. Так, на рукописной

Псалтири второй половины XVII в. (ИРЛИ, УЦ н. 341), полученной в 1973 г. в Нарьян-Маре от И. Тунгусова, имеются записи государственного крестьянина **Никифора Бабикова** от 1856 г. От **Евдокии Васильевны Бабиковой** в том же 1973 г. была получена Псалтирь кириллической печати (Вильно, 1782), реставрированная во второй половине XIX в.: утраченные листы заменены рукописными (полуустав, киноварь, инициалы, заставка пером, подражающая печатной); переплет — доски в коже, с остатками двух застежек (НБ СПбГУ, ОРК 6583 [21, с. 83, № 67]).

О хозяйственной деятельности некоторых представителей семьи Бабиковых мы узнаем из записей на рукописных книгах. Так, на Уставе (ИРЛИ, УЦ н. 320) последней четверти XIX в. (в 4-ку, на 282 лл., написан почерком, подражающим печатному шрифту; переплет — бумага в несколько слоев, обитая кожей), полученном в 1972 г. экспедицией ЛГУ в д. Федосеевке от Осипенко Наталии Даниловны, сохранилось много записей бытового, хозяйственного и поминального характера. На л. 282 об. рукописи читается запись об **Иване Яковлевиче Бабкове**: «1886-го апреля 29 числа 1887 года месяца января 15-го числа поступил работник Иван Яковлевич Бабков...»

Заключение. Таким образом, материалы базы данных о печорских книжниках, составленной Т. Ф. Волковой, и личного научного архива Т. И. Дроновой показывают, что род Бабиковых сыграл важную роль в создании и сохранении рукописно-книжной традиции на Нижней Печоре: среди его представителей были образованные наставники, заботившиеся о духовном окормлении своих земляков крестьян-старообрядцев, собиравшие в своих домах старинные книги, которыми могли пользоваться и их односельчане, переписывали из них то, что им понравилось и было необходимо для конфессиональных нужд. Дальнейшие разыскания, возможно, дадут дополнительный материал для реконструкции родовой библиотеки крестьян Бабиковых.

Список источников

1. Малышев В. И. Отчет о командировке в село Усть-Цильму Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 469–480.
2. Малышев В. И. Археографическая экспедиция в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 425–439.
3. Малышев В. И. Пижемская рукописная старина (отчет о командировке 1955 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 461–493.
4. Малышев В. И. Отчет о командировке на Печору в 1956 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 398–408.

5. Малышев В. И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 513–521.
6. Маркелов Г. В. Новые пополнения Печорского собрания // ТОДРЛ. Л., 1972. Т. 27. С. 441–443.
7. Махновец Т. А., Пиотровская Е. К., Ярошенко Л. В. Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 351–352.
8. Демкова Н. С. Отчет об археографической экспедиции на Печору // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 357–360.
9. Волкова Т. Ф. Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 375–376.
10. Волкова Т. Ф. Археографическая работа Сыктывкарского университета на Нижней Печоре в 1977–1990-х гг. // Источники по истории народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1991. С. 94–105.
11. Прокуратова Е. В. Новые источники изучения книжной традиции низовой Печоры (по материалам фольклорно-археографических экспедиций 2005–2018 гг.) // Рябининские чтения–2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2019. С. 522–525.
12. Волкова Т. Ф. Печорские крестьяне Чуркины — владельцы и читатели старинных книг // Вестник СГУ. Серия гуманитарных наук. 2023. № 1–2. С. 49–61. Малышев В. И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960.
13. Малышев В. И. Переписка и деловые бумаги усть-цилемских крестьян XVIII–XIX вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 442–457.
14. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 561–604.
15. Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописи XVII–XIX вв. исторического, литературного и бытового содержания // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 561–604.
16. Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги. Вып. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1989. 288 с.
17. Памятники письменности в хранилищах Республики Коми : каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XV–XX веков в собрании Национального музея Республики Коми. Сыктывкар: Коми республиканская типография, 2013. 489 с.
18. Рыжова Е. А. Описание печорских рукописей из фондов Библиотеки Российской академии наук // Книжные центры Республики Коми: Усть-Цилемский район : сб. материалов и исследований. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2017. С. 230–285. (Слово и текст в контексте культуры. Вып. 2).
19. Вокуева Т. Д. Родословная Бабиковых. Ветвь «от Григория», род Исаковых // Горочные чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., по-

свящ. 470-летию с. Усть-Цильма. (2012 г., с. Усть-Цильма). Сыктывкар, 2013. С. 61–70.

20. Поздеева И. В. Книга — личность — община — инструменты воспроизводства традиционной культуры (30 лет изучения старообрядческих общин Верхокамья) // Старообрядческий мир Волго-Камья. Пермь, 2001. С. 7–30.

21. Савельев А. А. Книги кириллической печати с берегов Печоры в собрании Научной библиотеки Санкт-Петербургского университета // Исследования по истории книжной и традиционной народной культуры Севера : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. Т. Ф. Волкова. Сыктывкар, 1997. С. 66–85.

References

1. Malyshev V. I. Report on a business trip to the village of Ust-Tsilma Komi ASSR. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1949. Vol. 7. Pp. 469–480. (In Russ.)

2. Malyshev V. I. Archaeographic expedition to the Ust-Tsilma region of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1955. Vol. 11. Pp. 425–439. (In Russ.)

3. Malyshev V. I. Pizhemsкая handwritten antiquity (1955 trip report). *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1956. Vol. 12. Pp. 461–493. (In Russ.)

4. Malyshev V. I. Report on a business trip to Pechora in 1956. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1958. Vol. 15. Pp. 398–408. (In Russ.)

5. Malyshev V. I. Report on an archaeological trip to Pechora in 1958. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1960. Vol. 16. Pp. 513–521. (In Russ.)

6. Markelov G. V. New additions to the Pechora Assembly. *TODRL* [TODRL]. L., 1972. Vol. 27. Pp. 441–443. (In Russ.)

7. Mahnovец T. A., Piotrovskaya E. K., YAroshenko L. V. A trip for manuscripts to Pechora in the summer of 1972. *TODRL* [TODRL]/ L., 1974. Vol. 29. Pp. 351–352. (In Russ.)

8. Demkova N. S. Report on the archaeological expedition to Pechora. *TODRL* [TODRL]. L., 1976. Vol. 30. Pp. 357–360. (In Russ.)

9. Volkova T. F. Report on the archaeological expedition to the Ust-Tsilma region of the Komi Autonomous Soviet Socialist Republic. *TODRL* [TODRL]. L., 1979. Vol. 34. Pp. 375–376. (In Russ.)

10. Volkova T. F. Archaeographic work of Syktyvkar University in Nizhnyaya Pechora in the 1977–1990s. *Istochniki po istorii narodnoj kul'tury Severa: mezhevuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Sources on the history of folk culture of the North: interuniversity collection of scientific works]. Syktyvkar, 1991. Pp. 94–105. (In Russ.)

11. Prokuratova E. V. New sources for studying the book tradition of lower Pechora (based on materials from folklore and archaeological expeditions of 2005–2018) *Ryabininskie chteniya-2019 : materialy VIII konferencii po izucheniyu i aktualizacii tradicionnoj kul'tury Russkogo Severa* [Ryabinin Readings-2019 : Materials of the VIII Conference on the Study and Actualization of the Traditional Culture of the Russian North]. Petrozavodsk: Karelian Research Center RAS, 2019. Pp. 522–525. (In Russ.)

12. Volkova T. F. Pechora peasants Churkins — owners and readers of ancient books *Vestnik SGU. Seriya gumanitarnykh nauk* [Bulletin of SSU. Humanities Series]. 2023. No 1–2. Pp. 49–61. (In Russ.)

13. Malyshev V. I. *Ust'-Cilemskie rukopisnye sborniki XVI–XX vv.* [Ust-Tsilemsky manuscript collections of the 16th–20th centuries]. Syktyvkar: Komi book publishing house, 1960. (In Russ.)

14. Malyshev V. I. Correspondence and business papers of Ust-Tsilma peasants of the 18th–19th centuries. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1962. Vol. 18. Pp. 442–457. (In Russ.)

15. Malyshev V. I. Ust-Tsilemsky manuscripts of the 17th–19th centuries. historical, literary and everyday content. *TODRL* [TODRL]. Moscow; L., 1961. Vol. 17. Pp. 561–604. (In Russ.)

16. *Pamyatniki pis'mennosti v hranilishchah Komi ASSR : katalog-putevoditel'. Ch. 1. Rukopisnye knigi. Vyp. 1. Rukopisnye sobraniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Monuments of writing in the repositories of the Komi ASSR : a catalog guide. Part 1. Handwritten books. Issue 1. Handwritten collections of Syktyvkar State University]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1989. 288 p. (In Russ.)

17. *Pamyatniki pis'mennosti v hranilishchah Respubliki Komi : katalog-putevoditel'. Ch. 1. Vyp. 2. Rukopisnye knigi XV–XX vekov v sobranii Nacional'nogo muzeya Respubliki Komi* [Monuments of writing in the repositories of the Komi Republic : a catalog guide. Part 1. Issue 2. Handwritten books of the XV–XX centuries in the collection of the National Museum of the Komi Republic]. Syktyvkar: OOO «Komi respublikanskaya tipografiya», 2013. 489 p. (In Russ.)

18. Ryzhova E. A. Description of Pechora manuscripts from the collections of the Library of the Russian Academy of Sciences. *Knizhnye centry Respubliki Komi: Ust'-Cilemskij rajon: sbornik materialov i issledovanij* [Book centers of the Komi Republic: Ust-Tsilemsky region: collection of materials and research]. Syktyvkar: Publishing house of SSU im. Pitirim Sorokina, 2017. (Word and text in the context of culture. Issue 2). Pp. 230–285. (In Russ.)

19. Vokueva T. D. Pedigree of the Babikovs. Branch “from Gregory”, the Isakov family. *Gorochnye chteniya : materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 470-letiyu s. Ust'-Cil'ma. (2012 g., s. Ust'-Cil'ma)* [Gorochnye readings : Materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 470th anniversary of the village. Ust-Tsilma. (2012, Ust-Tsilma village)]. Syktyvkar, 2013. Pp. 61–70. (In Russ.)

20. Pozdeeva I. V. Book — personality — community — tools for the reproduction of traditional culture (30 years of studying the Old Believer communities of Verkhokamya). *Staroobryadcheskij mir Volgo-Kam'ya* [Old Believer World of Volgo-Kama]. Perm, 2001. Pp. 7–30. (In Russ.)

21. Savelyev A. A. Books of Cyrillic printing from the banks of Pechora in the collection of the Scientific Library of St. Petersburg University. *Research on the history of book and traditional folk culture of the North: interuniversity. Sat. scientific tr.* [Research on the history of book and traditional folk culture of the North: interuniversity Sat. scientific tr.]. Rep. ed. T. F. Volkova. Syktyvkar, 1997. Pp. 66–85. (In Russ.)

Сведения об авторах

Волкова Татьяна Федоровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, СГУ им. Питирима Сорокина (167001, Россия, г. Сыктывкар, Октябрьский пр., д. 55)

Дронова Татьяна Ивановна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора этнографии ИЯЛИ ФИЦ КНЦ УрО РАН (167982, Россия, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, д. 26)

Information about authors

Tatyana F. Volkova, Dr. Philol. Sc., Professor of the Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrski Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Tatyana I. Dronova, Dr. of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of Language, Literature, History, Federal Research Center Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (26, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167982, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	27.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	04.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	08.02.2024

Научная статья / Article

УДК394.3: 571.17

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-116>

**Традиционная игра в контексте современной культуры:
по материалам экспедиции 2023 г. к бачатским телеутам**

Татьяна Ивановна Кимеева

Кемеровский государственный институт культуры, Кемерово, Россия,
tat-kimeeva@mail.ru, <http://orcid.org.0000-0002-6036-4418>

Аннотация. Актуальность темы связана с интересом к этнокультурному наследию и проблемами его сохранения в среде бытования. Целью статьи явилось обоснование возможностей ревалоризации и ревитализации традиционных игр как объектов нематериального культурного наследия. Методика полевых экспедиционных обследований позволила систематизировать игры, зафиксированные на момент обследования в среде бытования бачатских телеутов, привести их ключевые характеристики. Полученные результаты ориентированы на сохранение и презентацию тра-

диционной игры посредством ее включения в региональный или российский «Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России».

Ключевые слова: традиционная игра, нематериальное наследие, методика полевых экспедиционных обследований, выявление, бачатские телеуты, ревалоризация, ревитализация

Для цитирования: Кимеева Т. И. Традиционная игра в контексте современной культуры: по материалам экспедиции 2023 г. к бачатским телеутам // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 116–127. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-116>

Traditional Game in the Context of Modern Culture: Based on Materials from the 2023 Expedition to the Bachat Teleuts

Tatyana I. Kimeeva

Kemerovo State University of Culture, Kemerovo, Russia,
tat-kimeeva@mail.ru, <http://orcid.org.0000-0002-6036-4418>

Abstract. *The relevance of the topic is related to the interest in the ethno-cultural heritage and the problems of its preservation in the environment of everyday life. The purpose of the article was to substantiate the possibilities of revalorization and revitalization of traditional games as objects of intangible cultural heritage. The methodology of field expeditionary surveys made it possible to systematize the games recorded at the time of the survey in the environment of the BachatTeleuts, and to present their key characteristics. The results obtained are focused on the preservation and presentation of the traditional game through its inclusion in the regional or Russian «Register of Objects of Intangible Cultural Heritage of the Peoples of Russia».*

Keywords: *traditional game, intangible heritage, methodology of field expeditionary surveys, identification, Bachat Teleuts, revalorization, revitalization*

For citation: Kimeeva T. I. Traditional Game in the Context of Modern Culture: Based on Materials from the 2023 Expedition to the Bachat Teleuts. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 1: 116–127. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-116>

Введение. В современных условиях интерес к традиционной игре обусловлен несколькими причинами: опасность руинирования этнических игр как объектов нематериального культурного наследия, определение возможностей воспроизведения игр для использования в культурно-образовательной деятельности музеев, а также в работе региональных этнокультурных и спортивных сообществ. Направление в изучении традиционных игр отли-

чает междисциплинарность. Проблемы актуализации традиционной игры бачатских телеутов с использованием атрибутов, реконструированных на основе подлинных музейных предметов, рассматривались П. В. Глушковой (Абрамовой) [1, с. 70–72]. Традиционные игры в контексте оздоровительных мероприятий этнокультурных центров упоминаются Н. Д. Каминской и Е. В. Эртман [2, с. 101]. А. В. Кызласовым акцентируется внимание на традиционных подвижных играх, соотносимых с этноспортом [3, с. 42]. Влияние игр, распространенных у тюркоязычных скотоводов Южной Сибири, на физическое развитие еще одного из коренных малочисленных народов Сибири, проживающих на территории юга Кузбасса, — шорцев, раскрывается в публикации М. А. Токмашевой и ряда авторов [4, с. 254–271]. На основе возрастных критериев осуществлена подробная классификация традиционных игр народов Севера В. П. Красильниковым [5, с. 121–123]. Критерий народного воспитания детей положен в основу классификации игр народов Севера В. В. Кимом, выделившим через игру такие этапы в детском воспитании, как «материнский», «семейный», «общинный», «родовой» [6]. Этнограф Д. А. Функ в совместной монографии с К. П. Батьяновой характеризует телеутские игры на основе архивных материалов, при этом не выделяя бачатских телеутов из группы телеутов в целом [7, с. 52–61]. К. П. Батьянова в данной монографии не уделяет внимания игре, ее раздел посвящен классификации телеутских общин в XIX — нач. XX в. В ее публикации, посвященной описанию съезжего праздника бачатских телеутов «Ильдинкүн», перечисляются с краткими характеристиками проводимые состязания — борьба «күреш», набивание волана «тебек», бросание камня «ташадыжи», волейбол и другие современные спортивные игры [8, с. 20].

Игра как часть нематериального культурного наследия входила в перечень объектов обследования фольклорно-этнографической экспедиции 2023 г. в места компактного проживания бачатских телеутов — одного из самых малочисленных этносов Сибири. Этот народ общей численностью немногим более 2600 человек с XVII в. расселен на территории современной Кемеровской области (в качестве официального названия которой сегодня утвержден Кузбасс) в населенных пунктах города Белово (пос. Телеут), Беловского муниципального района (с. Беково, пос. Заречное, дер. Верховская), Гурьевского муниципального района (пос. Шанда). Ни малочисленность этноса, ни активная индустриализация в пределах территории проживания бачатских телеутов (поселения находятся в окру-

жени угольных разрезов) не оказали влияния на их уникальные традиции. Сохранение этнокультурной самобытности народа стало причиной того, что Кузбасс явился одним из одиннадцати регионов страны, вошедших в «Цикл фольклорно-этнографических экспедиций по выявлению объектов нематериального этнокультурного достояния народов России», организованных Государственным Российским домом народного творчества им. В. Д. Поленова, министерствами и ведомствами регионов России, автономной некоммерческой организацией «Содействие развитию культуры и массовых коммуникаций “Культурный регион России”». Предполагались два направления экспедиционных исследований — этнографическое и фольклорное. Этнографическая направленность реализовывалась автором настоящей статьи, профессором кафедры искусствоведения Арктического государственного института культуры и искусств, доктором искусствоведения О. Д. Добжанской и директором музея «Археология, этнография и экология Сибири» Кемеровского госуниверситета — кандидатом культурологии Н. А. Белоусовой. Изучение фольклора бачатских телеутов возлагалось на кандидата филологических наук Ю. А. Крашенинникову — сотрудника Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук»; заведующую организационно-методическим отделом ГАУК «Центр народного творчества Кузбасса» М. В. Оксём и заведующую отделом фольклора этого центра Ю. А. Агееву. В процессе экспедиционных исследований осуществлялась фото-, видео- и аудиофиксация объектов нематериального культурного наследия в обозначенных выше поселениях бачатских телеутов.

Цель настоящей работы определяется как выявление традиционных игр бачатских телеутов в среде бытования, степень их сохранности и возможность включения в современное социокультурное пространство.

Методика исследования. В традициях классических этнографических экспедиций при изучении традиционной игры бачатских телеутов предполагалась работа с информаторами. Предпочтение данному термину отдается как характерному для методики отечественных этнографических экспедиций [9, с. 137].

Методика этнографического исследования, примененная в отношении игр бачатских телеутов, включала следующие методы и приемы:

- метод наблюдения за участниками игр;

- прием установления контакта с информаторами;
- метод опроса (работа с информаторами для определения содержания игр, сбора вербальной информации);
- приемы аудио-, фото- и видеофиксации.

Ведущим явился принцип ориентации на традиционность объекта, его способность отражать такое этнокультурное явление, как игра, и возможность ее воспроизведения в естественной социокультурной среде. Применение обозначенной методики позволило зафиксировать различные типы традиционных игр бачатских телеутов, бытование которых либо сохранено, либо утрачено. Характер воспроизведения игр рассматривался с позиций процессов ревалоризации, то есть возвращения объекту его ценности, утраченной под воздействием времени, и ревитализации как восстановления его способности к функционированию.

Результаты исследования. Изучение традиционных игр в ходе экспедиции включало работу с информаторами — коренными жителями поселений бачатских телеутов, в том числе с директором историко-этнографического музея «Чолкой» в с. Беково В. В. Челухоевым и участниками традиционного праздника в этом селе «Ильдинкүн». На этот праздник, регулярно проводимый 2 августа (Ильин день) в с. Беково, съезжаются жители перечисленных выше поселений. Обязательными элементами праздника, наряду с презентацией традиционных костюмов, ремесел и кухни, являются подвижные игры-соревнования. Более десяти лет назад этот факт был зафиксирован Е. П. Батьяновой, о чем упоминалось во введении настоящей статьи.

По материалам экспедиции с учетом имеющейся в научной литературе типологии было выделено наличие в среде бытования этноса двух типов игр:

- подражательно-имитационные;
- подвижные.

Подражательно-имитационные игры сохранены в памяти информаторов 1940–1950-х г. г. (*П. И. Алаганчакова, 1946 г. р., пос. Шанда Гурьевского муниципального округа; Л. Д. Шадиева, 1955 г. р., с. Челухоево Беловского муниципального округа Кемеровской области*). В рамках культурно-образовательной деятельности историко-этнографического музея «Чолкой» с. Беково на основе информации, сохраненной в памяти носителей культуры, проводятся мастер-классы по изготовлению кукол-скруток из текстиля «кыдак». Ревалоризация технологий создания такой куклы свя-

зана с реализацией программы по использованию национально-го компонента в преподавании изобразительного искусства в школе с. Беково, подготовленной отличником народного просвещения Л. И. Тыдыковой. То есть в среде бытования осознается ценность данной игрушки, однако «наадагай»/«нат'ыгай» — игра в куклы, ориентированная на ранний этап воспитания девочек, освоение норм семейного поведения, сегодня не имеет распространения. Сегодня куклы «кыдак» в играх девочек из телеутских поселений заменены покупными. Следует отметить, что группа подражательно-имитационных игр в среде бытования практически руинирована: технологии изготовления кукол «кыдак» воссоздаются в рамках деятельности кружков при Домах культуры и школах, резьба деревянных игрушек-лошадок утратила свою актуальность, изготовление луков со стрелами для использования их в детской игре наблюдается фрагментарно.

Иначе обстоит дело с *подвижными играми*, среди которых выделяются:

- ролевые подвижные игры, в которых один из участников выполняет определенную роль и действует соответственно ей;
- командные игры;
- игры-соревнования.

Информация о ролевых подвижных играх установлена в ходе опроса информаторов 1950-х — 1980-х г. р. (*Л. В. Исакова-Тыдыкова, 1965 г. р., пос. Беково Беловского муниципального округа; Н. А. Сатина, 1986 г. р., пос. Шанда Гурьевского муниципального округа Кемеровской области*). Все опрошенные указывают на игру «Чертектер», организуемую до настоящего времени ежегодно в течение рождественской недели, носящей у бачатских телеутов название «Кӧлӧдо». Содержание данной игры, которую описывал Д. А. Функ на основе архивов и сведений информаторов в указанной выше работе, осталось неизменным. Главным действующим лицом является «чертек», название которого отражает связь с суевериями русских соседей. В данный персонаж перевоплощается один из участников игры с помощью маски «тӧс колье» (дословно — берестяная маска). На голову «чертека» набрасывается большой платок, скрывающий лицо. Игровое действие сопровождается приплясыванием всех участников, которым необходимо угадать, кто скрывается под маской и платком. Только в этом случае «чертек» открывает лицо, а его роль выполняет другой участник.

В игре «Кёскабышкан», напоминающей игру в жмурки, имеются роли водящего и игроков. Исполняющему роль водящего, стоящего у двери, завязывают глаза и раскручивают по ходу солнца, приговаривая: «Алтайгапарсан — алтын порсокакел!» (На Алтай поедешь — шесть баурсаков принеси!) и т. д. После этого все разбегаются. Тот, кого осалил водящий, выполняет его роль. Устойчивость игры «Кёскабышкан» подтверждается ее сохранением в настоящее время и фиксацией в 1990-е гг. Д. А. Функом [10, с. 250–251].

Роли водящего и игроков имеются и в игре «Кур кагышкан» (бить поясом). Играющие располагаются по кругу. Водящий с поясом в руке находится вне круга. Он легонько ударяет одного из игроков, и тот убегает от водящего по кругу за спинами остальных участников игры. Если водящий догоняет преследуемого и ударяет его поясом, то сам становится в круг, а водить начинает тот, кто убежал. Если же убегающий успевает встать в круг перед каким-нибудь игроком до удара поясом, то водящий уже не может его коснуться, а должен догонять того, перед кем встал ранее убежавший.

В игре «Оионок» тоже распределяются роли водящего и игроков. Содержание игры в том, что водящий садится в центр круга с завязанными глазами, а игроки по очереди задевают его. Водящий должен узнать человека, который его задел.

Игры, в которых участники делятся на две и более групп для выполнения определенных действий, можно назвать командными. Командная игра «Сыргат'ажыргар» («Спрятанное кольцо») предусматривает разделение игроков на две команды, в каждой из которых распределяются роли старших и игроков. Старший одной из команд незаметно для другой прячет в руку одного из членов своей команды кольцо. Подходит старший другой команды и пытается с трех раз угадать, у кого находится кольцо. Если угадывает, то поет песню и получает кольцо, а его команде достается право его прятать. В случае неудачи в угадывании вся команда, прятавшая кольцо, может получить право прятать кольцо после исполнения смешной песни.

В подвижной игре «Орынталаштит» («Занимать место») участвуют пять пар играющих, которые могут считаться мини-командами. Четыре из них занимают углы комнаты или обозначенного на земле квадрата, одна пара находится в центре. Пары, стоящие в углах, перебегают из угла в угол, меняясь местами, а центральная пара старается занять освободившийся во время перебе-

жек угол. Оставшейся без угла паре достается центральное место, и игра продолжается.

Содержание подвижных игр: ролевых — «Кёскабышкан», «Куркагышкан» «Оионок» и командных — «Сыргат'ажыргар», «Орынталаштит» — сохранилось в памяти информаторов 1940–1950-х г. р. (*В. И. Челухоев, 1947 г. р., пос. Беково Беловского муниципального округа; Н. М. Корбина, 1958 г. р., пос. Телеут, г. Белово Кемеровской области*). Относительно этих игр следует отметить процессы ревалоризации: в современных условиях осознается их ценность, они презентуются в культурно-образовательной деятельности историко-этнографического музея «Чолкой» пос. Беково.

Наиболее многочисленна и чаще воспроизводима бачатскими телеутами группа традиционных игр-состязаний. Как правило, это игры с выявлением победителя, которые исследователями определяются в категорию этноспорта [11, с. 325–331]. По всей вероятности, современная интерпретация их как спортивных состязаний обеспечивает устойчивое сохранение в среде бытования.

В рамках проведения праздника «Ильдинкўн» организуется игра «Тайақтартқаны» («Перетягивание палки»), в которой участвуют два игрока, сидящие друг против друга с согнутыми коленями, упираясь стопами в деревянный брус. Прямо над брусом размещается гладко оструганная палка длиной около 50 см, диаметром около 4 см, которую обеими руками захватывают соревнующиеся в силе. Победителем становится тот, кто сумеет дважды перетянуть соперника на свою сторону или вырвать у него из рук палку.

«Ильдинкўн», по словам информаторов, не обходится без традиционной борьбы «Кўреш», название которой связывается со словом «кур» — пояс. То есть это борьба на поясах, которые являются необходимым ее атрибутом. Участники борются стоя, ухватившись за пояс противника так, чтобы кулаки находились на его спине. Победителем считается борец, заставивший соперника коснуться земли любой частью тела или положивший его на обе лопатки, либо оторвавший его от земли выше пояса.

Традиционные занятия бачатских телеутов степной охотой требовали навыков меткой стрельбы из лука. Поэтому в игресостязании «Соғанадышқаны» (стрельба из лука по мишени) отразилась эта форма деятельности. По словам информатора А. Д. Алтышева, раньше луки делали из ветки черемухи, изогнутой по форме лука и высушенной в течение двух-трех лет. На лук натягивали эластичную и прочную тетиву, сплетенную из конского волоса. Сей-

час в Беково никто луки не делает, но стрельба из лука как игра-соревнование сохраняется (*А. Д. Алтышев, 1983 г. р., с. Беково Беловского муниципального округа Кемеровской области*).

К категории состязаний относится и игра «Тебек», собравшая немало участников и болельщиков на празднике «Ильдинкүн» в 2023 г. В ней соревнуются два или более человек. Основной атрибут игры — «тебек» — лоскут длинноворсового меха диаметром 10–15 см с прикрепленным с безворсовой стороны кусочком свинца, напоминающий волан для игры в бадминтон. Игра сохраняется в памяти как старшего, так и молодого поколения бачатских телеутов. Последние свидетельствуют о довольно частом изготовлении «тебек» на их памяти, теперь эти атрибуты мастерят к празднику «Ильдинкүн» (*Н. В. Хлопотин, 2005 г. р., пос. Беково Беловского муниципального округа Кемеровской области*). Правила игры заключаются в следующем: каждый игрок по очереди набивает внутренней поверхностью стопы «тебек», считая удары-очки. Если «тебек» падает на землю, в игру вступает следующий игрок и т. д. Победителем считается набивший более других ударов и заработавший большее число очков.

Среди подвижных игр-соревнований отмечена игра «Малакай», основным атрибутом которой является надкопытный конский сустав — «кажык-сөөк» (тюркск. *играть-кость*), который в русской традиционной культуре именуется «бабка». Выявлено две разновидности такой игры: в первом варианте выстроенные в ряд бабки сбивают взмахом плетки-«камчы», во втором для их выбивания используют самую крупную и тяжелую кость. В одном виде игры, по словам информатора, вырабатывается умение обращаться с «камчы» как с значимым атрибутом кочевников-скотоводов, в другом — меткость броска. Как показывает опрос, спортивные состязания с использованием плетки «камчы», в которых сейчас прописываются определенные правила, появились позднее традиционной детской игры «Малакай» (*В. В. Челухоев, 1985 г. р., пос. Беково Беловского муниципального округа Кемеровской области*).

Еще одним видом игр-соревнований праздника «Ильдинкүн» следует назвать метание аркана «Арғамчыташтағаны» как традиционной игры скотоводов Южной Сибири, ориентированной на ловкость при отлове коней из табуна.

В ходе праздника «Ильдинкүн» в 2023 г. по причине его проведения в летний период не была зафиксирована уникальная традиционная зимняя игра «Элбранкай», что означает «скользящая». Игра не встречается в трудах исследователей телеутской культуры. Информаторы 1940–1980-х г. р. утверждают факт ее существо-

вания на протяжении длительного времени до сегодняшнего дня (В. И. Челухоев, 1947 г. р., А. А. Алтышев, 1983 г. р., В. В. Челухоев, 1985 г. р., пос. Беково Беловского муниципального округа Кемеровской области). Суть игры заключается в метании на расстояние «элбранкай» — толстой круглой в поперечном сечении палки, заостренной с обеих сторон. «Элбранкай» готовили специально для игры: ее несколько раз окунали в прорубь, после каждого погружения давая возможность схватиться корочке льда. После нескольких процедур на палке образовывалась толстая ледяная корка. Участники игры по очереди бросали «элбранкай» из-за спины таким образом, что палка должна была скользить по насту. Выигрывал тот, у кого палка прокатилась на большее расстояние. Второй вариант этой игры предусматривал наличие сугроба на пути скольжения палки. В этом случае бросивший палку игрок должен был отыскать ее в сугробе.

Заключение. Таким образом, в процессе экспедиционного исследования определены традиционные игры, подверженные в условиях современности руинированию наряду с другими объектами нематериального культурного наследия, признанные в нормативных документах как «неосязаемые» [12]. Результаты фиксации, опирающиеся на научно обоснованную экспедиционную методику, показали, что традиционные игры-соревнования на период августа 2023 г. обнаруживают способность к ревитализации — восстановлению наследниками традиций для дальнейшего функционирования. К этой группе относятся игры-соревнования. Подвижные ролевые и командные игры переживают процесс ревалоризации, связанный с осознанием их ценности как части традиционной культуры. Данная группа игр воссоздается преимущественно музейными средствами. Традиционная игра в среде бытования бачатских телеутов гармонично дополняет современные игры, на что оказывает влияние музейная деятельность и организация мероприятий по сохранению традиционной культуры. Вышеизложенные результаты экспедиционного этнографического обследования традиционных игр бачатских телеутов могут стать основой для их включения в «Реестр объектов нематериального культурного наследия народов России» как регионального, так и российского уровня.

Список источников

1. Глушкова П. В., Бердикова Е. С. Интерактивная экспозиция как форма презентации традиционной игры телеутов // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2019. № 2 (20). С. 71–74.

2. Каминская Н. Д., Эртман Е. В. Реализация рекреационного потенциала этнокультурных центров // *Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств*. 2020. № 2 (37). С. 96–107.
3. Кызласов А. В. Традиционные игры и этносport: общая классификация // *Теория и практика физической культуры*. 2014. № 8 (25). С. 42.
4. Токмашева М. А., Ильин А. А., Капилевич Л. В. Влияние шорских национальных подвижных игр на формирование двигательных навыков у школьников с учетом этнических особенностей // *Science for Education Today*. 2019. Т. 9. № 3. С. 254–271.
5. Красильников В. П. Теория и история традиционных игр коренных народов Севера // *Человек. Спорт. Медицина*. 2005. Вып. 5. Т. 2. С. 121–123.
6. Ким В. В., Красильников В. П. Концепция становления и формирования традиционных игр и состязаний коренных народов Сибири // *Теория и практика физической культуры*. 2004. № 4. URL: <http://sportlib.info/Press/ТРФК/2004N4/p16-22.htm> (дата обращения: 8.11.2023).
7. Функ Д. А., Батьянова А. П. Телеуты : Материалы к серии «Народы и Культуры». М.: Типография ИНИОН РАН, 1998. Вып. XVII. 269 с.
8. Батьянова Е. П. Национальные праздники у телеутов в XX–XXI вв. // *Этнографическое обозрение*. 2011. № 6. С. 16–25.
9. Громов Г. Г. Методика этнографических экспедиций // *Вестник антропологии*. 2015. № 1 (29). С. 122–143.
10. Функ Д. А. Бачатские телеуты в XVIII — первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М.: ИЭиА РАН, 1993. 326 с.
11. Ломшина Е. Н., Мигунов П. В., Сафонкина О. С. Этноспорт как способ актуализации этнокультуры (на примере финно-угорских народов) // *Финно-угорский мир*. 2020. Т. 1. № 3. С. 325–331.
12. Концепция сохранения и развития нематериального наследия народов Российской Федерации на 2009–2015 гг. URL: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/669539> (дата обращения: 12.02.2024).

References

1. Glushkova P. V., Berdikova E. S. Interactive exhibition as a form of presentation of the traditional Teleut game. *Uchenye zapiski (Altajskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)* [Scientific notes (Altai State Academy of Culture and Arts)]. 2019. No 2 (20). Pp. 71–74. (In Russ.)
2. Kaminskaya N. D., Ertman E. V. Realization of the recreational potential of ethnocultural centers. *Kul'tura i obrazovanie: nauchno-informacionnyj zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv* [Culture and education: scientific and information magazine of universities of culture and arts]. 2020. No 2 (37). Pp. 96–107. (In Russ.)
3. Kyzlasov A. V. Traditional games and ethnosport: general classification. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2014. No 8 (25). P. 42. (In Russ.)
4. Tokmasheva M. A., Il'in A. A., Kapilevich L. V. The influence of Shor national outdoor games on the formation of motor skills in schoolchildren, taking

into account ethnic characteristics. *Science for Education Today*. 2019. Vol. 9. No 3. Pp. 254–271. (In Russ.)

5. Krasil'nikov V. P. Theory and history of traditional games of the indigenous peoples of the North. *Chelovek. Sport. Medicina* [Human. Sport.Medicine]. 2005. Iss. 5. Vol. 2. Pp. 121–123. (In Russ.)

6. Kim V. V., Krasil'nikov V. P. The concept of the formation and formation of traditional games and competitions of the indigenous peoples of Siberia. *Teoriya i praktika fizicheskoy kul'tury* [Theory and practice of physical culture]. 2004. No 4. Available at: <http://sportlib.info/Press/TPFK/2004N4/p16-22.htm> (accessed: 8.11.2023). (In Russ.)

7. Funk D. A., Ba'tyanova A. P. *Teauty: Materialy k serii «NarodyiKul'tury»* [Teleouts. Materials for the series «Peoples and Cultures»]. Moscow: INION RAS Printing House, 1998. Vol. XVII. 269 p. (In Russ.)

8. Ba'tyanova E. P. National holidays among Teleuts in the 20th — 21st centuries. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic review]. 2011. No 6. Pp. 16–25. (In Russ.)

9. Gromov G. G. Methods of ethnographic expeditions. *Vestnik antropologii* [Bulletin of Anthropology]. 2015. No 1 (29). Pp. 122–143. (In Russ.)

10. Funk D. A. *Bachatckie teauty v XVIII — pervojchetverti XX veka: istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [BachatTeleuts in the 18th — first quarter of the 20th centuries: historical and ethnographic research]. Moscow: IEiA RAS, 1993. 326 p. (In Russ.)

11. Lomshina E. N., Migunov P. V., Safonkina O. S. Ethnosport as a way to actualize ethnoculture (using the example of Finno-Ugric peoples). *Finno-ugorskij mir* [Finno-Ugric world]. 2020. Vol. 1. No 3. Pp. 325–331. (In Russ.)

12. *Kontseptsiya sokhraneniya i razvitiya nematerial'nogo naslediya narodov Rossiyskoy Federatsii na 2009–2015 gg.* [The concept of preservation and development of the intangible heritage of the peoples of the Russian Federation for 2009–2015]. Available at: <http://www.zakonprost.ru/content/base/part/669539> (accessed: 12.02.2024). (In Russ.)

Сведения об авторе

Кимеева Татьяна Ивановна, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры музейного дела, Кемеровский государственный институт культуры (650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, д. 17)

Information about author

Tatyana I. Kimeeva, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Museum Affairs, Kemerovo State Institute of Culture (17, Voroshilova St., Kemerovo, 650056, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	12.02.2024
Принята к публикации / Accepted for publication	22.02.2024

Теоретическая (обзорная) статья / Theoretical (review) article

УДК 141.319.8

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128>

Онтологические формы бытия человека. Концепт «Дом»

Елена Леонидовна Разова

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
Гродно, Республика Беларусь,
lrazova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2892-345X>

Аннотация. В традиции философской антропологии в статье предпринята попытка определить основания и границы бытия человека с целью расширить философско-антропологические исследования сущностных оснований бытия человека до изучения формы онтологии человека. В качестве пространства человеческого бытия предлагается рассмотреть Дом. Дом представлен как онтологическая форма, сфера, которая на феноменальном уровне дана человеку в повседневном его взаимодействии с общностью, вместе с ним населяющей Дом, и внешним миром, противопоставленным и связанным с Домом в силу того, что мир тоже сфера, но иного уровня. Обитающая в Доме общность вместе с физическим пространством и всем тем, что это пространство наполняет, материальным и нематериальным, есть первооснова, прототип ноосферы. Дом как форма человеческой онтологии обеспечивает устойчивую, воспроизводимую во времени основу идентичности, более сильную, чем идентичность единичного индивида. Понимание Дома как сферы человеческого бытия, как исходного начала, как формы ноосферы позволяет заложить основу не аналитического, но целостного подхода в изучении вопроса оснований и границ бытия человека человеком. Ответ на этот вопрос в условиях тотального расчеловечивания является неизбежным и насущным.

Ключевые слова: Дом, сфера, этос, феноменология, самостояние, экзистенция, идентичность, онтология, пространство

Для цитирования: Разова Е. Л. Онтологические формы бытия человека. Концепт «Дом» // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 128–149. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128>

Ontological Forms of Human Existence. “Home” Concept

Alena L. Razava

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus,
lrazova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2892-345X>

Abstract. *In the tradition of philosophical anthropology, the article attempts to determine the foundations and boundaries of human existence, with the aim of developing a philosophical and anthropological study of the essential foundations of human existence to studying the form of human ontology. It is proposed to consider the Home as a space of human existence. The Home is presented as an ontological form, described as a sphere, which at the phenomenal level is given to a human in everyday interaction with the community that inhabits the Home, and the outside world, opposed and connected with the Home due to the fact that the world is also a sphere, but another level. The community living in the Home, together with physical space and everything that fills this space, material and immaterial, is the fundamental principle, the prototype of the noosphere. Home as a form of human ontology provides a stable, time-reproducible basis of identity, stronger than the identity of a single individual. Understanding the Home as a sphere of human existence, as the initial beginning, as a form of the noosphere, allows us to lay the foundation of non-analytical, but a holistic approach to the study of the issue of the foundations and boundaries of human existence. The answer to this question in conditions of total dehumanization is inevitable and urgent.*

Keywords: *home, sphere, ethos, phenomenology, self-state, existence, identity, ontology, spac*

For citation: Razava A. L. Ontological Forms of Human Existence. "Home" Concept. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 1: 128–149. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-128>

В условиях, когда дегуманизация культуры становится не только приемлемой нормой, но приоритетной в искусстве, литературе, гуманитарном знании, когда расчеловечивание превращается в инструмент политического и экономического противостояния, а футуристические прогнозы наиболее влиятельных экспертов, таких как К. Шваб, Ю. Н. Харари, провозглашают примат «постчеловека» над человеком «традиционным», у которого есть все шансы проиграть эволюционную гонку продукту трансгуманизма, снова поднимается вопрос, поставленный в начале XX века философской антропологией: что есть человек, что значит «быть человеком», что такое бытие человека, что есть человеческое бытие. Работа М. Шелера «Положение человека в космосе» (1927) стала одной из первых, где были обозначены основные границы предметной области философской антропологии [1]. Именно этот вопрос есть глубинная основа усиливающегося в последние годы цивилизационного противостояния западных культур и тех культур, народов и стран, где традиционное понимание оснований и границ человеческого бытия все еще наделены смыслом и ценностью.

Философская антропология не дала ответа на поставленные вопросы, уступив место постклассическим исследователям и мыслителям, которые успешно деконструировали гуманитарное знание, а вместе с ним и гуманитарное как таковое, до полной отмены человека, абортирования его из интеллектуального, социального и экономического пространства [2]. Человек в гуманитарном знании в качестве субъекта оказался избыточен, а в качестве объекта — вторичен. Возможно, нереализованность проекта философской антропологии (впрочем, нереализованность частичная, признать этот проект полностью неуспешным будет далеким от истины заявлением) была обусловлена тем, что человек в большинстве исследований оказался, как клеточная культура на предметном стекле, вынут из своей среды, в которой возник, развивался, изменялся, существовал. Приготовленный для исследования препарат мало что оказался нежизнеспособным, но большая часть выводов о нем так же не нашла подтверждения в реальной жизни. Потому что человек был как раз изъят из той жизни, его непосредственного окружения, материального, социального, духовного, культурного, вне которой он не существует, как отдельная клетка не существует вне живой материи. У такого изолированного от сферы его существования объекта можно изучить структуру, химический состав и некоторые свойства, но нельзя ответить на вопрос, почему клетка (человек) живет, что значит «быть живым». Аналитический бэконовский подход, которому следовала философская антропология с ее субъект-объектной моделью, нуждался в разделении изучаемого объекта на составные части, что привело к отдельному изучению общества и социальных институтов, культуры и ее форм, биологии человека, психологии и т. д. Философская антропология не сумела преодолеть этот подход, хотя и заложила плодотворную основу самой постановкой вопроса о необходимости увидеть человека в целостности его бытия человеком.

Существуют ли доступные нам подходы к поиску ответа на вопросы, что такое человек, что такое быть человеком, что такое человеческое бытие, которые позволят возродить проект философской антропологии, преодолев его ограничения. И, как и было изначально задумано М. Шелером, М. Бубером, Э. Левинасом, Э. Фроммом, Э. Кассирером, С. Кьеркегором и другими, кто сформировал основное тело философско-антропологических исследований, увидеть положение человека в бытии, бытие человека в его целостности и

полноте материального, вещного, телесного, духовного, социально-го, психического?

Фактически вырисовывается вопрос о том, есть ли возможность новой онтологии как продолжателя и наследника философской антропологии, онтологии человека, интегрирующей все аспекты бытия человеком? Каковы основания и границы этой онтологии? Каковы формы, в которых эти границы и основания воплощаются и могут быть описаны на феноменальном уровне, как данные нам?

Отправной точкой поиска границ и оснований новых форм онтологии человеческого может быть воспринято пространство бытия человека. Р. Декарт и И. Кант полагали протяженность, пространство априорной формой человеческого бытия. П. А. Флоренский писал, что человек создает культуру, организуя пространство [3; 4].

Первичным пространством и с точки зрения антропогенеза, и с точки зрения исходных оснований культуры и обществ является пространство дома. Б. В. Марков пишет, что «процесс гоминизации протекал в сфере дома, который является условием эволюции человека. Необходимое для его созревания физическое и психическое тепло обеспечивается домом, выполняющим функции защитной системы... Дом — основа гоминизации» [5, с. 32].

П. Слотердаjk напрямую связывает неолитическую революцию, в ходе которой человек начал активно создавать свое пространство, с укоренением человека на его земле через создание дома. «Неолитический перелом сопровождался зарождением тех отношений, благодаря которым человечество оказалось во власти территориализма; с этого момента начинается формирование того типа идентичности, который определяется укоренением в земле, и именно с того времени люди начинают идентифицировать себя с помощью своего места, своей привязки к земле и, наконец, своего имущества» [6, с. 279]. Освоение пространства в культуре, цивилизации для человека было равнозначно его одомашниванию, первичным ядром которого является Дом, в его физическом и метафизическом измерении, утилитарном и сакральном значении, исторической и вневременной форме.

Значение Дома хорошо видно из работ по языкознанию и семиотике. В статье В. В. Мороз и С. Н. Рымарович представлен обзор семантического поля Дома. Анализ свидетельствует о том, что в языке различных народов существует «глубокая связь феномена дома с

самыми существенными сторонами человеческой жизни», понятие «Дом» — сакральное и наделено онтологической семантикой [7].

Идею архетипичности дома развивает К. Г. Юнг, который ставил архетип дома в один ряд с архетипами матери, отца, ребенка [8]. Архетип Дома описывал в работе «Земля и грезы о покое» Г. Башляр, называя его «дом грез» или «онорический дом». Это архетип дома, в основе которого воспоминание-фантазия об утраченном, не существующем в реальности доме, в котором «находятся корень, узы, глубина, погруженность грез» [9, с. 96]. Реализовать этот архетип, эту грезу человек пытается во всяком месте своего обитания. «В нас живет онирический дом, в который мы превращаем темный угол родного дома, самую потайную его комнату. Родной дом начинает интересовать нас с самого раннего детства, поскольку он свидетельствует о наиболее отдаленной защищенности. Иначе откуда бы взяться чувству лачуги, столь живому у стольких грезовидцев, или столь активному в литературе XIX века чувству хижины?» [9, с. 99].

О. Шпенглер предложил рассматривать культуру, ее историю и динамику через изучение дома как феномена локальной культуры. История дома — это история народа, его культуры, по мнению Шпенглера, так как дом появляется тогда же, когда появляется этнос, народ. «Дом — наиболее чистое выражение расы из всех, какие только бывают. Это выражение существует с того момента, когда начинающий делаться оседлым человек уже не удовлетворяется просто крышей над головой, но строит себе постоянное жилище, и выражение это внутри расы «человека» как такового, принадлежащего биологической картине мира, выделяет человеческие расы собственно всемирной истории, т. е. потоки существования намного более душевного значения. Праформа дома всецело прочувствованна и органична» [10, с. 122]. Шпенглер утверждал, что «дом — это самое чистое выражение породы, которое вообще существует»; «душа людей и душа их дома — одно и то же»; «когда исчезает тип дома — вымерла некоторая человеческая порода» [11, с. 23–25].

Ю. М. Лотман указывал на важное значение Дома как одной из универсальных категорий человеческого сознания в его противопоставленности пространству необитаемому, которое он назвал «антидом»: «...среди универсальных категорий человеческого сознания большое место занимает противопоставление «дома» (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) антидому (чужому, дьявольскому простран-

ству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [12, с. 29].

Г. Д. Гачев пишет, что «по дому можно изучать воззрение народа на мир — как он его понимает» [13, с. 38]. Дом в работах Гачева представляется тем центром, из которого человек осваивает пространства.

Резюмируя, можно отметить, что Дом представляется как место, где раскрывается экзистенция человека. Дом, словами П. А. Флоренского, есть «органопроекция» человека и в архитектурном сооружении, и в символическом пространстве Дома, в Доме как архетипе, и в его социальной размерности как месте обитания семьи, рода [14]. При этом важно подчеркнуть, что человек и его Дом видятся как органичное единство, имеющее свои границы, свою уникальную форму.

Закономерным видится вопрос: принимая Дом как пространство бытия человека, форму его онтологии, как можно определить границы и основания этого пространства? Какова, иными словами, его форма в том понимании формы, как она присутствует у Платона и Аристотеля, и в античной философии в целом? [15, 16].

Как отмечалось выше, аналитический подход, бэконовская научная парадигма, доминировавшая до начала XX века, конструирует двумерную модель познания, а вместе с тем и двумерную онтологическую модель: на одной стороне находится активный субъект, на другой — некий пассивный объект, в первую очередь материальное тело, как это виделось Бэкону, а с появлением социальных наук — общество и человек. Очевидно, онтологическое пространство дома не может быть представлено такой двухмерной плоскостью, отношения в нем не могут управляться по принципу разделения на субъект, наделенный властью познавать и устанавливая в акте познания некий закон, непреложный и обязательный для объекта, на месте которого могут быть вещи, животные, люди. В условиях общности, объединенной осознанным взаимодействием, со-бытийствующей в общем пространстве, объединенной общими ценностями и повседневными практиками, не может быть субъект-объектных отношений, иначе сами принципы общности разрушаются, заменяются на отношения подчинения и власти. Таким образом, в пространстве дома не работают законы природы и не реализуется эволюционное движение, эволюционное развитие, линейные процессы в нем скорее исключение. Так, например, в пространстве дом, традиция, как писал А. де Бенуа, — это не то, что по-

зади, а то, что в основе, то, что обосновывает, к чему возвращаются и что изменяют [17]. Благодаря этой нелинейности, внеэволюционности и даже внеисторичности, Дом обеспечивает основу для духовной автономии той коллективной идентичности, идентичности общности, которая единственная гарантирует историческую устойчивость и воспроизводство социума и культуры, при том, что иные социальные институты разрушаются в условиях кризиса, о чем писал Т. Парсонс [18].

В физической размерности дом и населяющая его общность (семья — самый яркий пример общности) есть система, понимание которой как онтологической формы появилось в начале XX века. Дом, в полной мере соответствующий описанию свойств системы, которые впервые определил Л. фон Берталанфи [19, 20].

У дома всегда есть четко определенные физические границы, которые в онтологическом плане реализуются в разделении на своих и чужих. Дом, его архитектура, а также способ обитания в доме семьи (или более широкой общности) структурированы. В структуре Дома и домашних отношений присутствуют связанности элементов, внутренние ограничения и противоречия. Структура Дома вступает в противоречие с внешним миром, противопоставляясь ему как пространство безопасности агрессивному внешнему пространству, как пространство личное, интимное — пространству социальному, публичному. Это изначальное противопоставление «Дом — природа» в XX веке превратилось в противопоставление «Дом — социум». Так, Дом и домашняя среда ассоциируется с внутренней свободой, обеспеченной за счет личного пространства, самоидентичностью и самодостаточностью, в то время как внешний мир, пространство социальное представляется пространством диктата общего, принуждающей нормы, где утрачивается идентичность, индивид обезличивается и, в пределе, расчеловечивается.

Структура физического дома-системы может меняться. Одна структура может сменяться другой под влиянием количественного накопления нового в форме пространства, отношений, ролей. Изменением структуры разрешается противоречие между системой дома и внешней среды, что лишь подтверждает взаимосвязанность обеих систем — дома и окружающего мира, их взаимовлияние. Особенно структурность Дома выражается в его архитектурном осмыслении и реализации. Так, М. Н. Громов, обращаясь к философской семантике архитектуры, указывал, что, «организуя пространство средствами архитектуры, человек не только создает ути-

литарную среду обитания (что, к сожалению, превалирует в современном строительстве, особенно массовом), он воплощает свое видение мира, свои представления о красоте, свою мечту о гармоничном бытии» [21].

Важной особенностью системы является то, что здесь невозможны отношения «субъект — объект». Вступая в отношения с системой, субъект также предстает как система, и обе системы в любом варианте контакта взаимодействуют, влияя друг на друга, изменяя друг друга, независимо от желания или осознания подобного влияния. Так, любой чужак, допущенный в Дом, принимает правила Дома, становясь своим, и будет нести некий «оттиск» Дома в себе после того, как покинет его границы. В силу того, что дом и бытие в нем нельзя описать какими-либо законами, что справедливо и для системы, воспроизводство особенного образа жизни общности в границах обитаемого пространства обеспечивается тем, что в термодинамике называется «начала». Начала — это констатация обобщенного опыта, опыта обитающих в доме людей, порой противоречивого, но очень устойчивого и адаптивного. Совокупность этих «начал», ценностей и символов составляют этос Дома, укорененность в которой и обеспечивает возникновение общности для её разнородных членов, каждый из которых представляет собой систему, обладая самостоянием, т. е. собственной онтологией.

Однако в метафизическом аспекте Дом не уместается в теорию систем, выходит за ее пределы. Метафизические — аксиологические, антропологические, смысловые — «границы» дома определить сложнее, чем границы физические, будь то границы самого здания или границы общности, обитающей в нем (например, семьи). В таком виде Дом превращается в среду обитания, пространство образа жизни, чьи границы перетекают в границы других домов и образов жизни, объединяясь в общую среду города, культуры, человеческого (очеловеченного) пространства. Влияние Дома распространяются как круги Эйлера, затухая по мере удаления от центра, пересекаясь друг с другом, что и создает более сложный уровень системы — среду, элементы которой вступают в резонанс друг с другом.

Но и здесь вполне очевидной пространственной метафоры оказывается недостаточно, чтобы осознать всю сложность феномена «Дом». Дом отличается от города, от любых иных культурных или социальных пространств. Не тем, что он сложнее, не тем, что его структура специфична, хотя это также верно. Он — иной. Пред-

мет, системы, даже среду можно понять, проанализировать в рамках одной онтологии, изменяющейся во времени, но единой. Дом онтологически неоднороден. Общность, способная сказать о себе как о самостоятельном субъекте «Мы», обладает общим пространством со-бытия — Домом, но при этом члены этой общности — такие же субъекты, обладающие самостоянием, то есть своей собственной онтологией. Дом для обитающих вне — отнюдь не только физически ограниченное пространство или формализованные, имеющие те же свои границы отношения. Это нечто объемлющее, целостное, с чем общность, вместе с физическим пространством и всем тем, что это пространство наполняет, материальным и нематериальным, образует целое. Изъятие чего-либо, утрата традиции, уход повзрослевшего ребенка, разрушение старого здания — все воспринимается как невозвратная потеря, разрушающая целое, даже если утраченное вносило диссонан или было источником конфликта. Уходя из дома, человек продолжает дом свой нести в себе, расширяя тем самым его границы до целого мира. Принимая в себя чужака, дом расширяется на еще одну онтологию, расширяя свою онтологическую сферу до всеобъемлющего бытия. Сфера, таким образом, есть наиболее подходящая для обозначения Дома пространственная модель, ибо она же — модель мироздания, бытия, пространства сущего.

П. Слотердайк в своем фундаментальном труде «Сферы» писал, что на протяжении своего существования человек конструирует сферы, ибо жить, строить сферы и мыслить — это тождественные действия. «Жизнь есть нечто, чему присуща форма» — это тезис, который мы связываем с издревле почитаемым философами и геометрами понятием «сфера». Он внушает нам, что жизнь, формирование сфер и мышление суть различные определения для одного и того же» [6, с. 8].

Согласно Слотердайку, сфера представляется пространством сосуществования. Существуют разные уровни сфер, микросферы, возникающие как пространство со-бытия общности, например матери и ребенка, так и макросферы, охватывающие народ, государство. Основная характеристика сферы — связанность внутри сферы всего, что она охватывает, без этой связанности сфера разрушается [6]. Сферы, словно матрешки, вложены друг в друга, но при этом каждая из них — полноценный космос, не «хуже» и не «лучше» того, что одна меньше, другая больше по физическим своим меркам. Сферы равнозначны по своей сложности, самодостаточности и полноте, как голограмма, где каждый элемент — полная ко-

пия целого. Тем не мене, вложенность сфер одна в другую позволяет определять центр, ядро. И Дом — это обоснованное предположение — представляется сферой-ядром. Это противоречит привычной модели гуманитарного знания XX и начала XXI века, в которой центром человеческой вселенной является личность. Но отдельная личность, индивид, лишенный дома, не укорененный в пространстве со-бытия со своими Другими, не обладает самостоянием, целостностью и самодостаточностью ни в биологическом, ни в социальном, ни в онтологическом и гносеологическом измерениях. На роль центральной сферы, базовой онтологической формы может претендовать именно Дом как единство материального, социального, ценностного и смыслового своего наполнения.

Время сферы-Дома — сложное, многоуровневое, неоднаправленное. Движение внутри сферы — от ядра к оболочке, телеологично по своей направленности, но не линейно и не эволюционно. Оно более походит на вихри, стремящиеся от центра к поверхности сферы. При этом движение по обеим траекториям происходит одновременно. Все «обитатели» сферного пространства Дома следуют траектории из дома во внешний мир (взросление, становление, познание, экспансия, экстенсивное развитие и расширение количественное), из внешнего мира назад, к дому (осознание, созидание, сохранение, понимание, интенсивное развитие и усложнение качественное). Покидая дом, человек стремится в него вернуться, обитая в доме, человек стремится освободиться от его границ. Торсионные процессы в сфере — это форма взаимодействия и взаимопонимания Я и Другого внутри домашней общности, где два самостоятельных Я переплетаются, свиваются в со-бытии, удерживаемом общим центром-этосом. Этот вихрь увлекает все пространство дома, вплетает в себя все его части, устремляясь в восхождении к тому, что находится за пределами сферы, что трансцендентно обитаемой сфере Дома.

Движение в сфере не связано с расширением, экспансией, что свойственно любой структуре, стремящейся подчинить себе внешний мир или другие структуры, распространить на них свои правила. Для сферы более характерно интенсивное движение, движение внутреннего делания, связанного с восхождением, преодолением, через познание своих границ и оснований познание Другого, его границ и оснований, признание их, понимание, принятие, при сохранении своего и чужого самостояния, создание общности, общего пространства, общего основания экзистенции, то есть общего этоса

и общего Дома. В пределе это движение есть движение к трансцендентному Другому, самостроительство, обретение своего истинного места, своего Дома не лишь в пространстве, но в духе.

Сфера как онтологическая форма Дом — не изобретение современной мысли. Она в полной мере находит свои истоки в представлениях древних о космосе и о Доме как инварианте космоса, космоса человеческой размерности.

М. Элиаде отмечает, что человек и есть создатель того космоса, в котором он обитает, так же как он обитает в своем доме, в своем теле. [22, с. 335–336]. Космическое пространство и обитаемое пространство в мифах не зря зачастую или идентичны, или подобны, имеют одинаковую структуру и устройство, Дом есть Мир, Мир есть Дом.

Античные мыслители, как показывает в своих исследованиях А. Ф. Лосев, представляют космос в качестве «живого существа, одаренного умом ... <> что этот космос промышленiem Божиим получил бытие как живое существо, одушевленное и поистине одаренное умом ... Тело космоса, таким образом, одушевлено душою и одарено умом, т. е. космос есть живое разумное существо» [23, с. 577]. Но если этот космос — бессмертный, населенный богами и титанами, то человеческий космос — это Дом, дом-ойкос (др.-греч. «место обитания, жилище»). «Ойкос осознается в античной философии как основная материальная единица человеческого бытия. <> Ойкос являлся самостоятельной хозяйственной единицей: он удовлетворял почти всем потребностям домовладыки и его семьи...» [24, с. 341]. Дом-ойкос подобен в своем устройстве полису и космосу в целом, для которых общими являются разум-логос, закон-номос и порядок-таксис. У человека в космическом порядке есть собственное предопределенное ему место, топос, которое и определяет смысл бытия человека. И сам космос для античного мыслителя, как и для человека Античности, — пространство его повседневного бытия.

Для современной философской традиции понимание онтологического статуса Дома представлено в основном в работах феноменологов и экзистенциалистов.

Пространственная модель жизненного мира, локализованного в границах дома, реализуется Э. Гуссерлем (1859–1938) в понятии «всеобщий горизонт», которым и выступает жизненный мир, как для отдельной личности, так и для человека как такового. Этот «горизонт» включает в себя как материальное человеческое и вещное окружение — дом, семью, окружающий мир, город, так и немате-

риальное наполнение, привычные повседневные действия, ценности, убеждения человека [25]. Для Гуссерля «жизненный мир» есть реальное, не абстрактное, порожденное теоретическими выкладками, но данное в непосредственном восприятии пространство, где укоренен человек, где он бытийствует, благодаря чему он способен реализовать познавательную интенцию, стремясь достичь горизонта.

М. Хайдеггер (1889–1976) продолжает античную традицию понимания Дома. Так, в работе «Учение Платона об истине» Хайдеггер рассматривает Дом как посредник между человеком и бытием. Человек осознает свою близость с домом, вживаясь в него, воспринимает его как свой. Процесс «вживания» в место своего бытия Хайдеггер вслед за Платоном называет *παίδεῖα*, приравнивая его к понятию «образование». «Подлинное образование, напротив, захватывает и обращает самую душу в целом, переставляя человека на место, подобающее его существу, и заставляя в нем обживаться» [26, с. 24]. Место бытия человека присуще ему изначально, определяя сам способ его бытия. Это и есть дом человеческого бытия, по Хайдеггеру. Человек в философии Хайдеггера — одинок и потерян, бездомен, заброшен в пугающем, губительном мире [27]. Его спасение — в обретении своего места в этом мире, места своего бытия, своего Дома, который не столько физическое пространство, сколько метафизическое место, где бытие вновь открывается человеку, позволяя снова укорениться в нем, снова обрести свое бытие и самостояние. Обретение самостояния есть обретение собственной онтологии через свое место в мире [28]. Это место изначально присуще человеку, оно, как форма, определяет способ его существования. «Дом обеспечивает основу и защиту, благодаря которым человек становится человеком, то есть культивирует свои телесные и духовные способности. В данном контексте человеческая экзистенция означает переживание своей идентичности с конкретным местом пребывания. А вопрос о месте человека есть, по сути, вопрос и о самом человеке» [29].

Э. Левинас наряду с Хайдеггером видит Дом как просвет в мир. Для Левинаса Дом не столько физическое, сколько символическое пространство, пространство, в котором нуждаются, в котором есть постоянная потребность. Левинас считает, что не человек создает дом, а Дом обосновывает человека, является основанием его бытия [30]. Э. Левинас пишет, что именно благодаря Дому человек учится, как понимать особое свое положение в пространстве, ко-

торое он называет «у себя», место, где происходит встреча с собой. Но при этом обретение себя возможно лишь через встречу с Другим [30, с. 23]. Восприятие дома как места уединения, обособления, отделяющего индивида в его стремлении к одиночеству, к изоляции — дань реакции на тотальность социального, на то, что, утратив субъектность, индивид фактически превратился в объект приложения внешних сил, приравниваясь к объектам материального мира, даже неживой материи. Индивидуализм, концентрация на индивиде, его единичности, уникальности фактически понижает положение человека до числа «один» по модели Мейясу, числа неживой материи. В то время как человек, включенный в общность (и поэтому, по мнению сторонников индивидуализма, лишенный самооценности), может претендовать на число «три», число разума, мысли [31]. Ибо мышление возможно лишь при наличии Другого, способного к мышлению, обладающего собственной онтологией, то есть возможно лишь как свойство общности, но общности, где каждый член обладает своей онтологией. П. Слотердаjk пишет, что мышление возможно только в общности: «Интеллект получает необходимые для собственной деятельности ключевые раздражения лишь от другого интеллекта. Подобно языку и эмоции, интеллект — не субъект, а среда или резонансный контур» [6, с. 275].

Дар гостеприимства, дар открытости Другому, Левинас рассматривает как преодоление изоляции и одиночества индивида, а вместе с этим и возвращение к пониманию Дома не как препятствия на пути к взаимодействию с Другим, но как условие этого взаимодействия, в котором при этом индивиду угрожает не утрата себя, но обретение себя через возможность «жить кем-то» в противовес «жизни для себя» [30, с. 170]. Жить кем-то возможно лишь в Доме. В такой обращенности к Другому Левинас видит реализацию трансцендентности человеческого бытия, ибо в пределе Другой — это трансцендентный Другой. То пространство, место, где возможно со-бытие с трансцендентным Другим, также есть Дом, находящийся в радикально ином пространстве, пространстве трансцендентного. Возможно, это и есть то обретение небес, обретение Дома Божьего, к которому устремлено христианское сознание. Так, Дом божий и Дом человеческий, являясь аналогами, предстают сферами, где Дом человека — центр, ядро, начало пути, а Дом божий — небеса, направление движения восхождения.

Пространство, где разворачивается онтология разумного бытия, — есть ноосфера. Но и сфера «Дом» есть пространство челове-

ческой онтологии. Доместикация пространства, физическое, духовное и интеллектуальное его освоение, очеловечивание мира физического есть ни что иное как длительный, равный по длительности всей истории человечества, процесс формирования ноосферы, которая началась тогда же, когда человек начал создавать ранее не существовавшее в природе место: свой Дом. Глобальная ноосфера оказывается подобна сфере человеческого бытия, Дому, в котором человек возникает и бытийствует как человек, преобразуя материальное, природное через надделение его смыслами и ценностью, возникающими в процессе со-бытия человека и его Других. Дом есть прототип и ядро ноосфер, в пределе ее развития, представленной в работах П. Тейяра де Шардена и В. И. Вернадского.

Тейяр де Шарден видит ноосферу как новую сферу, превосходящую своим уровнем биосферу, но тесно с нею связанную. Он называет ноосферу «мыслящим пластом», новым покровом, располагающимся вне биосферы [32, с. 207]. Вернадский же рассматривает ноосферу двояко: как высшую ступень развития биосферы и как высшую ступень развития общества [33; 34]. Определение ноосферы, которое дает сам Вернадский, — «биосфера, переработанная научной мыслью, подготовлявшаяся шедшим сотнями миллионов, может быть миллиарды, лет процессом, создавшим *Homo sapiens faber...*» [35, с. 40]. Первоначальным действием, ведущим к созданию ноосферы, не однажды в будущем, а в дальнем прошлом человека, и было становление Дома как пространства его физического, духовного и интеллектуального со-бытия с Другими — людьми, природой, животными, бытия, обусловленного общим для них этосом и пространством. «Условие ноосферы — ценностное основание и осознанность мышления и социального действия», пишет В. А. Плотникова [36]. Понимание ноосферы как преобразованной человеческой мыслью материи, при том, что мысль, мышление — это не продукт жизнедеятельности мозга отдельного индивида, это результат объединения человечества, его общности в интеллектуальном усилии, дает возможность провести аналогию между ноосферой и Домом как пространством физического и метафизического обитания человеческой общности, созданного как результат разумного осознанного взаимодействия.

Человек ноосферы — не набор социальных функций, биологических признаков и культурных шаблонов, как представляется современный индивид. Человек ноосферы — целостный субъект, как справедливо отмечает Г. Г. Пантелеева. Человек создает ноосферу

через трансформацию биосферы, и его воздействие на биосферу «определяется ценностно-нагруженной мыслью человечества и целенаправленным трудом. Эти факторы являются ключом управляемой эволюции. Поэтому решение проблемы целостности человека следует искать на пути коэволюции, совместной эволюции человека и мира. По сути, речь идет о сознательном выстраивании ноосферы как направляющего и организующего начала, определяющего ход естественных преобразований в биосфере, одновременно становление целостности человека в эволюционном единстве космоса» [37, с. 126]. Целостность человека здесь обусловлена не только единством физического, духовного и ментального, но и единством его с общностью, с теми Другими, которые становятся Своими, укорененные в общем этосе, становятся Мы, как формулировал М. Бубер в работе «Проблема человека» [38]. Сама общность при этом предстает целостной с другими «авторами» Дома: самим зданием, вещами, животными, а также системой ценностей, образом жизни, памятью, повседневными практиками, всем тем, что слагается в онтологию бытия человека человеком. Человек осуществляет восхождение, и вся сфера его бытия изменяется в акте сознательного сотворения ноосферы [37, с. 126].

Пространство Дома, по словам К. С. Пигрова, — идеальное пространство, где «не действует закон сохранения. Сделанное однажды при потреблении не разрушается, как не разрушаются идеи при их передаче Другому. Поэтому здесь нет жесткой конкуренции, а есть коммуникация, диалог, причем в пределе — вертикальный диалог с трансцендентным. В идеальном пространстве люди не исключают друг друга» [39, с. 81]. Такое понимание Дома позволяет вырваться из утилитаризма современной цивилизации и обрести основание для той идентичности, которая позволит человеку оставаться человеком.

На рубеже XIX–XX веков одиночество и бездомность человека осознавалась в силу разрушения социальных систем, где индивид оставался один на один с обществом, был призван сопротивляться ему, сохраняя в себе субъекта, личность, чтобы не раствориться в массе. На рубеже XX и XXI веков человек утрачивает человеческую среду. Ему предстоит в себе сохранить человеческие черты, отказаться от которых его вынуждает нечеловеческое окружение (от трансгендерной идеологии до цифровых систем и технологической сингулярности, которые ставят человека в такие условия, где он просто физиологически, ментально и психологически не в со-

стоянии выжить). Противостоять этим тенденциям человеку может позволить только равная по мощности основа: Дом как пространство, гораздо более сложное по своей структуре, чем любое иное пространство. Дом — это сфера, со своей онтологией, подобная сфере человеческого обитания — ноосфере. Дом — пространство бытия человека человеком — противопоставлен и в то же время сопряжен с пространством мира — общества, культуры, государства.

Дом как сфера человеческого бытия есть действенное противопоставление экспансионистскому движению, характерному для цивилизаций Запада, направленному на покорение внешних земель и народов, в первую очередь покорения культурного, предельным выражением чего стала идеология глобального мира, с единой социальной, культурной, ценностной, экономической и политической системой, скопированной с некоего установленного образца, результат применения которого — тотальное расчеловечивание, утрата сферы человеческого бытия. Культуре номадов-завоевателей противостоит культура строителей Дома-космоса, Дома-ноосферы, тех, кто обладает самостоянием и готовностью к восхождению, преодолению собственных границ в порыве к пониманию Другого, принятию чужой онтологии, чужого бытия как самостоятельной и самоценной. Кто завоеванию предпочитает домостроительство, очеловечивание общим усилием данной судьбой и природой пространства, принятие предзаданного места, физического и метафизического, мира и бытия, приспособление к нему через строительство Дома-космоса, Дома-сферы, призванного быть сверх-телом, вместилищем духа той общности, которая этот Дом создает и им же создается, границы которого соплагают сферу человеческого бытия со сферой трансцендентного. Поэтому так высока готовность носителей такой культуры сражаться за свою землю, свой дом-мир: потеря своего дома равна утрате себя, полной и безвозвратной утрате собственной онтологии.

Список источников

1. Шелер М. Положение человека в космосе // Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филипова. М.: Гнозис, 1994. С. 129–194.
2. Говорунов А. Философская антропология — возвращение проекта // Международный журнал исследований культуры. 2014. № 2 (15). С. 12–20.
3. Флоренский П. А. Обратная перспектива // Соч. в 2 т. М.: Правда, 1990. Т. 2. С. 43–102.

4. Козырьков В. П. Социокультурные модели дома // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2006. № 1. С. 219–227.
5. Марков Б. В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23–34.
6. Слотердаjk П. Сферы. Микросферология. Том I: Пузыри / пер. с нем. К. В. Лоцевского. СПб.: Наука, 2005. 653 с.
7. Мороз В. В., Рымарович С. Н. Концепт «дом»: историко-философские и культурологические основания // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2014. № 2 (30). С. 59–68.
8. Юнг К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / пер. с англ. А. А. Юдина. М.: Совершенство; Киев: Порт-Рояль, 1997. 384 с.
9. Башляр Г. Земля и грeзы о покое / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2001. 320 с.
10. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы / пер. с нем. и примеч. И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1998. 606 с.
11. Шпенглер О. Закат Европы // Самосознание европейской культуры XX века: мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 23–68.
12. Лотман Ю. М. Дом, в котором не живут // Социум. 1995. № 7. С. 29–34.
13. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос. Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2020. 511 с.
14. Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 149–166.
15. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АС; Харьков: Фолио, 2000. 846 с.
16. Карцева Г. А. Категории «содержание» и «форма»: от античности до Канта // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2012. Вып. 10 (114). С. 247–251.
17. Бенуа А. де. По ту сторону прав человека. В защиту свобод / пер. с франц. С. Денисова. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 144 с.
18. Парсонс Т. О структуре социального действия / пер. И. Бакштейна, Г. Беляевой, Л. Седова, В. Чесноковой. М.: Академический Проект, 2002. 880 с.
19. Берталанфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор // Исследования по общей теории систем : сб. переводов / под ред. В. И. Садовского, Э. Г. Юдина. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.
20. Соколов М. А. Системный подход как исследовательская программа в творчестве Л. Берталанфи // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2022. № 3. С. 5–17.

21. Громов М. Н. О философской семантике архитектуры // Общественная мысль: исследования и публикации. 1990. М.: Наука, 1990. Вып. 2. С. 73.
22. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении. Образы и символы. Священное и мирское : пер. с фр. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
23. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 959 с.
24. Рымарович С. Н. Дом-ойкос, государство-полис и мир-космос: смысловая иерархия бытия в античной культуре // Вестник Томского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Философия, социология и культурология. 2012. Вып. 12 (116). С. 339–343.
25. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / пер. Д. В. Скляднева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 400с.
26. Хайдеггер М. Учение Платона об Истине // Время и бытие : статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 345–361.
27. Хайдеггер М. Основные понятия метафизики // Время и бытие: статьи и выступления : пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 327–345.
28. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие: статьи и выступления : пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 192–221.
29. Рымарович С. Н. Идея дома в философии культуры XX века: основные подходы // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2013. № 2 (26). С. 144–153.
30. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / пер. И. С. Вдовиной // Избранное. Тотальность и Бесконечное. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. С. 66–292.
31. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. 196 с.
32. Тейяр де Шарден П. Феномен человека : сб. очерков и эссе / пер. с франц. М.: АС, 2002. 553 с.
33. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М.: Наука, 1989. 261 с.
34. Шушаков Е. С. Генезис термина «ноосфера» и его использование П. Тейяром де Шарденом и В. И. Вернадским // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение. 2020. Вып. 87. С. 87–105.
35. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1991. 271 с.
36. Плотникова В. А. Три модели эволюционного монизма: Владимир Бехтерев, Эрнст Геккель, Тейяр де Шарден // Общество: философия, история, культура. 2022. № 3. С. 108–112.
37. Пантелеева Г. Г. Целостность человека в свете ноосферной парадигмы // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Философия. Культурология. Политология. Социология. 2014. Т. 27 (66). № 1–2. С. 125–133.
38. Бубер М. Проблема человека // Два образа веры / пер. с нем. под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. М.: Республика, 1995. С. 157–233.

39. Пигров К. С. Россия: дом, остров, океан (к постановке вопроса) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. 2006. Вып. 4. С. 78–82.

References

1. Scheler M. *Polozhenie cheloveka v kosmose. Izbrannye proizvedeniya* [The position of man in space. Selected works]. Per. s nem. A. V. Denezhkina, A. N. Malinkina, A. F. Fillipova. Moscow: Gnozis Publ., 1994. Pp. 129–194. (In Russ.)

2. Govorunov A. Philosophical Anthropology — a Project Revised. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2014. No 2 (15). Pp. 12–20. (In Russ.)

3. Florensky P. A. Reverse perspective. *Soch. v 2 t.* [Op. in 2 volumes]. Moscow: Pravda, 1990. Vol. 2. Pp. 43–102. (In Russ.)

4. Kozyr'kov V. P. [Sociocultural models of the hom]/ *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Social'nyenauki* [Bulletin of Nizhny Novgorod University named after: N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences], 2006, No 1, pp. 219–227. (In Russ.)

5. Markov B. V. [The image of human in the post-anthropological era. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2011, No 2, pp. 23–34. (In Russ.)

6. Sloterdike P. *Sfery. Mikrosferologiya. T. I: Puzyr'iSpheres* [Microspherology. Vol. I: Bubbles]. Translated from German by K. V. Loshchevsky. St. Petersburg: Nauka, 2005. 653 p. (In Russ.)

7. Moroz V. V., Rymarovich S. N. [The concept of “home”: historical, philosophical and cultural foundations/ *Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University], 2014, No 2 (30), pp. 59–68. (In Russ.)

8. Jung K. G. *Dushaimif: shest' arhetipov* [Soul and Myth: Six Archetypes]. Moscow: ZAO «Sovershenstvo»; Kyiv: Port-Royal' Publ., 1997, 384 p. (In Russ.)

9. Bashlyar G. *Zemlya igrezy o pokoe* [Earth and dreams of peace]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnej literatury, 2001, 320 p. (In Russ.)

10. Spengler O. *Zakat Evropy. Ocherkimorfologiiimirovojistorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West. Vol. 2. Perspectives of World History]. Moscow: Mysl' Publ., 1998, 606 p. (In Russ.)

11. Spengler O. The Decline of Europe. *Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka: mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve* [The Decline of the West. Self-awareness of European culture of the twentieth century: Western thinkers and writers on the place of culture in modern society]. Moscow: Politizdat Publ., 1991, pp. 23–68. (In Russ.)

12. Lotman Yu. M. [A home where no one live]. *Socium* [Socium], 1995, No 7, pp. 29–34. (In Russ.)

13. Gachev G. D. *Kosmo-Psiho-Logos. Nacional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos. National images of the world]. Moscow: Akademicheskijproekt Publ., 2020, 511 p. (In Russ.)

14. Florenskij P. A. *Organoproekciya. Russkijkosmizm: antologiya filosofskoj mysli* [Organ projection. Russian cosmism: an anthology of philosophical thought], Moscow: Pedagogika-Press, 1993, pp. 149–166. (In Russ.)

15. Losev A. F. *Istoriya antichnojestetiki. Sofisty. Sokrat. Platon* [History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo ACT»; Kharkiv: Folio Publ., 2000, 846 p. (In Russ.)

16. Karceva G. A. [The categories “content” and “form”: from antiquity to Kan]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: Humanities. Philosophy, sociology and cultural studies], 2012, Iss. 10 (114), pp. 247–251. (In Russ.)

17. Benoist A. de. *Po tu storonu prav cheloveka. V zashchitu svobod* [Beyond human rights. In defense of freedoms]. Moscow: Institut Obshchegumanitarnyh Issledovaniy Publ., 2015, 144 p. (In Russ.)

18. Parsons T. *O structure social'nogo dejstviya* [About the structure of social action]. Moscow: Akademicheskij Proekt Publ., 2002. 880 p. (In Russ.)

19. Bertalanffy L. von. *Obshchaya teoriya sistem: kriticheskij obzor. Issledovaniya po obshchej teorii sistem: sbornik perevodov* [General System Theory: Foundations, Development, Applications. Studies in General Systems Theory: Collection of Translations]. Moscow: Progress Publ., 1969. Pp. 23–82. (In Russ.)

20. Sokolov M. A. Systematic approach as a research program in the works of L. Bertalanffy. *Vesnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Perm State Humanitarian and Pedagogical University]. 2022. No 3. Pp. 5–17. (In Russ.)

21. Gromov M. N. On the philosophical semantics of architecture. *Obshchestvennaya mysl': issledovaniya i publikacii* [Social Thought: Research and Publications]. 1990. Iss. 2. Moscow: Nauka Publ., 1990. P. 73. (In Russ.)

22. Eliade M. *Izbrannye sochineniya: Mifo vechnom vozvrashchenii. Obrazy i simvolyy. Svyashchennoe i mirskoe* [Selected works: The myth of the eternal return. Images and symbols. Sacred and profane]. Moscow: Ladomir Publ., 2000. 414 p. (In Russ.)

23. Losev A. F. *Ocherki antichnogo simvolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Moscow: Mysl' Publ., 1993, 959 p. (In Russ.)

24. Rymarovich S. N. Home-oikos, state-polis and world-space: semantic hierarchy of being in ancient culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Series: Humanities. Philosophy, sociology and cultural studies]. 2012. Iss. 12 (116). Pp. 339–343. (In Russ.)

25. Husserl E. *Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya fenomenologiya* [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. St. Petersburg: Izdatel'stvo «Vladimir Dal'», 2004, 400 p. (In Russ.)

26. Heidegger M. *Uchenie Platona ob Istine. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Plato's Doctrine of Truth. Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. Pp. 345–361. (In Russ.)

27. Heidegger M. *Osnovnye ponyatiya metafiziki. Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Basic concepts of metaphysics. Time and being: articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. Pp. 327–345. (In Russ.)

28. Heidegger M. *Pis'mo o gumanizme. Vremya i bytie : stat'i i vystupleniya* [Letter on Humanism. Time and being : articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., 1993. Pp. 192–221. (In Russ.)

29. Rymarovich S. N. The idea of home in the philosophy of culture of the 20th century: basic approaches. *Uchenye zapiski: elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes: electronic scientific journal of Kursk State University]. 2013. No 2 (26). Pp. 144–153. (In Russ.)

30. Levinas E. *Total'nost' i Beskonechnoe. Izbrannoe* [Totality and Infinity. Selected works]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga Publ., 2000. Pp. 66–292. (In Russ.)

31. Meillassoux Q. *Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Moscow: Kabinetnyjuchenyj Publ., 2015. 196 p. (In Russ.)

32. Teilhard de Chardin P. *Fenomen cheloveka : Sb. Oчерkov i esse* [The Human Phenomenon]. Moscow: OOO «Izdatel'stvo AST», 2002. 553 p. (In Russ.)

33. Vernadskij V. I. *Biosfera i noosfera* [Biosphere and noosphere]. Moscow: NaukaPubl, 1989. 261 p. (In Russ.)

34. Shushakov E. S. Genesis of the term “noosphere” and its use by P. Teilhard de Chardin and V. I. Vernadsky. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya I: Bogoslovie. Filosofiya. Religiovedenie* [Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's Humanitarian University. Series I: Theology. Philosophy. Religious Studies]. 2020. Iss. 87. Pp. 87–105. (In Russ.)

35. Vernadskij V. I. *Nauchnaya mysl' kak planetnoe yavlenie* [Scientific thought as a planetary phenomenon]. Moscow: Nauka Publ., 1991. 271 p. (In Russ.)

36. Plotnikova V. A. Three models of evolutionary monism: Vladimir Bekhterev, Ernst Haeckel, Teilhard de Chardin. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: philosophy, history, culture]. 2022. No 3. Pp. 108–112. (In Russ.)

37. Panteleeva G. G. Human integrity in the light of the noospheric paradigm. *Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Sociologiya* [Scientific notes of the Taurida National University named after. V. I. Vernadsky]. 2014. Vol. 27 (66). No 1–2. Pp. 125–133. (In Russ.)

38. Buber M. *Dva obraza very. Problema cheloveka* [Two Types of Faith. The Knowledge of Man]. Moscow: Respublika Publ., 1995. Pp. 157–232. (In Russ.)

39. Pigrov K. S. Russia: home, island, ocean (to pose the question). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 6* [Bulletin of St. Petersburg University. Series 6]. 2006. Vol. 4. Pp. 78–82. (In Russ.)

Сведения об авторе

Разова Елена Леонидовна, кандидат философских наук, доцент кафедры системного программирования и компьютерной безопасности, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (230023, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22)

Information about the author

Alena L. Razava, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at Department of System Programming and Cyber Security (22, Ozheshko St., Grodno, 230023, Republic of Belarus)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	12.01.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	11.02.2024

Научная статья / Article

УДК 304.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-149>

Советский миф в пространстве культурных коммуникаций

Екатерина Николаевна Шапинская

Российский университет спорта «ГЦОЛИФК», Москва, Россия,
reenash@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0440-3830>

Аннотация. В статье проведен анализ советского прошлого, представленного в пространстве культурных коммуникаций нашего времени. Обращение к данной проблематике является весьма значимым как для понимания процессов, происходящих в современной культуре, так и для более полного представления о коммуникативной составляющей культуры. В то же время тема репрезентаций советского мифа в современном культурологическом знании изучена недостаточно и представлена в основном эмпирическим анализом отдельных текстов без анализа изменений семантики этих текстов в новом социокультурном контексте. В связи с этим представляется важным обратиться к анализу двух форм репрезентации советской эпохи — в культурных текстах советского периода и в ретропродукции на тему «советскости», распространенной в современной культуре. Цель исследования — понять причины популярности в наши дни советской тематики, которая носит двоякий характер — как ретротопии, так и отрицания. Методология исследования является комплексной и включает в себя как анализ теоретического материала, так и casestudy, в котором использованы элементы текстуального анализа. Кроме того, использованы некоторые аспекты компаративистского анализа, которые необходимы, чтобы понять разницу в смысловом наполнении исследуемого текста в разные периоды истории. В теоретической части работы рассмотрены

различные противоречивые концепции мифа, в которых он рассмотрен как универсальное или же как историческое явление.

Эти противоположные точки зрения представлены в работах таких ученых, как американский исследователь мифологии Дж. Кэмпбелл и французский семиолог Р. Барт, разработавший концепцию современного мифа. В качестве кейса выбран советский телевизионный фильм «Большая перемена», популярный как во время своего создания (1972–1973 гг.), так и в наши дни. Обосновано обращение к телевизионному формату как самому популярному и доступному во время создания фильма и не утратившему своего значения до сих пор.

Советские мифологемы подаются в «Большой перемене» в «облегченном» виде, что соответствует жанру комедии. Причем можно заметить изменения в них, соответствующие изменению социокультурного контекста советской культуры 70-х. Особое внимание уделено мифу о рабочем как герое, который в фильме утрачивает пафос и переводится в бытовую сферу. Данное исследование расширяет представления о советском мифе и его репрезентациях, показывая его двойственный характер, сочетающий как исторические, так и универсальные элементы, тем самым внося вклад в современные исследования по культурологии, семиологии и коммуникативистике. Делается вывод о том, что, будучи значимой частью современного социокультурного пространства, советский миф создает чувство стабильности, которое в наши дни подорвано драматическими изменениями во всех областях человеческого существования и которое необходимо для формирования взгляда на будущее.

Ключевые слова: миф, коммуникация, социокультурный контекст, семантика, репрезентация, ретротопия, герой, культурный код

Для цитирования: Шапинская Е. Н. Советский миф в пространстве культурных коммуникаций // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 149–164. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-149>

Soviet Myth in the Space of Cultural Communications

Ekaterina N. Shapinskaya

Russian University of Sport “GTSOLIFK”, Moscow, Russia,
reenash@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0440-3830>

Abstract. *The paper examines Soviet past represented in the space of cultural communications of our time. Addressing this problem is relevant both for understanding processes in contemporary culture and for forming full-fledged ideas of communicative aspect of culture. But the place of representations of Soviet myth in today's cultural research has not been studied in detail and is represented mostly by empirical analysis of text without analyzing the changes in semantics of these texts in new social and cultural context.*

Accordingly, it is important to analyse two forms of representation of Soviet epoch — in cultural texts of Soviet period and in retro productions on Soviet theme which are popular in contemporary culture. The field of research are Soviet myths and the way they are perceived in the context of their time and in our days. The purpose of this investigation is to understand the reasons for popularity of Soviet theme in our days, which has a dual character, both of retrotopia and negation. Methods of research are complex and include both analysis of theoretical material and case study in which elements of textual analysis are used. Besides, certain aspects of comparative method are used, which are necessary to understand the difference in meanings of the text in different historic periods. In theoretic part of the work different contradictory theories of myth are regarded, where it is looked upon as a universal or as a historic phenomenon. These points of view are developed in the work of American mythologist J.Campbell and French semiologist R. Barthes. Soviet TV serial “The Large Change” was selected for case study. The film has been popular since the time of its production (1972–1973). Addressing TV format is explained as the most popular in its own time and still relevant today. Soviet myths are presented in “The Large Change” in a light vein, which corresponds to comedy genre, but one can see changes in them corresponding to the changes of social and cultural context of Soviet culture of the 70-ies. Accent is placed on the Myth of the Worker which loses its pathos in the film and is shifted to the sphere of the everyday. The present paper broadens the ideas about Soviet myth and its representation showing its dual character — it combines historic and universal elements, it includes historic and universal elements — and thus contributes to contemporary research in culture, semiotics and communication. Conclusion is made that being an important part of contemporary social and cultural space it creates the feeling of stability which is undermined by dramatic changes in all fields of human existence and which is necessary for forming the outlook of the future.

Keywords: *myth, communication, social and cultural context, semantics, representation, retrotopia, hero, cultural code*

For citation: Shapinskaya E. N. Soviet Myth in the Space of Cultural Communications. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2024; 1: 149–164. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-149>

Введение. Культурные коммуникации являются важнейшей частью сложной гетерогенной культурной реальности, которая в наше время приобретает все более полисемантический характер. Несмотря на многочисленные исследования современных культурных коммуникаций, в этой области существуют еще значительные пробелы, в частности в понимании роли мифа в современных культурных коммуникациях. Данное исследование представляет собой новый шаг в исследовании советского мифа как исторического и в то же время универсального явления, как примера изменения семантики культурного текста при перемещении его в иной социокультурный контекст. Цель данного исследования — выя-

вить причины популярности репрезентаций советского мифа в наши дни, которые носят двоякий характер — как ретротопии, так и отрицания.

Методы исследования, теоретическая база. Методология исследования является комплексной и включает в себя как анализ теоретического материала, так и casestudy, в котором использованы элементы текстуального анализа. Кроме того, использованы некоторые аспекты компаративистского анализа, которые необходимы, чтобы понять разницу в смысловом наполнении исследуемого текста в разные периоды истории. В концептуализации культурной реальности мы следуем за предложенным В. М. Розиным определением, в котором подчеркивается ее плюралистический характер: «Одни культурные реальности отличаются от других: типами событий, своеобразной логикой, условностью. По отношению к культуре это определенные области жизнедеятельности, по отношению к человеку — формы и способы его жизни» [1, с. 333]. Культурные коммуникации и культурная реальность рассматриваются как две стороны одного целого, что соответствует динамическим изменениям в культуре и высокой степени коммуникативности процесса восприятия текстов культуры, который во многом определяет их семантику.

Теоретической базой данного исследования являются ставшие классическими труды по мифологии, архаической и современной, а также работы, посвященные исследованию разных сторон пост- и постпостмодернизма. В (пост)современной культуре плюрализм культурной реальности во многом обусловлен процессами фрагментирования, характерными для постмодернизма, который оказал значительное влияние на культуру в целом и, на наш взгляд, не преодолен до сих пор, несмотря на утверждения представителей различных направлений постпостмодернизма. На основании исследования различных течений постпостмодернизма исследователи приходят к выводу о том, что «постмодернизм можно считать одним из самых удачных языков описания популярной культуры, актуальным до сих пор» [2, с. 511]. Этот вывод подтверждают культурные практики наших дней, в которых постмодернистское фрагментирование культуры выражается в соседстве совершенно разнородных культурных стилей, эпох, эстетических и ценностных установок в том или ином культурном пространстве. Мы не раз обращались к одному из таких фрагментов культуры, который обозначили как «советское ретро», представленному в различных культурных формах — от ситискейпа до медийной продукции [3; 4].

Результаты исследования и их обсуждение. Советское прошлое представлено сегодня как амбивалентное пространство, в котором соседствуют ретротопия и демифологизация, идеализация и отрицание. Многочисленные медиатексты репрезентируют разные стороны советского прошлого, иногда с ностальгией, иногда с пафосом разоблачения. Для примера можно привести телесериалы «Рассекреченная история», «Следствие вели...», «СССР знак качества», «Эстрада, которую нельзя забыть». Каков бы ни был их формат, эти тексты имеют коммуникативную природу, поскольку их смыслы возникают в процессе обмена между коммуникаторами и коммуникантами и зависят как от общей установки, так и культурного и исторического опыта участников коммуникативного процесса. Мы сознаем, что само выражение «советское прошлое» является в большой степени условностью — советский период неоднороден, на разных его этапах преобладали различные установки, задачи и лозунги. Тем не менее для наших современников, особенно тех, кто не застал реальной жизни в Стране Советов, оно предстает как некая целостность, в которой переплетаются различные аспекты социокультурной реальности тех лет. Учитывая утрату чувства истории, ставшую особенно заметной во времена постмодернизма, не удивительно, что разные «микрופериоды» советской жизни составляют некое условное социокультурное пространство, которое можно характеризовать словом «советскость».

Наши предыдущие исследования привели к выводу, что в какой форме бы ни было представлено советское прошлое, мы всегда имеем дело не столько с конкретными фактами, сколько с мифологией, которая представляет эту эпоху в идеализированном или «демонизированном» виде. Советская культурная реальность сама по себе была пространством мифологии, сформированной под влиянием идеологических требований и установок, а пропущенная через призму времени, она обрела новую жизнь и новые смыслы. В этой связи возникает вопрос о темпоральной обусловленности мифа как такового, и ответы на этот вопрос весьма противоречивы. Так, видный исследователь мифа Дж. Кэмбелл утверждает, что мифы по своей природе не историчны, поскольку «...говорят не о событиях внешнего мира, а о сущностях воображения... Мифы говорят о фундаментальных темах, вечных базовых принципах, которые стоило бы познать» [5, с. 40]. Противоположную точку зрения выражает Р. Барт: «...мифические понятия не обладают никакой устойчивостью: они могут создаваться, искажаться, распадаться, полностью исчезать. Именно потому, что они историчны, исто-

рия очень легко может их уничтожить» [6, с. 245]. Столь противоположные точки зрения можно объяснить полисемантической самого понятия «миф». Если Кэмбелл придерживается традиционного понятия мифа, уходящего в глубокие пласты архаики, то Барт вводит и анализирует понятие современной мифологии (вернее, мифологий), возникшей в эпоху модерна и потребительского общества. Французский семиолог подчеркивает коммуникативную природу мифа в своем утверждении «Миф — это слово», это сообщение, которое может иметь различную форму — «не только письменный дискурс, но и фотография, кино, репортаж, спорт, спектакли, реклама... любая значимая единица или образование, будь то вербальное или визуальное... даже сами вещи могут стать речью, если они что-нибудь значат» [6, с. 234]. Тем не менее позиция Кэмбелла не столь однозначна. Он отмечает двойственную природу мифических форм, которые сочетают в себе универсализм и темпоральную соотнесенность: «Мифические формы можно рассматривать либо как указывающие вовне на загадки всеобщей значимости, либо как функции сугубо ограниченных — этнических и даже личных — особенностей» [7, с. 23]. Эта двойственность служит ключом к пониманию мифов в различных формах культуры: в них «...всеобщие категории никогда не переживаются в чистом виде, вне обусловленных локальными обстоятельствами... проявлений» [7, с. 25].

Говоря о советском мифе, можно подумать, что он полностью соответствует постулату об историчности мифа, но в этом случае возникает вопрос об актуализации советского прошлого в наши дни: если безвозвратно ушедшая в прошлое «страна, которой нет» до сих пор представляет свои мифы в самых разных формах, значит ли это возвращение прошлого в форме исторической реконструкции или же в ее мифах содержатся те самые фундаментальные основания, о которых пишет Дж. Кэмбелл? Для ответа на этот вопрос обратимся к репрезентациям «советского прошлого» в различных формах культурной реальности наших дней, которые можно условно разделить на две категории: культурные тексты, созданные в советское время, то есть самопрезентация «советскости», и советское ретро, то есть взгляд из настоящего на прошлое. Когда наш современник вступает в коммуникацию с историческим прошлым, оно изменяет свою семантику, как и любой исторический текст или артефакт, помещенный в иной темпоральный и социокультурный контекст. Текст, созданный в ушедшую эпоху, будь она давно прошедшей или сравнительно близкой, основан на культурных кодах, отличных от сегодняшних. Это или затрудняет коммуни-

кацию, или изменяет смысл этого текста, «переводя» его на современный язык. В случае ретро о прошлом говорится на сегодняшнем языке, что как бы приближает это прошлое к современной культурной реальности. Все «приметы времени», которые используются в ретро-репрезентациях, бывают тщательно выверены, вплоть до использования реальных вещей того или иного периода (артефакты, костюмы, стили, элементы городской среды). Этот список, призванный придать аутентичность различным формам советского ретро, можно расширять и продолжать, но, как утверждает столь авторитетный исследователь, как Ф. Джеймисон, «...это не список фактов или исторических реальностей, а скорее список стереотипов, представлений о фактах и исторических реальностях» [8, с. 279]. В случае восприятия как аутентичного текста эпохи, так и ее современной репрезентации возникает вопрос о разнице восприятия прошлого его современниками и людьми последующих поколений. Советский миф присутствовал как в культурных текстах своей эпохи, так и в ретрорепрезентациях, причем, несмотря на его «историчность», он не утерял многое из своей значимости в наши дни. Область коммуникации с советской мифологией представлена потреблением артефактов советского времени или созданных на их основе симулякров, фото- и кинотекстов, распространяющихся сегодня на различных медиапространствах. Некоторые из этих текстов доступны в первоначальном виде, некоторые модифицированы с помощью новых технологий (цветные варианты черно-белых фильмов, оцифровка кинолент). Насколько это способствует улучшению коммуникации сегодняшнего зрителя с историческим, пусть и недавним, прошлым — вопрос спорный. Интернет дал возможность введения в современную культурную реальность самых разных текстов советского прошлого, от семейных фотографий до пропагандистских плакатов, что позволяет познакомиться с самыми разными документальными свидетельствами и формами репрезентации в аутентичном виде. Приводит ли это к демифологизации советского прошлого, уничтожению мифа документированной реальностью? Наш анализ различных форм презентации советской символики и использования артефактов прошлого говорит о том, что миф продолжает жить и быть востребованным в форме ретротопии [9]. Продолжая это исследование, обратимся к изменениям семантики советского мифа в различные периоды нашего недавнего прошлого и его трансформации сегодня.

Одним из самых значительных пространств репрезентации советской мифологии является, без сомнения, кинематограф. В наши

дни, когда поиски идентичности, смена ценностных приоритетов становятся особенно важными, обращение к советскому прошлому становится важным как для личности, так и для общества в целом. Недаром мы так часто видим советские фильмы на телеэкранах и в кинотеатрах. Кинематограф был важнейшей формой идеологического влияния на массового зрителя, который с удовольствием потреблял упакованные в почти голливудский гламур мифы о всеобщем равенстве, дружбе народов, героизме рабочего класса, во главе которых стояла фигура мудрого Вождя или демиургический образ партии. Со временем эти мифы облекались в новые одежды, их героями становились не героические рабочие, прекрасные колхозницы, мудрые партийные чиновники, а самодостаточные женщины, служащие и интеллигенты, руководители нового типа. Пафос строителей коммунизма сменился вниманием к частной жизни, героизм борьбы — иронией. Но миф продолжал жить, хотя и в измененной форме. Экранные тексты, созданные в период оттепели, отличаются от предыдущих, намеренно уходя от героизации коллективизма. Кроме того, с распространением телевидения популярность все больше переходит от «больших» киножанров к телевизионной продукции, которая становится наиболее востребованным пространством потребления экранных текстов. Телевидение становится основным видом массмедиа в середине XX века, соответствует задачам влияния на массовое сознание и отражает культурную динамику, не отказываясь, в то же время от значимых мифов, облеченных в форму, соответствующую культурному коду своего времени. «Послание телевидения составляют не образы, которые оно передает, — пишет Ж. Бодрийяр, — а новые способы отношений и восприятия, навязанные им, изменение традиционных структур семьи и группы» [10, с. 160]. В советском обществе, которое прошло эпоху оттепели, тексты популярной культуры не отказались от старых мифологем, но форма их презентации изменилась. В качестве кейса рассмотрим один из популярных как в свое время, так и сегодня телефильмов с точки зрения содержащихся в нем мифов и их означивания различными поколениями зрителей. Это советский четырехсерийный телевизионный фильм «Большая перемена», снятый режиссером А. Корневым в 1972–1973 г. Несомненно, культурные коды того времени и нашей (пост)современности совершенно различны, тем не менее и сегодня фильм смотрят с удовольствием. В чем причина этого интереса? Что говорит история учителя вечерней школы рабочей молодежи и его учеников сегодняшнему зрителю?

лю, весьма далекому от этих реалий? Является ли это формой удовольствия от «старого доброго советского кино» или же в нем присутствуют некоторые «фундаментальные основания», о которых писал Дж. Кэмбелл? На наш взгляд, фильм этот представляет интерес с нескольких точек зрения, как по причине содержащихся в нем советских мифологем, так и формы их репрезентации в «приземленной» форме комедии, перекодирования ряда событий и символов и смены акцентов в представлении архетипических персонажей, что позволяет нам провести различие между универсальным и темпоральным элементом мифических структур. «Легковесность» жанра комедии может быть объяснена двояко. С одной стороны, он позволяет установить доверительные отношения с коммуникантами, то есть со зрителями, которые легче воспринимают ситуации повседневности, которая приобретает все большее значение в жизни человека. С другой — «приземленность» фильма говорит о том, что эпоха героики закончилась, что означает и трансформацию советских мифов и символов, что необходимо для соответствия кодов коммуникатора и коммуниканта.

Одним из важнейших мифов советского времени стал миф о рабочем классе как гегемоне, как движущей силе истории, который был представлен в самых разных формах репрезентации. Поскольку мы говорим об экранных текстах, нетрудно найти примеры масштабных фильмов-эпопей, воплощающих героику труда, освоения новых пространств, коллективизма, господствующего над ценностями частной жизни. Как показывают исследователи культуры, героизация Рабочего не была исключительной привилегией советской эпохи. «В межвоенное время... вырос Рабочий, герой модерна», — пишет немецкий философ и социолог П. Козловски [11, с. 32]. Рабочий определяется им как «человек, который приносит в жертву воле к власти и себя и свои чувства» [11, с. 61]. Героизм Рабочего определяется как «средство выдержать боль», и именно преодоление, жертвенность ради общего дела становятся основными чертами экранных образов представителей рабочего класса советских фильмов середины прошлого столетия. В «Большой перемене» рабочий класс занимает значительное место, хотя героем фильма стал интеллигент, учитель истории, которому предстоит работать в школе рабочей молодежи. Здесь уже заметен сдвиг в акцентах в репрезентации различных социальных слоев — рабочая молодежь уже не занимает субъектные позиции, а становится объектом воспитания рабочего нового типа, который должен не только

и не столько проявлять героизм, сколько быть образованным человеком, соответствующим новым требованиям к производству и новым технологиям. Тем не менее мифологические черты сохраняются, в частности представление о коллективном начале рабочего класса. Это обнаруживается в сцене первого знакомства Нестора Северова со своими учениками, когда они хором поют песню, в которой припевом идут слова: «А я всего один из нас, меня зовут рабочий класс». По ходу фильма этот коллектив индивидуализируется, в нем появляются разные типажи, в большей или меньшей степени соответствующие мифологическому образу Героя. Место действия многих сцен фильма — завод, на котором работает большинство учеников 9 «А» класса, по сюжету — химкомбинат, съемки производились на двух ярославских заводах, что подчеркивает «документальность» главного занятия персонажей — работу на промышленном предприятии, которая требует все больших знаний. Именно на воспитание нового типа Рабочего, обладающего знаниями, сравнимыми со знаниями инженера, и направлена деятельность школ рабочей молодежи. Не чужды персонажам фильма и геройские поступки. Так, Григорий Ганжа, не отличающийся успехами в школе, показывает себя как настоящий герой производства, ликвидирующий аварию, не жалея себя, в результате чего получает ожог руки. Но сам он отрицает необходимую для Героя жертвенность, объясняя свою травму тем, что вытаскивал из кипятка картошку, потому что очень хотел есть. Что мы видим в этом эпизоде — иронию в отношении идеалов героизма, намеренное принижение Героя или перевод всего пласта мифологии Рабочего-героя в область обыденного? Согласно теории Козловски, «в модерне героическая жертва приносится ради мобилизации всеобщего, универсального характера труда человека и технического пространства» [11, с. 62]. Ганжа из «Большой перемены» своим спонтанным поступком исправляет недосмотр технологов, а весь эпизод становится своеобразным отрицанием Героем своей жертвы, которую он намеренно переводит в пласт повседневности.

Но героизм, сознательный и жертвенный, находит свое место в фильме, причем его воплощает не Рабочий на производстве, а скромный интеллигент в стремлении выполнить свою миссию — помочь своим ученикам получить образование, даже весьма неортодоксальными средствами. Имеется в виду эпизод вынужденного спасения не умеющего плавать Северова, который бросается в воду, чтобы дать возможность проявить себя с хорошей стороны ра-

бочему Петрыкину, который сам говорит, что в нем нет ничего хорошего. Таким образом, Петрыкин становится героем поневоле, а вынудивший его броситься в воду Северов скромно остается в стороне. В другом эпизоде учитель настаивает, чтобы его кровь перелили рабочему-рационализатору и его сопернику в любви, опять-таки против желания последнего, который очень раздражен этой «жертвой» учителя. Еще в одном эпизоде фильма Северов берет на себя роль вратаря местной футбольной команды, заменяя собой своего ученика, которого отсылает готовиться к занятиям, причем ему удается буквально броситься на мяч, заслонив собой ворота, и отбить нападение. Все эти сюжетные повороты фильма свидетельствуют не столько о реверсии образа Героя, роль которого переходит от Рабочего к интеллигенту, сколько об исторической обусловленности рабочего как Героя. В фильме это показано с иронией и комизмом, но через наивность и юмор можно увидеть смену приоритетов эпохи, о которой писали исследователи современного мифа. Согласно П. Козловски, в истории XX века можно наблюдать «последовательную смену трех мифических типов, или героев» [11, с. 32], среди которых Рабочий занимает центральное место, которое постепенно утрачивается, вернее, трансформируется при помощи образования в фигуру нового типа, сочетающего черты рабочего и интеллигента. Именно на такую трансформацию и направлен идеологический посыл фильма, утверждающий необходимость образования для рабочего класса. Через форму незамысловатой и наивной комедии аудитории передается мысль о важности школ рабочей молодежи. Несмотря на историческую обусловленность идеи о необходимости повышения уровня образования рабочих, что было весьма актуально в годы создания фильма, время прихода новых технологий на производство, образ героя несет на себе все мифологические черты архетипичного образа. Он проходит все стадии становления Героя, от сепаративной до конечной, на которой, в отличие от архаичных мифов, он оказывается победителем и «возвращается домой», обретая успех в своем деле и счастливую любовь. Как и положено Герою, Нестор Северов оказывается вне своего обычного мира (институт, книги, перспектива научной карьеры) и погружается в незнакомый ему мир рабочей молодежи, которая шумной толпой заполняет класс и принимает его за нового ученика. Затем происходит необходимая инициация (встреча со своими учениками, которые зачастую старше его и обладают большим жизненным опытом), различные испытания, которые он преодолевает, проявив ге-

роизм и жертвенность, а наградой ему становятся как признание со стороны своих учеников, так и победа в любви, которая тоже прошла испытания и казалась утраченной. Таким образом, в «Большой перемене» присутствуют оба аспекта мифа о герое — его локальный характер представлен дополнением образа Рабочего новым типом Героя-интеллекта, несущего в себе идею необходимости просвещения, а универсальный — структурами нарратива, в котором представлен весь путь архетипического образа.

Образ Рабочего — не единственный советский миф, присутствующий в «Большой перемене». Одной из важнейших идей советского времени было представление о дружбе народов Советского Союза, которое можно видеть в самых разных формах репрезентации, от культового фильма «Свинарка и пастух» до знаменитого фонтана «Дружба народов» на ВДНХ. Один из персонажей «Большой перемены», ученик вечерней школы Отто Фукин отвечает на вопрос учителя на украинском языке, а когда его просят говорить «на родном языке», отвечает, что для него оба языка родные, поскольку отец украинец, а мать русская. По ходу фильма он нередко переключается на украинский, особенно когда речь идет о выражении эмоций. Так, когда Северов засыпает на уроке и во сне называет имя любимой девушки, Фукин с улыбкой говорит, что, видимо, эта Полина — «гарна дивчина». Этот билингвизм воспринимается окружающими совершенно нормально, в духе постулируемого единства и дружбы народов. Время показало неустойчивость этой мифологемы перед историей, которая не только развела по разным географическим пространствам народы бывшего СССР, но и сделала язык средством выражения неприятия и враждебности. Миф о единстве обернулся своей противоположностью, причем в стремлении к утверждению собственной идентичности бывшие советские республики пользуются языком как средством отмежевания от бывшего «единого» пространства, в котором язык становится маркером «своих» или «чужих» в культуре. Двужычие персонажа фильма — отсылка к определенному периоду, в котором миф о дружбе народов активно поддерживался всеми формами репрезентации, которые сейчас могут вызвать лишь ироническую улыбку или непонимание.

Еще одним из советских мифов, представленных в «Большой перемене» является миф о социальном равенстве. Согласно классовой теории, на которой была основана советская идеология, господствующий рабочий класс вместе с трудовым крестьянством были

основными движущими силами общества, в то время как интеллигенции отводилась роль «прослойки». Все эти составляющие социокультурной жизни были в идеале равны, что выражалось в различных формах репрезентации, от монументальной скульптуры «Рабочий и колхозница» до многочисленных кинотекстов, рассказывающих о союзе рабочего класса и крестьянства. Культурная динамика послевоенных лет «реабilitирует» образ интеллигента, который в довоенных лентах часто представал как отрицательный или комический персонаж. Возможность гармонии и единства ставится под вопрос, как это показано в культовом фильме «Весна на Заречной улице», в котором возможность отношений учительницы и влюбленного в нее рабочего остаются в финале фильма под вопросом. В «Большой перемене» возможность союза различных социальных групп представлена любовным «многоугольником», в котором фигурируют как представители рабочего класса — влюбленная в Северова Нелли Леднева и передовик производства Ваня Федоскин, влюбленный в Полину, девушку, в которую влюблен Северов и которая стала его удачной соперницей при поступлении в аспирантуру. После многочисленных ошибок и непониманий, типичных для жанра комедии, влюбленные Нестор и Полина, у которых много общего, соединяются, а Нелли утешается предложенной учителем дружбой. Впрочем, она и сама понимает обреченность своей любви, которую выражает в ставшей популярной песне «Мы выбираем, нас выбирают — как это часто не совпадает». Вопрос о возможности любви между представителями разных миров стоит и в основе отношений другой влюбленной пары — рабочего Григория Ганжи, ученика вечерней школы, и его жены Светланы Афанасьевны, учительницы литературы, которые долго скрывают свои отношения, но в результате окружающие узнают о них. Их семейная жизнь как бы продолжает историю «Весны на Заречной улице» в том случае, если бы она закончилась союзом героев. Несмотря на взаимную любовь, пара постоянно ссорится из-за отсутствия интереса к учению у весельчака Ганжи, который считает, что его успехи на производстве и увлечения (футбол, игра на гитаре) вполне достаточны для полноценной жизни. Жена не может смириться с постоянными прогулами, опозданиями и плохими оценками. Тем не менее, пережив ссоры и даже расставание, пара мирится в соответствии с мифом о преодолевающей все препятствия любви.

Рассмотрев некоторые мифы, встроенные в контекст легкого жанра комедии, можно попытаться найти ответ на вопрос о его

коммуникативной природе: что «говорил» фильм своим современникам и что он «говорит» людям нашего времени? И в том и в другом случае за мифологическими построениями лежит некая социокультурная реальность, которую мы условно назовем советской. О ней можно было судить и поколениям 70-х, и нашим современникам, хотя эти суждения, несомненно, будут различаться. История школьного учителя Нестора Северова и его учеников — молодых рабочих, несмотря на все содержащиеся в ней мифологемы или благодаря им, читается как история своего времени. «То, какие истории рассказывает общество, оказывается... решающим для его оценки» [11, с. 207]. В восприятии сегодняшнего зрителя — это самопрезентация эпохи, которая, хоть и не совпадает с тем, какой она видится на расстоянии в полвека, но «...во многом основана на ее телепрограммах... и весьма релевантна и составляет важную часть более объективных дефиниций или описаний» [8, с. 281]. Можно спорить о том, насколько вообще возможна объективная оценка текстов прошлого, поскольку она варьируется в зависимости от поколения, культурного опыта и идеологической позиции аудитории. Но эти тексты являются важным фактором в культурной коммуникации между различными эпохами. Это отличает их от ретропродукции, где коммуникация осуществляется по горизонтали, а знаки приведены в соответствие с новым культурным кодом.

Вернемся к вопросу о характере мифа, о его историчности или, напротив, универсальности, который мы поставили в начале статьи. Советские мифы, казалось бы, ушли в прошлое, существуя в форме артефактов и культурных текстов, которые могут вызывать как ностальгию, так и полное неприятие. Возникает вопрос о том, каким становится сегодняшнее восприятие исторически обусловленных мифологем советского периода — не превращаются ли они в сказку о некоей волшебной стране? Проводя различие между мифом и сказкой, М. Гаспаров в своей популярной книге «Занимательная Греция» пишет: «Одни сказки рассказывают и верят, что оно так и было, — это мифы. Другие — рассказывают и знают, что все это придумано, а на самом деле такого не бывает; это сказка в полном смысле слова. Мифы могут превращаться в сказки» [12, с. 65]. Исследуя античную культуру, Гаспаров приходит к выводу, что на определенном этапе люди утратили веру в истинность древних мифов и стали воспринимать их иносказательно. И сегодня никто не относится серьезно к историям, рассказанным в советских романах про передовиков производства или в фильмах на ту же тему, ушла в

прошлое идея братских народов СССР, процветающих под руководством компартии. Но наряду с этими исторически детерминированными мифологемами в советских культурных текстах неизменно присутствуют универсальные сюжеты о героизме, верности и любви, которые преодолевают исторические рамки и обращаются к нашему современнику с подкупающей искренностью, отсутствующей в ретропродукции.

Заключение. Мифы прошлого зачаровывают, и в этом смысле советские мифы — не исключение. Особенно это заметно в наше время, когда рушатся многие представления и ценности, меняются пространства, как географические, так и социокультурные, когда будущее неопределенно и не содержит так необходимой человеку программы, а технологии развиваются так быстро, что ставят вопрос о существовании человека как такового. На основании проведенного исследования можно сделать вывод о том, что советское прошлое предстает в «постреальности» как островок стабильности, пусть и мифический. «Мифология, — пишет в заключении своей книги Р. Барт, — несомненно, есть способ быть в согласии с миром — не с тем, каков он есть, а с тем, каким он хочет себя сделать» [6, с. 284]. Именно это стремление найти опору в прошлом для того, чтобы возродить веру в будущее, и является одной из главных причин обращения наших современников к мифам советского прошлого.

Список источников

1. Розин В. М. Гуманитарные и нарратологические исследования. Концепции нарратив-семиотики. М.: ГОЛОС, 2022. 348 с.
2. Павлов А. В. Постпостмодернизм. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 560 с.
3. Шапинская Е. Н. Советское ретро в нарратологии цифровой эпохи // Ярославский педагогический вестник. 2022. № 1 (124). С. 202–209.
4. Шапинская Е. Н. Ретротопия в (пост)современной массовой культуре // Культурный код. 2022. № 3. С. 49–62.
5. Кэмбелл Дж. Мифы для жизни. СПб.: Питер, 2019. 384 с.
6. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1996. 314 с.
7. Кэмбелл Дж. Мифический образ. М.: АСТ, 2004. 683 с.
8. Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. L.; N. Y.: Verso, 1995. 438 с.
9. Шапинская Е. Н. Символика ретротопии в (пост)современной массовой культуре: новая жизнь советского мифа // Вестник культурологии. 2023. № 2 (105). С. 245–259.
10. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М.: Республика, 2006. 269 с.
11. Козловски П. Миф о модерне. М.: Республика, 2002. 239 с.

12. Гаспаров М. Л. Занимательная Греция. Рассказы о древнегреческой культуре. СПб.: АЗБУКА, 2022. 544 с.

References

1. Rozin V. M. *Gumanitarnyye i narratopogicheskiye issledovaniya* [Humanities and Narratological Studies]. Moscow: GOLOS, 2022. 348 p. (In Russ.)
2. Pavlov A. V. *Postposmodernism* [Postpostmodernism]. Moscow: "Delo" RANHiGS, 2019. 560 p. (In Russ.)
3. Shapinskaya E. N. Soviet Retro in narratology of Digital Era. *Yaroslavskij pedagogicheskiy vestnik* [Yaroslavl Pedagogic Bulletin]. 2022. No 1 (124). Pp. 202–209 (In Russ.)
4. Shapinskaya E. N. Retrotopiain (post)modernmassculture. *Kul'turnyj kod* [Cultural Code]. 2022. Pp. 49–62 (In Russ.)
5. Campbell J. *Mify dlya zhizni* [Myths for life]. St. Petersburg: St. Petersburg, 2019. 384 p. (In Russ.)
6. Bart R. *Mifologiyi* [Mythologues]. Moscow: Izdatelstvo imeni Sabashnikovyh, 1996. 314 p. (In Russ.)
7. Cambell J. *Mificheskiy obraz* [Mythic Image]. Moscow: Izdatelstvo AST, 2004. 683 p. (In Russ.)
8. Jameson F. *Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism*. L.; N. Y.: Verso, 1995. 438 с.
9. Shapinskaya E. N. The symbolism of retrotopia in (post)Modern Popular culture: the New Life of the Soviet Myth. *Vestnik kulturologiyi* [Bulletin of Cultural Studies]. 2023. No 2 (105). Pp. 245–259. (In Russ.)
10. Bodrillard J. *Obshchestvo potrebleniya* [La societe de consummation]. Moscow: Respublica, 2006. 269 p. (In Russ.)
11. Kozlovsky P. *Mif o modern* [Der Mythos der moderne]. Moscow: Respublica, 2002. 239 p. (In Russ.)
12. Gasparov M. L. *Zanimatel'naya Gretsija* [Entertaining Greece]. Saint-Petersburg, AZBUKA, 2022. 544 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Шапинская Екатерина Николаевна, доктор философских наук, профессор, Российский университет спорта «ГЦОЛИФК» (105122, Россия, Москва, Сиреневый бульвар, 4)

Information about the author

Ekaterina N. Shapinskaya, Doctor of Philosophy, Professor, Russian University of Sport "GTSOLIFK" (4, Sirenevy boulevard, Moscow, 105122, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	17.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	02.12.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	23.01.2024

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 378.4

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-165>

Обучение адаптации текста в процессе внутриязыкового и межъязыкового перевода¹

Лариса Матвеевна Орбодоева¹, Вера Баировна Самбуева²,
Ярослава Вячеславовна Тараскина³

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Улан-Удэ, Россия,

¹orbodoevalm@bsu.ru, <http://orcid.org/0000-0001-9654-1773>

²verasam@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2501-114X>

³jarat@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4879-544X>

Аннотация. Актуальность настоящего исследования обусловлена ролью внутриязыкового перевода в процессе подготовки будущих переводчиков, который позволяет формировать профессиональные компетенции студентов, связанные с умениями интерпретировать смысл исходного текста в кодах одной языковой системы. Внутриязыковой или интравербальный перевод используется в лингвистическом или образовательном контексте с целью уточнения, объяснения или полного понимания текста.

© Орбодоева Л. М., Самбуева В. Б., Тараскина Я. В., 2024

¹ Материал публикуется в рамках XVI Международной научной конференции «Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога», 29–30 ноября 2023 года, г. Сыктывкар.

В данной статье рассматривается адаптация текста как один из видов внутриязыкового перевода. Адаптация текста представляет собой преобразование формы и содержания исходного текста с сохранением смысла в соответствии с потребностями реципиента / аудитории. Целью проведенного исследования является методическое обоснование поэтапного формирования навыков и развитие умений адаптации иноязычного текста во внутриязыковом и межъязыковом переводе с помощью комплекса специальных заданий и упражнений. Методологической основой исследования послужили идеи из трудов по теории и практике перевода, дидактики переводческой деятельности, а также лингвистические положения адаптации текста.

Авторы статьи разрабатывают комплекс заданий и упражнений, опираясь на способы адаптации иноязычного текста на семантическом, структурном и прагматическом уровнях. При этом авторы придерживаются идеи последовательного развития умений адаптации иноязычного текста у студентов языкового вуза в процессе изучения иностранного языка на начальных этапах с последующим применением прагматической адаптации текста в межъязыковом переводе в рамках изучения профессионально-ориентированных дисциплин на старшем этапе.

В ходе исследования были использованы методы теоретического обобщения (анализ научных работ, посвященных проблемам внутриязыкового и межъязыкового перевода, дидактики переводческой деятельности, а также анализ нормативного-образовательных документов) и эмпирические методы наблюдения, анализа и обобщения педагогического опыта работы в языковом вузе.

Ключевые слова: лингвистическое образование, дидактика перевода, межъязыковой перевод, внутриязыковой перевод, переводческие компетенции, адаптация, способы адаптации, комплекс заданий и упражнений

Для цитирования: Орбодоева Л. М., Самбуева В. Б., Тараскина Я. В. Обучение адаптации текста в процессе внутриязыкового и межъязыкового перевода // Человек. Культура. Образование. 2024. № 1. С. 165–179. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-165>

Text Adaptation Teaching in the Process of Intra- and Interlanguage Translation

Larisa M. Orbodoeva¹, Vera B. Sambueva², Jaroslava V. Taraskina³

Buryat State University, Ulan-Ude, Russia,

¹orbodoevalm@bsu.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0001-9654-1773>

²verasam@mail.ru, <https://orcid.org/ORCID:0000-0002-2501-114X>

³jarat@mail.ru, <http://orcid.org/ORCID:0000-0003-4879-544X>

Abstract. *The relevance of this study is due to the role of intra-language translation in the preparation of future translators, which allows you to form professional competencies of students related to the ability to interpret the meaning of the source text in the codes of one language system. Intra-language or intra-verbal translation is used in a linguistic or educational context for the purpose of clarifying, explaining, or effectively understanding the text. This article considers text adaptation as one of the types of intra-language translation. Text adaptation is the transformation of the form and content of the source text while maintaining meaning to meet the needs of the recipient/audience. The purpose of the study is the methodological justification of the phased formation of skills and the development of skills for adapting foreign-language text in intra-language and inter-language translation using a set of special tasks and exercises.*

The methodological basis of the study was ideas from works on the theory and practice of translation, didactics of translation activity, as well as linguistic provisions for adapting the text.

The authors of the article develop a set of tasks and exercises, relying on ways to adapt a foreign-language text at the semantic, structural and pragmatic levels. At the same time, the authors adhere to the idea of sequentially developing the skills of adapting a foreign-language text among students of a language university in the process of studying a foreign language at the initial stages, followed by the use of pragmatic adaptation of the text in inter-language translation as part of the study of vocational-oriented disciplines at the senior stage.

In the course of the study, methods of theoretical generalization were used (analysis of scientific works on the problems of intra-language and inter-language translation, didactics of translation activities, as well as analysis of regulatory and educational documents) and empirical methods for observing, analyzing and generalizing pedagogical experience in a language university.

Keywords: *linguistic education, translation didactics, inter-language translation, intra-language translation, translation competencies, adaptation, adaptation methods, tasks and exercises*

For citation: Orbodoeva L. M., Sambueva V. B., Taraskina J. V. Text Adaptation Teaching in the Process of Intra- and Interlanguage Translation. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2024; 1: 165–179. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2024-1-165>

Введение. В настоящее время перевод представляет собой одну из изменяющихся сфер деятельности, когда расширяются профессиональные задачи современного переводчика. В этой связи актуальными становятся вопросы дидактики переводческой деятельности, раскрывающие цели, подходы, содержание, технологии обучения будущих переводчиков. Как известно, главной целью обучения переводу выступает формирование профессиональной компетентности переводчика, который выполняет коммуникативное посредничество между людьми [1–5]. При этом речь идет об осуществ-

влении деятельности по интерпретации смыслов, когда происходит переход от одной семиотической системы к другой [2].

В работе Е. Р. Поршневой подчеркивается мысль о том, что в ходе осмысления иноязычного текста с целью его эквивалентной передачи на другой язык важным содержательным компонентом обучения переводчиков становятся способности и готовность понимать и интерпретировать вербальный знак [3]. В этой связи автор обосновывает необходимость обучения внутриязыковому переводу наряду с межъязыковым в процессе подготовки будущих переводчиков.

В данной статье мы рассмотрим возможности поэтапного формирования навыков и развития умений внутриязыкового перевода на начальных курсах обучения иностранным языкам в вузе для последующего формирования переводческих компетенций межъязыкового перевода на старших курсах.

Целью исследования является методическое обоснование комплекса заданий для поэтапного формирования навыков и развития умений адаптации текста во внутриязыковом и межъязыковом переводе.

Методы исследования, теоретическая база. В ходе исследования были применены следующие методы: анализ научных работ в области теории и практики перевода, дидактики переводческой деятельности; анализ нормативно-образовательных документов (ФГОС ВО по направлению подготовки 45.03.02 «Лингвистика» (2020 г.), Профессиональный стандарт «Специалист в области перевода» (2021 г.); наблюдение, анализ и обобщение педагогического опыта.

Теоретической базой послужили концепции по дидактике переводческой деятельности (Н. Н. Гавриленко, 2021, 2023; Е. Р. Поршнева, 2018; Н. К. Гарбовский, 2012); труды по теории и практике перевода (Л. Э. Найдич, А. В. Павлова, 2015; Р. М. Шамилов, В. В. Сдобников, 2015; Е. В. Чистова, И. В. Убоженко, 2022); исследования, посвященные особенностям внутриязыкового перевода (А. А. Стрельцов, 2021), а также работы, связанные с характеристиками адаптированного текста (С. В. Первухина, 2015, 2019).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в преподавании практического курса иностранного языка и курса письменного перевода.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из требований к профессиональным компетенциям будущего переводчика

является «вербальная лабильность» [6, с. 132], под которой понимаются умения передавать, формулировать, переформулировать смысл сообщений как на родном, так и на иностранном языках в соответствии с дискурсивным контекстом. В этой связи обучение внутриязыковому переводу в рамках изучаемого иностранного языка способствует развитию вербальной лабильности, а именно умений варьировать разными иноязычными языковыми средствами.

Как известно, понятие внутриязыкового перевода впервые было раскрыто в работе Р. О. Якобсона. Ученый пояснял, что в ходе внутриязыкового перевода происходит «интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка» [4]. Одним из способов интерпретации текста является его адаптация. Под адаптацией мы понимаем процесс изменения исходного текста с целью приспособления его к определенным потребностям целевой аудитории. Адаптация текста в настоящее время может применяться в различных переводческих ситуациях, включая локализацию контента, преобразование научных материалов в учебные пособия, создание рекламных материалов и т. п.

В своем исследовании при обосновании комплекса заданий и упражнений для формирования навыков и развития умений адаптации текста мы опирались на работу С. В. Первухиной, которая выделяет два направления адаптации текста: 1) упрощение формы (включает в себя компрессию текста, упрощение сложных синтаксических структур, замену малоупотребительных слов); 2) преобразование содержания (с целью пояснения незнакомых слов или понятий и восполнения лакун в фоновых знаниях читателя). Исходя из этого можно выделить такие способы адаптации, как: а) композиционно-структурные; б) семантические; в) прагматические [7; 8]. Предложенные автором способы адаптации мы использовали при разработке заданий, направленных на формирование навыков и развитие умений адаптации текста.

На начальном этапе обучения языку (1-й и 2-й курсы) по дисциплине «Практический курс первого иностранного языка» у студентов формируются компетенции, связанные с умениями продуцировать иноязычные высказывания в различных формах применительно к особенностям коммуникативного контекста. При этом мы учитываем необходимость формирования способности «перефразировать и адаптировать исходный текст на одном целевом языке, используя устное или письменное сообщение» [9, с. 67], а также способности «быстро и точно суммировать, перефразировать, рекон-

струировать, адаптировать и сокращать исходный текст» в процессе обучения будущих лингвистов [9, с. 69]. Значимость таких умений в рамках подготовки переводчиков подчеркивается в работах по дидактике перевода [3; 6; 10–11].

В нашем исследовании развитие таких умений осуществляется на основе звучащих или письменных иноязычных текстов. В частности, при работе над текстами студентам предлагаются задания, связанные с семантической или грамматической адаптацией, с последующей передачей содержания текста. Такого рода задания способствуют обогащению словарного запаса будущих переводчиков, развитию умений выражать одно и то же содержание разными способами, что, в свою очередь, служит основой для автоматизации навыков в переводе с одного языка на другой. Так, на начальном этапе мы предлагаем включить задания и упражнения, направленные на формирование навыков семантической адаптации и поясняющие значения определенных слов или фраз:

1. *Объясните данное слово, используя синонимы.*
2. *Подберите к заданным словам синонимы, а затем антонимы.*
3. *Подберите обобщающий синоним для предложенных слов.*

Синтаксическая адаптация включает в себя изменения грамматической структуры предложений, например: изменение порядка слов, замена пассивного залога на активный, добавление частей речи и т. п. Навыки упрощения сложных синтаксических структур следует формировать в следующих упражнениях.

1. *Замените выделенные сложноподчиненные предложения на несколько простых предложений.*
2. *Преобразуйте два простых предложения в одно, используя причастные обороты с *ит ... zu*.*
3. *Преобразуйте несколько предложений в одно, изменяя конструкции, опуская некоторые слова и части предложений.*

Компрессия текста предполагает опущение избыточной информации или несущественных деталей, умения обучающимися выделять ключевую информацию. Мы предлагаем следующие задания, способствующие развитию умений компрессии текста:

1. *Прочитайте текст и сформулируйте ключевую мысль каждого абзаца (1–2 фразы).*
2. *Прочитайте текст. Выделите главную информацию и второстепенную. Сформулируйте основную тему текста. Разделите текст на смысловые части. Озаглавьте каждую часть.*
3. *Подчеркните повторяющиеся слова в тексте, однородные члены предложения, повторы, риторические слова, цитаты, которые не влияют на ход авторской мысли.*

4. *Сократите текст, убрав ненужные подробности и детали. Напишите сжатое изложение каждой части, соедините их между собой, чтобы получился связный текст.*

5. *Расположите данные вопросы в последовательности, соответствующей логике текста.*

6. *Переделайте прочитанный диалог в монологическое высказывание.*

Следующий этап обучения иностранному языку осуществляется на 3-м курсе в рамках дисциплины «Практикум по культуре речевого общения». В соответствии с основной профессиональной образовательной программой высшего образования одной из формируемых компетенций является развитие умений интерпретировать коммуникативные цели высказывания, выявлять релевантную информацию исходного текста на изучаемом языке. Исходя из этого работа с текстами предполагает развитие умений понимать текст как на уровне семантики языковых единиц, так и на уровне осмысления эксплицитной и имплицитной информации. На этом этапе продолжается развитие умений семантической и композиционно-структурной адаптации иноязычного текста.

Семантическая адаптация текста предполагает изменение текста таким образом, чтобы сделать его понятным, релевантным и соответствующим потребностям и ожиданиям целевой аудитории. На старшем этапе обучения иностранному языку речь идет о пояснении и определении ключевых терминов или понятий. Здесь можем предложить такого рода задания:

1. *Найдите дефиницию слова в толковом словаре и опишите его значение собственными словами.*

2. *Представьте себе, что вы объясняете значение понятия своему другу, который не знаком с этим словом.*

3. *Замените стилистически окрашенные слова на нейтральные эквиваленты.*

Поскольку композиционно-структурная адаптация предполагает сокращение исходного текста, перефразирование, изменение структуры или формата текста, то можно предложить студентам такого рода задания:

1. *Прочитайте текст и сформулируйте ключевую мысль каждого абзаца (2–3 фразы).*

2. *Прочитайте интервью журналиста с экспертом и передайте содержание интервью в виде пресс-релиза.*

3. *Прочитайте несколько высказываний и расширьте текст до 10–12 предложений, добавив дополнительные детали, чтобы сделать его более информативным.*

Для развития умений интерпретировать целевой текст возможны задания с целью прагматической адаптации иноязычного текста. При этом следует сохранить информативность, смысловую и тематическую цельность текста [5; 11; 12]. Рассмотрим задания:

1. *Прочитайте следующий общественно-политический текст и передайте прямые цитаты из текста в косвенной речи.*

2. *Прочитайте текст и выделите главные идеи в тексте. Напишите краткое резюме, включающее только самую важную информацию.*

3. *Прочитайте текст и сократите его наполовину, сохранив ключевые идеи.*

4. *Прочитайте текст и добавьте дополнительный абзац с примерами.*

Обобщить и переформулировать информацию на целевом языке на старших этапах обучения помогают задания, связанные с описанием графиков и диаграмм. При этом можно использовать задания, направленные на развитие семантической, композиционно-структурной и прагматической адаптации. Задания могут быть сформулированы следующим образом:

1. *Прочитайте описание графика и вставьте пропущенные глаголы и существительные для описания тенденций роста / тенденций снижения / устойчивых тенденций.*

2. *Прочитайте описание графика и расположите абзацы в логической последовательности.*

3. *Опишите график, при описании цифровых данных используйте клише и шаблонные фразы.*

График или диаграмма могут прилагаться к тексту, а студентам необходимо проанализировать содержание текста и интерпретировать данные инфографики. Такие задания, связанные с перефразированием графической информации в письменное или устное сообщение, направлены на развитие умений прагматической адаптации:

1. *Прочитайте описание графиков / диаграмм и оцените их анализ по шкале «отлично», «хорошо», «посредственно».*

2. *Ознакомьтесь с текстом и предоставленным графиком. Объясните, какая информация на графике подтверждает или дополняет данные, представленные в тексте.*

3. *Изучите текст и предложенную диаграмму. Какие выводы можно сделать, анализируя оба источника информации?*

Таким образом, формирование навыков и развитие умений адаптации текстов на занятиях «Практический курс иностранного языка» (на 1-м и 2-м курсах) и «Практикум по культуре речевого общения» (на 3-м курсе) при внутриязыковом переводе поможет сту-

дентам в дальнейшем научиться адекватно передавать значение и смысл текста уже на целевом языке на занятиях по практическому курсу перевода (в рамках дисциплин «Письменный перевод», «Перевод специального текста»), которые начинаются у студентов — будущих переводчиков на 3-м курсе. Уточним, что на занятиях по практическому курсу перевода студенты осуществляют межъязыковой перевод как с русского языка на иностранный, так и с иностранного языка на русский.

Любой перевод (устный или письменный) в реальной действительности осуществляется в определенной коммуникативной ситуации. Это значит, что при выполнении перевода всегда необходимо учитывать прагматику, в которую входит «и так называемый узус («так принято»), и конкретная ситуация общения, и намерения говорящего, и отношения между участниками коммуникации, и фоновые знания реципиентов, и их ожидания, и их культурный фон» [12, с. 130]. Поэтому на первоначальном этапе важно научить студента анализировать не только лингвистические параметры текста, но и экстралингвистические факторы, к важнейшим из которых относятся «различия в фоновых знаниях, определяемые принадлежностью разноязычных коммуникантов к разным культурам. Проще говоря, у получателей перевода может не быть тех знаний, которыми располагают автор и получатели оригинала, либо их представление об определенном сегменте действительности существенно отличается от представлений представителей исходной культуры» [13, с. 292]. От результатов анализа коммуникативной ситуации зависят дальнейшие переводческие решения.

Для этой цели наиболее оптимальным материалом являются специальные тексты, содержащие национально-культурную специфику. Изначально, работая с такими текстами, при выполнении переводческого анализа можно ориентироваться на усредненного реципиента и выполнять со студентами, например, такие задания:

Прочитайте следующие тексты, найдите слова и выражения, которые нуждаются в прагматической адаптации при переводе на целевой язык, объясните причину. Предложите оптимальное решение (текст перевести не требуется).

Коммуналка¹

Квартирный вопрос, который, как известно, испортил советских людей, стоял ребром на протяжении всего XX века. Придя к власти, большевики попытались радикально снизить его остроту,

---

¹ Чагадаева О. Коммуналка. URL: <https://rg.ru/2020/04/08/legendy-rodiny-kommunalka-i-gore-i-schaste-i-sudba-dlia-millionov.html> (дата обращения: 05.11.2023).

что привело к появлению причудливой формы быта — коммунальной квартиры. Уникального порождения социализма, где за одной дверью волею судеб и чиновников проживали ничем не связанные между собой люди разных профессий, национальностей, жизненных укладов, социального происхождения и материального достатка. Настоящий плавильный котел, в котором формировалось советское общество!

Man spricht deutsch: GEMÜTLICHKEIT¹

Mit der Gemütlichkeit versuchen die Deutschen ihren Weltschmerz zu betäuben. Das Wort selbst lässt sich nur schwer in andere Sprache übersetzen, was einen Teil seines internationalen Erfolgs ausmacht.

«An was denkt ihr, wenn ihr das Wort Gemütlichkeit hört?», fragte ich in die Biergartenrunde. „Was für eine dumme Frage“, raunzte meine deutsche Freundin Johanna, „natürlich an einen Biergarten.“ „Gut, und an was sonst noch?“ „Gartenzwerg“, rief meine französische Freundin Valerie. „Kuckucksuhr“, rief mein englischer Freund Harry. „Schaukelstuhl“, rief Johanna. „Wann endlich werden die Biergartenbänke gegen Biergartenschaukelstühle ausgetauscht?“

Для понимания обоих текстов необходимы определенные фоновые знания об исходной культуре. В первом тексте недостаточно перевести понятие «коммуналка» и выражение «квартирный вопрос» простым соответствием из двуязычного словаря, так же как и понятие из второго текста Gemütlichkeit, которое является одним из основных концептов немецкой культуры.

На следующем этапе студентам уже можно предложить перевести тексты, содержащие, например, национально-культурную специфику, на целевой язык полностью, применив тактику прагматической адаптации.

В дальнейшем студенты должны научиться создавать тексты перевода с учетом конкретного переводческого заказа, определять степень необходимых и возможных преобразований текста, не переходя допустимые границы. Для этого, давая студентам задание на перевод, необходимо формулировать конкретное техническое задание. Например:

Техническое задание № 1

Немецкое туристическое агентство, занимающееся культурным туризмом, хочет перевести программы двух-трехдневных ту-

---

¹ Siedenberg S. Man spricht deutsch: Gemütlichkeit. URL: <https://www.stern.de/kultur/buecher/-man-spricht-deutsch---gemuetlichkeit-mass-fuer-mass-3530990.html> (дата обращения: 05.11.2023).

ров, размещенные на их сайте, на русский язык с целью привлечения русскоязычных туристов, которые проводят отпуск и каникулы в Германии. Переведите текст для его размещения на сайте. Максимальное отклонение от исходного текста — 100 знаков (с пробелами).

Техническое задание № 2

Российское туристическое агентство готовится к участию в международной туристической выставке в Берлине ITB. Переведите следующие тексты для их размещения в туристическом буклете. Объем каждого из текстов должен составлять 1100–1200 знаков с пробелами.

Для таких заданий необходимо использовать аутентичные тексты, которые содержат в себе, к примеру, описание достопримечательностей, туристических дестинаций. После выполнения заданий несколько студентов могут представить свои переводы группе, ответив на вопросы: *как они произвели прагматическую адаптацию текста, насколько оправданы предпринятые ими трансформации текста с учетом специфики технического заказа.*

Для развития умений прагматической адаптации можно предложить студентам создать переводы одного и того же текста, ориентируясь при этом на разные группы реципиентов. Для этой цели можно использовать тексты из разных специальных областей, но ориентироваться при этом следует на те тексты, которые на сегодняшний день пользуются спросом на рынке переводческих услуг. Например:

Переведите текст пресс-релиза ИТ-компании о выпуске нового продукта на рынок для следующих групп: 1) возрастная группа 14–20 лет; 2) возрастная группа 50–60 лет; 3) продвинутые программисты.

Сформированность умений адаптации текста входит также в комплекс переводческих компетенций специалиста в области аудиовизуального перевода. В частности, он должен уметь «адаптировать текст под требуемый вид локализации аудиовизуального произведения (различные виды дубляжа, закадровое озвучивание, субтитры)» и «определять необходимую степень адаптации аудиовизуального произведения для целевых аудиторий с особыми когнитивными потребностями» [14, с. 23]. Поэтому в рамках спецкурсов или если позволяет отведенный объем часов, на занятиях по письменному переводу можно углубить знания и усовершенствовать навык прагматической адаптации применительно к аудиови-

зуальному переводу или в рамках внутриязыкового перевода при создании тифлокомментария.

В дальнейшем студенты уже смогут успешно развивать умения адаптации текста при выполнении практической части выпускной квалификационной работы.

Заключение. Проведенное исследование позволило обосновать необходимость развития умений внутриязыкового перевода в ходе языковой подготовки будущих переводчиков. Сформированность умений интерпретировать иноязычные тексты и эксплицировать их смысл на изучаемом языке подготавливает студентов к межъязыковому переводу. А целенаправленное обучение прагматической адаптации на этапе обучения межъязыковому переводу дает возможность студентам принимать правильное переводческое решение с учетом цели перевода и его аудитории, способствует развитию их культурной компетенции, позволяя им лучше понимать и адаптировать тексты культурно-специфических контекстов. Прагматическая адаптация помогает студентам осознавать и учитывать социальные и коммуникативные особенности, стать более гибкими переводчиками, способными адаптироваться к различным коммуникативным ситуациям, что в сумме позволяет достичь более качественных результатов в переводческой деятельности.

Предложенный в нашем исследовании комплекс заданий и упражнений позволит сформировать навык и в дальнейшем развивать умения адаптации текста во внутриязыковом и межъязыковом переводе. Последовательная работа должна начинаться уже на младших курсах переводческого отделения и продолжиться на занятиях по переводу на старших курсах, что обеспечит более качественную подготовку студентов.

Список источников

1. Гавриленко Н. Н. Цели обучения отраслевому переводу // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. № 2 (839). С. 92–102.
2. Гарбовский Н. К. Семь вопросов дидактики перевода или Skopos-дидактика переводческой деятельности // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012. № 4. С. 36–54.
3. Поршнева Е. Р. Становление дидактики переводческой деятельности: методологические проблемы и трудности // Дидактика перевода: традиции и инновации. М.: Флинта, 2018. С. 6–26.
4. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

5. Бабкина М. Д. Ясный язык как средство обеспечения доступности информации : метод. рекомендации. Предварительный национальный стандарт. М., 2021. 144 с.
6. Стрекаловская Ю. О. Обучение внутриязыковому переводу как подготовительный этап профессионального тренинга устного переводчика // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. 2018. № 43. С.132–140.
7. Первухина С. В. Механизмы адаптации текста в учебно-педагогическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 43–46.
8. Первухина С. В. Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста : автореф. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2015. 44 с.
9. Чистова Е. В., Убоженко И. В. Перевод: актуальные научные и профессиональные траектории : монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2022. 184 с.
10. Нечаева Н. В., Хельмле К.-С., Каирова Э. М. Перевод на ясный и / или простой языки как интралингвальный вид перевода и подготовка переводчиков // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2021. № 3. С. 99–108.
11. Поршнева Е. Р., Краснова М. А. Дидактический потенциал пропедевтических упражнений в процессе языковой подготовки переводчиков // Язык и культура. 2017. № 3. С. 230–240.
12. Найдич Л. Э., Павлова А. В. Трубочист или лорд? Теория и практика немецко-русского и русско-немецкого перевода. СПб.: Златоуст, 2015. 408 с.
13. Шамилов Р. М., Сдобников В. В. Прагматическая адаптация как одна из тактик специального перевода // Многоязычие в образовательном пространстве. 2015. № 7. С. 289–296.
14. Асташина Д. А., Борщевский И. С., Гайдаш Н. В. и др. Специалист в области перевода и медиадоступности: рамка компетенций. Казань: Бук, 2021. 46 с.
15. Стрельцов А. А. Определение статуса внутриязыкового перевода в XXI веке // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2021. Т. 40. № 2. С. 292–300.

References

1. Gavrilenko N. N. Goals of training in sectoral translation. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki* [Bulletin of Moscow State Linguistic University. Education and pedagogical sciences]. 2021. No 2 (839). Pp. 92–102. (In Russ.)
2. Garbovsky N. K. Seven issues of translation didactics or Skopos-didactics of translation activity. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda* [Bulletin of Moscow University. Series 22. Translation theory]. 2012. No 4. Pp. 36–54. (In Russ.)
3. Porshneva E. R. Formation of didactics of translation activity: methodological problems and difficulties. *Didaktika perevoda: tradicii i innovacii* [Didac-

tics of translation: traditions and innovations]. Moscow: Flint Publishing House, 2018. Pp 6–26. (In Russ.)

4. Strekalovskaya Yu. O. Intralingual Translation / Interpretation as a Preparatory Stage for Professional Training of Interpreters. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova* [Nizhny Novgorod Linguistics University Bulletin]. 2018. No 43 (839). Pp. 132–140. (In Russ.)

5. Jacobson R. On linguistic aspects of translation. *Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoj lingvistike* [Questions of translation theory in foreign linguistics]. 1978. Pp. 16–24. (In Russ.)

6. Chistova E. V., Ubozhenko I. V. *Perevod: aktual'nye nauchnye i professional'nye traektorii* [Translation: actual scientific and professional trajectories]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University Press, 2022. 184 p. (In Russ.)

7. Nechaeva N. V., Helmle K.-S., Kairova E. M. Easy and Plain Language Translation as an Intralingual Type of Translation & Training the Intralingual Translators. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics]. 2021. Vol. 20. No. 3. Pp. 99–108. (in Russ.)

8. Pervukhina S. V. Mechanisms of text adaptation in educational discourse. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Issues of Volgograd State Pedagogical University]. 2019. No 6 (139). Pp.43–46. (In Russ.)

9. Pervukhina S. V. *Strukturno-semanticheskie i diskursivno-pragmaticheskie karakteristiki adaptirovannogo teksta : avtoref. ... d-ra filol. nauk* [Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of the adapted text : abstract. ... Dr. Phil. sciences]. Volgograd, 2015. 44 p. (In Russ.)

10. Babkina M. D. *Yasnyj yazyk kak sredstvo obespecheniya dostupnosti informacii* [Clear language as a means of ensuring the availability of information]. Guidelines. Preliminary national standard. Moscow, 2021, 144 p. (In Russ.)

11. Porshneva E. R., Krasnova M. A. Didactic potential of propaedeutic exercises in language training of translators / interpreters *Yazyk i kul'tura* [Language and Culture]. 2017. No 3. Pp. 230–240.(In Russ.)

12. Najditch L. E., Pavlova A. W. *Trubochist ili lord? Teoriya i praktika nemecko-russkogo i russko-nemeckogo perevoda* [Chimney sweep or lord? Theory and practice of German-Russian and Russian-German translation]. St. Petersburg: Zlatoust, 2015, 408 p. (In Russ.)

13. Shamilov R. M., Sdobnikov V. V. Pragmatic adaptation as a tactic of translating special texts. *Mnogoyazychie v obrazovatel'nom prostranstve* [Russian Journal of Multilingualism and Education]. 2015. No 7. Pp. 289–296. (In Russ.)

14. Astashina D. A., Borshchevskij I. S., Gajdash N. V. et al. *Specialist v oblasti perevoda i mediadostupnosti: ramka kompetencij* [Specialist in translation and media accessibility: a competency framework]. Kazan: Buk, 2021, 46 p. (In Russ.)

15. Streltsov A. A. Intralingual translation in the XXIst century: determining the status. *Voprosy zhurnalistiki, pedagogiki, yazykoznanija* [Issues in Journalism, Education, Linguistics]. 2021 Vol. 40. No. 2. Pp. 292–300. (In Russ.)

Сведения об авторах

Орбодоева Лариса Матвеевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а)

Самбуева Вера Баировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а)

Тараскина Ярослава Вячеславовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова (670000, Россия, Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а)

Information about the authors

Larisa M. Orbodoeva, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Buryat State University (24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russia)

Vera B. Sambueva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Buryat State University (24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russia)

Jaroslava V. Taraskina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Translation and Intercultural Communication, Buryat State University (24a, Smolina St., Ulan-Ude, 670000, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted	16.10.2023
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing	30.12.2023
Принята к публикации / Accepted for publication	23.01.2024

Периодическое издание

Научно-образовательный и методический журнал

“Человек. Культура. Образование”

№ 1 (51) 2024

Редактор *О. В. Габова*

Корректор *Е. М. Насирова*

Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*

Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 19.03.2024. Дата выхода в свет 03.04.2024.

Формат 60×84/16.

Усл. п. л. 10,5. Уч.-изд. л. 13,0.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в Коми республиканской типографии

167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,

ул. Савина, 81